

Александр Евгеньевич Орлик

Маскаль: Врата Ада

S.T.A.L.K.E.R. Fan-fiction – 0

Москва

Решение пришло рано утром в понедельник, под красиво-ненужно-неразборчивое завывание очередной крашеной блондинки – «звездочки», выдернутой, может быть, «папиком», а может быть, и целым продюсером из гущи мелированного, с пушапными сиськами и подтянутыми длинными ногами московского (а может, и питерского, екатеринбургского, и далее по списку) клубного планктона.

Похмелье было мучительным как никогда. К абстиненции и спазмам примешивалась невыносимая душевная боль. Никогда не думал, что так мучительно будет расставание с Таней... Даже мысль, воспоминание, мельком пробежавшее перед внутренним взором, резало измученное страстями и стучащее от перепоя сердце.

Пора кончать. Ну в смысле, не так, как вы, конечно, подумали. Кончать по-настоящему, со всем и разом.

Достали идиоты в пробках, всё время норовящие подрезать или перестроиться в соседний ряд, который, как гласит известная шутка, всегда движется быстрее – пока в него не перестроишься.

Достали соседки – дебелые приезжие девицы, устраивающие в соседней однушке пьянки с подозрительно вида мужиками почти каждый вечер. Вот уж воистину кто не пьёт – только регулярно похмеляется...

Достала участковая, тридцатитрехлетняя, рано обабившаяся женщина, одиноко растящая сына-суворовца, порядочная по сути, но считающая своим долгом постоянно проверять, прибит ли у меня к полу и стенке ящик с задрипанным, никому не нужным старым ружьем.

Всё руки не доходят его продать. А может просто «потерять» и сдаться ментам из «разрешиловки», прослушать их долгие лекции и сетования... Не, пригодится ружье еще. Рано терять...

Ружьё... Стискиваемый спазмами головной мозг неожиданно осенило. Ведь недавно, плять, я видел выложенное в Интернете видео, на котором фантазмагорического вида мужик почти в упор расстреливал из невесть откуда взятого старинного СКС какое-то жуткое существо, отдаленно напоминающее свинью. Точно! Ружьё... Свинья... Ой пострелять бы таких уродцев! А ещё б за это платили! Деньги!!! Ну всё... допился...

Есть. Искра таки начала разгораться в пламя.

Надо заставить себя встать... Дойти до кухни... В холодильнике как обычно – банка испорченных солёных огурцов. Надо же, чтобы у мужчины в доме хоть что-то стояло... Стоит. Откройте для себя... КРАН.

Точно. Попьём... Пьём... Ох, хорошо... вода врывается в раскалённые внутренности свежей бодрящей струёй. Умыться нет сил, но приятно

размазать по опухшему лицу воду, освежающую, в бетонной московской многоэтажке круглый год холодную...

Ещё пить... Теперь осторожно, чтобы не схватить столь естественный при таких похмельных спазмах остеохондроз, выпрямляюсь.

Организм требует отдать природе долг. Идти с кухни в туалет – далековато в таком состоянии.

А, блин, пожурчу в раковину: один раз – не пидарас, как говорили в школе. Интересно, кто это придумал? А впрочем, не важно, главное – смыть, не экономя холодной воды.

Ой, до чего же тяжело-то...

Где то читал что японские дзен-буддисты называли такое состояние – «не-я». Забавно, но крайне актуально.

Борьба за оживание отвлекла меня немного от другой, мучительной боли, которая, свернувшись в тугой комок, медленно, как мурена, вернулась в своё логово. В сердце.

Так, держимся, держимся... Идти осталось недолго. Вот, аккуратненько до угла – вот уже и дверь, требующая покраски, а лучше – замены, вот уже и диван. Вот и ноутбук.

Сейчас главное, чтобы не оказалось, что именно сегодня выключили Интернет. Подлый провайдер, вот на кого большевиков не хватает, потомок кулацких недобитков, прости Господи. Ой, что это я чепуху несу.

Работает!!!

Ищем, ищем. Тяжко... Мляять... Надо себя заставить... Вот! Вот тот ролик. Закопан на Ю-Тьюбе так, что если бы не сохранённая в аське история – и не нашел бы...

Итак.

Всё мутно, нечетко, снято явно на камеру недорогого сотового телефона.

Здоровенная тварь, похожая на свинью, только какая-то очень уж свирепая, выбегает из странного вида кустов и несётся, как тепловоз, к стоящему посреди поляны мужику.

Или не мужику – непонятно. Ну и наряд! Плащ какой-то, или куртка, типа ветровки. Рюкзак здоровенный. Мужик весь чем-то обвешен, в высоких сапогах типа тех, в которых ходят рыбаки – и с хорошо знакомым по долгим часам в карауле в армии в срочную карабином СКС.

Мужик вскидывает карабин, много, пока не закончились патроны, стреляет в тварь – а та бежит, хоть бы что. Ну не бывает так! Или он мажет «в молоко», или это какой-то подкол.

Перемотаем. Смотрим медленно, увеличив изображение. Оно мутное, квадратиками, но все равно видно, что на теле твари при каждом выстреле вспениваются фонтанчики. Пули попадают! Это что ж такое – я сам видел, как пули СКС железнодорожный рельс простреливают насквозь!!!

Да уж... Я и раньше слышал про трагедию в Украине, про некую Зону Отчуждения, хотя пресса как-то деликатно умудрялась обходить эту тему стороной. В Интернете тоже как будто граблями прошли. Впрочем, если проявить недюжинную фантазию, то можно попытаться найти несколько статей, постингов или комментариев, но и они долго не живут. Видать чистит кто-то, вкладывает усилия – Интернет-то не «зомби-ящик», как телик, в который пусти какой-нить там «Дом» или что-то подобное, и всё – массы культурно окормлены...

Итак, карты. Начнем с крупнейших картографических Интернет-сервисов. Пусто. «Плять, я так и зналь... Хофуйефайтунг...» Всё подчистили. На карте Украины этой территории как будто вообще нет. Ни тебе населенных пунктов, ни дорог – ни-че-го.

Надо порыться на антресоли, наверняка завалялись карты – еще во времена моего мучения в школе я их туда прятал, даже контурные.

Так, вот. Есть!

Мамочки, да что же это такое... Территория величиной, наверное, с Москву.... А может и больше!

И мы живём в своих (понарошку!) городах и весях, и даже не задумываемся о том, что там происходит. Даже солдат, что-то намного чаще начавших гибнуть на срочной службе, либо непонятным образом «оставшихся служить по контракту» и резко оборвавших все связи с родными и близкими – стало ну просто заметно много. Или незаметно? Почему никто об этом не говорит? Или не думает?

И что там, на этом куске карты Украины происходит? Неужели этот жуткий ролик – правда? Надо пересмотреть. Блин, ну вот же эта страница, в истории браузера. Страница удалена. Ролик удалён. Комментарии удалены.

Круто! Оперативно работают гебешнички нерусские. А может и русские, кто его знает, кому оно нужнее, пиндосам или нам. Пиндосы небось за гамбургерами и биржевыми котировками и не интресуются Зоной. Вон у них война который год с Ираком да Афганом, а у них даже в прессе об этом – кот наплакал. Привыкли, юберменши...

Искать теперь нечего. Выход – есть.

Надо найти способ безопасно похмелиться, и можно готовиться к отъезду...

Врата

«Входящий, оставь упование...»

Поезд Москва – Киев мерно постукивал по рельсам. Позади, где-то в далёкой-далёкой теперь Москве остались два месяца подготовки. Почти ежедневная езда на старенькой Ниве в Подмосковные леса, с многочасовой стрельбой из затертой двустволки. Кроссы, которых уставшие от снаряжения патронов руки просто ну радостно ждали каждый день. Ноги же желали только упругих теплых струй воды, мыла и кровати. От постели я себя отучил сразу, равно как и от соли в кашах, на которые перешел частью из экономии, а частью ожидая, что там, куда я еду, вряд ли будет развит общепит и торговые сети...

Я немного не успел, октябрьские дожди уже недвусмысленно сообщали, что осень наступила и холодам – быть.

Всё оказалось непросто. Непросто перестать пить и заставить себя заниматься спортом, восстановить форму. Конечно, в мои тридцать четыре года непросто перестать быть диванным мурчалкой с наметившимся пивным животиком и снова стать подтянутым и спортивным мужиком. Но в какой-то то степени мне это удалось, и двадцатикилометровые марш-броски уже не вызывали у меня приступов паники.

Непросто было вспомнить пропорции навесок пороха. Непросто было научиться лить пули разных форм. Непросто было привыкнуть к боли в руках и правом плече. Привык...

Я привык спать в спальнике на полу и на земле в соседнем парке, греться естественным теплом, не разводя костра, и мыться тут же в озере или ручейке. Даже пробовал в лужах. Чтобы преодолеть ненужные в том мире позывы к комфорту и гигиене.

Чтобы иметь средства на существование, я сдал комнату неприятного вида лицам из южной республики. Это помогло мне питаться, оплачивать порох, капсулы и свинец, и положить энную сумму на лицевой счет квартиры наперед – на случай, если после моего отъезда мои дети гор не станут заботиться о регулярности платежей.

Я продал машину и закрыл кредитную карточку – ни то ни другое ТАМ мне не понадобится.

Написал завещание – завещал все своё имущество своей бывшей жене, которая с ребенком уехала в её родной Харьков после развода. На родину ее потянуло, мать её... На гарных хлопцев. Ну да ладно. Боль меня мучила не по ней, но она растила моего ребенка и заслужила это. Если я не вернусь, конечно...

Нашел пару книг на украинском и зачитал их до дыр – язык красивый, да и наверняка пригодится. А вот бывшая, кстати, не владела.

Домашний телефон я отключил сразу, сотовый сменил, расторгнув старые договора. Уходя – уходи...

Бравый украинский таможенник бесперспективно порылся в моих скудных пожитках. Что может найти в брезентовом рюкзаке одетого как грибник москаля доблестный инспектор? У меня нет даже лекарств. Только мыло, начатая буханка хлеба, палка копченой колбасы, смена белья, крепкие, высокие рыбацьи сапоги (знал бы, что так понадобятся – купил бы три пары, не поглядел, что жутко дорогие) и неновый спальный мешок. Плащ мой его тоже не заинтересовал. И не надо...

Спросил для приличия про валюту – и очень удивился, когда я показал ему небольшую сумму в гривнах. А я просто поменял деньги в Москве, на Киевском вокзале – на всякий случай.

Неприятные сюрпризы начались с Киева. Таксисты упорно не хотели слышать ни о какой чернобыльской зоне отчуждения, и даже уговоры на приемлемом, как оказалось, украинском, на который некоторые принципиально переходили – не помогли. Я понял. Они – боялись. Боялись все, и чего-то очень страшного.

Еще меня удивило большое количество иностранных военных, среди которых попадались знаки различия самых разных стран, и даже очень смуглые лица, похожие на лица пакистанских торговцев электроникой на Любавинском рынке рядом с моим домом в Москве, не были редкостью. Все они очень мало разговаривали, много курили и не улыбались вообще. Выглядели непривычно, даже форма, всегда столь щегольски подогнанная по фигуре у натовских военных, была затерта и надета абы как.

Уже наступили сумерки, странные какие-то – это я позже заметил, когда наконец уговорил одного странного пожилого мужика на древнем «иже» отвезти меня к ближайшему блок-посту Зоны Отчуждения.

Случилось это совсем случайно – я бесцельно брел по северной окраине Киева, в надежде найти попутную машину или уговорить водителя какого-нибудь грузовика. В конце концов, надо было заночевать, а разложить спальник где-то в незнакомой мне столице было неразумно. Киев все больше

напоминал мне «прифронтовой» Ташкент конца Афганской войны, который я видел в каком-то старом фильме.

Мужик не спеша покручивал заводную ручку, очевидно, что процедура была привычной. На вид – лет семьдесят с лишним, следы былой выправки – скорее всего, бывший военный... Я навскидку задал ему вопрос – не может ли он отвезти меня. Он ответил без спешки, не отрываясь от дела, но коротко и твёрдо – да.

Легкость, с которой он согласился, не спросив даже про деньги, меня несколько удивила. Однако, загружая в багажник свой рюкзак, я увидел там почти такой же, только очень затёртый и выгоревший, в каких-то явно не отмывающихся даже растворителем застарелых пятнах.

Двигатель завёлся, и Геннадий Иванович, как представился мой неожиданный персональный водитель, просто предложил мне загружаться в машину. Второго предложения я не ждал.

Уже когда автомобиль неспешно выруливал с окружной на шоссе, я вдруг понял, отчего меня не оставляет чувство какой-то ирреальности происходящего. Двигатель. Он не просто работал ровно, это был дизель! Дизельный двигатель на допотопном «москвиче»? Это было из области фантастики.

Геннадий Иванович ехал молча, педантично соблюдая все правила дорожного движения, что по моему немалому опыту вождения в Украине было уже удивительным. Минут через 30 после начала поездки вдруг заговорил.

В темноте автомобиля голос его прозвучал неожиданно молодо и никак не вязался с возрастом.

– Рыбак – коротко сказал он, обернувшись на меня и коротко кивнув. Я сразу понял – это имя. Или кличка. Или, как говорят герои фильмов про спецслужбы, оперативный псевдоним.

Я сразу решил, что спрашивать этого человека о чем-то бессмысленно. Захочет – сам расскажет – то, что сочтет нужным. Так и произошло.

Сам по себе его рассказ прозвучал крайне буднично. Он, отставной советский офицер спецназа ГРУ, забытый после развала СССР в 1991 году и никому не нужный вдовец без детей, промышлял долгое время раскулачиванием имущества брошенного на превращенной в огромную радиоактивную свалку территории Чернобыльской Зоны Отчуждения, кое-как огороженной и чисто символически охранявшейся вечно пьяненькими воровливыми ментами.

Так как заражённость радиодеталей и дефицитных в то время узлов автомобилей не была уж очень опасной, а регулярно принимаемая в меру и для здоровья водка выводила излишки, дело шло, скупщики охотно брали подшипники, распредвалы и карбюраторы – и это было неплохим подспорьем к скудной пенсии.

И всё шло хорошо, пока не взорвался Саркофаг, которым в советские еще времена героические, не шадившие жизнью ликвидаторы накрыли взорвавшийся реактор четвертого блока АЭС.

Рыбаку повезло. Как раз в день Второго Взрыва он просто отсыпался на грязном топчане после обильных возлияний в подвальном помещении на границе Зоны Отчуждения, которое подобные ему отчаянные люди, именуемые Сталкерами, использовали как перевалочный пункт и склад для своих трофеев. Там даже был заныкан тщательно оберегаемый ручной пулемет, невесть как не вывезенный военными при ликвидации Первой Катастрофы из какого-то караульного помещения.

Пулемет пристреляли, так как в Зоне появились ходоки другого рода – бандиты. Не чета мародерам и сталкерам – эти подонки, состоявшие в основном из беглых преступников и примкнувших к ним деклассированных элементов, как правило, нападали неожиданно и в лучшем случае отпускали своих жертв без хабара, снаряжения и пищи. Могли и убить – многие сталкеры и мародеры пропадали бесследно, а в Зоне круглые сутки постреливали.

В то утро ничто не предвещало беды. Сталкеры, сдав скупщику Мозаю добычу, решили по обычаю отметить это дело смесью спирта с водой, у Мозая гордо и справедливо именуемой «Водкой», которую у одного же и прикупили.

Выпили, закусили, снова выпили. Степенно поговорили о делах, обменялись наблюдениями за радиоактивными пятнами. Выпили еще. За здоровье, чтобы, значит, радиация вышла. Перекурили на улице, и после пососковой разложились по любезно предоставленным хозяином – Мозаем – топчанам.

От чудовищной силы взрыва Рыбак подлетел в воздух и больно шлепнулся на пол. Сон прошел мгновенно, натренированный и тогда еще не старый организм пятидесятилетнего отставного спецназовца среагировал привычно быстро. Алкоголь в крови заменил адреналин.

На улицу лучше было не выглядывать – помимо ярких, фантазмагорических всполохов где-то на Западе, в районе АЭС, было понимание того, что от такой встряски половина засыпанных при ликвидации могильников радиоактивных, фоящих материалов просто откроется... Так и случилось.

Все, кто остались на поверхности, либо мутировали, либо погибли сразу, либо превратились в зомби – необъяснимое с точки зрения науки явление мертво-живого человека.

Зона изменилась неузнаваемо и наполнилась электромагнитными аномалиями и мутантами. И если появление аномалий хоть как-то укладывалось в голове людей, то скорость, с которой мутировали выжившие во время второго взрыва твари и с которой они размножились – необъяснима. Более того, учёные – научники, как их называли обитатели Зоны, – не смогли пока найти внятного объяснения такому обилию мутировавшей живности.

Твари, появившиеся на границах Зоны спустя несколько дней после Взрыва, убивали все немутировавшее живое, вызывая паническое бегство зверей и птиц с окраинных территорий. Правительство Украины окружило территорию кольцом войск, однако первые же столкновения неподготовленных военных с жуткими тварями имели следствием гибель нескольких подразделений, огромные потери.

Приехавшие со всего мира эксперты ООН были единодушны – территория подлежит изоляции наглухо. Украина согласилась впустить международный контингент. Территорию Зоны, тогда ещё примерно сорок километров с Севера на Юг и тридцать два – с Востока на Запад, начали огораживать, сначала кольцами густых минных полей, а потом и колючей проволокой и забором. Последнее, впрочем, оборудовалось более от людей, пытавшихся войти в Зону в поисках удивительного явления, которое можно было обнаружить в местах сработки аномалий – артефактов. Эти предметы различной формы и свойств ставили учёных в тупик, но быстро стали пользоваться огромным рыночным спросом. Сталкеры стали ходить за ними.

Ценой многих жизней была получена достаточная информация о формах и

методах выживания в куске аномального пространства, в который превратилась Зона. Она была наглухо изолирована кольцом военных разных стран и объявлена запретной для нахождения людей без специального разрешения Объединенного командования сил ООН либо Министерства по делам Зоны Отчуждения правительства Украины.

Все лица находящиеся в Зоне без оных объявлялись уголовными преступниками априори, и подлежали по усмотрению захватившего их войскового контингента либо уничтожению, либо отправке в уполномоченные институты своей страны по дипломатическим каналам – с последующим уничтожением.

Впоследствии, с развитием сталкерства, правительством Украины по договоренности с российским и белорусским контингентами было решено построить на границе Зоны специальную тюрьму-колонию для подобных лиц, куда они отправлялись пожизненно. Впрочем, на всякое правило есть своё исключение. Очень скоро правительства стран ООН пришли к выводу, что Зона – явление не кратковременное, а удивительно стабильное, и негласно изменили политику в отношении сталкеров. Многие из них вербовались спецслужбами либо после захвата на границе Зоны, либо в «прифронтовых» поселках и городках, либо уже после в зоне пожизненной изоляции. Многие шли работать на правительство Украины добровольно или из меркантильных соображений.

Не смотря на запреты, Зона была закрыта для выхода, но не для входа – пройти внутрь негласно позволялось всем желающим, если конечно им удавалось договориться с военными – а это было возможно далеко не со всеми. Вопреки ожиданиям, вышколенные немецкие и американские военные с легкостью брали взятки за проход, и даже усердно отмечали вешками проходы в густых минных полях, почти километровым кольцом опоясывавшим внутренний Периметр. А в то же время пройти сквозь территорию ответственности пакистанских или грузинских военных считалось нереальной задачей, они просто стреляли на поражение по всему, что двигалось, не имея на себе специальных радиомаячков.

Сразу после Второго Взрыва, превратившего центр Зоны и Саркофаг в территории, недостижимые техническими средствами наблюдения и разведки, в Зоне с определённой регулярностью начали происходить разрушительные выплески аномальной энергии, метко названные впоследствии Выбросами. Над Центром Зоны повисло густое кольцо похожих на грозовые облаков, закрывших Зону от наблюдения со спутников и с воздуха. Многочисленные аномалии, часть из которых подобно шаровым молниями витала в различных слоях атмосферы, сделали Зону крайне опасной для полетов авиации, и в редких случаях, когда вертолёты или беспилотники-дроны коалиционных сил летали в нее, жители Приграничья могли насладиться ярким фейверком, сопровождавшим сработку задетой летательным аппаратом воздушной аномалии. По этой же причине в Зоне почти не летали птицы, исключением были странные существа размером с большую ворону и многочисленные летучие мыши, мутировавшие в вампиров похлеще южноамериканских. Насекомые, вопреки законам эволюции, вымерли почти все.

Это был тот мир, в который я надумал уйти. Рыбак был его старым, матёрым обитателем, получившим прозвище за многие успешные ходки в Зону, в результате которых он заработал на сбыте артефактов денег на долгие годы

вперед – и заначил на номерном счету в швейцарском банке, услуги коего, как и многих других, пользовались большим спросом у обитателей Зоны.

Тут царили свои законы, зачастую сложные для понимания. И еще: Зона редко выпускала в обычный мир тех, кто в неё попал, хотя почти каждый мечтал когда-нибудь вырваться отсюда. Только единицам удавалось ускользнуть от всевидящего ока украинских спецслужб, которым, чего греха таить, не гнушались помогать такие люди как Рыбак. Они не верили, что после жизни в мире мутаций и аномалий человек остаётся нормальным, и не хотели брать на себя ответственность за вред Человечеству, который могли нанести люди с измененным беспредельно жестокими законами Зоны сознанием, как правило разрушенным еще и развивавшимися вне Зоны лучевой болезнью, аллергиями и онкологией. Уходя – уходи. В тот мир уходили добровольно, так и нечего жалеть...

Мы проехали немалое расстояние от Киева, и уже у Людвинова, Рыбак завершил свой монолог так же неожиданно как начал его. Настал момент задавать вопросы – и я задал...

Он ответил, что сразу почуял во мне «своего», и не задумываясь решил дать мне шанс попасть в Приграничье на его ржавеньком с виду, но отлично заделанном под нужды Зоны автомобиле. Дизельный двигатель японского производства, умело поставленный местными кулибинами в гараже под Киевом, работал как часы и не требовал электричества, которое вблизи Зоны могло быть просто опасным. Поэтому в автомобиле стоял экранированный генератор, но не было аккумулятора. Генератор нужен был только для включения приборов освещения, и легко отключался руками. Эту и многие другие нехитрые идеи использовали как сталкеры, так и военные.

Основной валютой в Приграничье и в Зоне был доллар США, перепады курсов мировых валют при таких суммах, как там, никого, собственно, не интересовали. В ходу также были и украинские гривны, и даже российские рубли. Европейцы могли рассчитывать на евро, но радости это не вызывало – впрочем, зависело от суммы.

А суммы там были совсем иными, и цена всегда зависела от сиюминутной конъюнктуры. Так, за бутерброд с колбасой в баре в Приграничье в среднем просили 1 доллар, за 1 патрон НАТОвского образца либо к Калашникову любого калибра – столько же. 1 рюмка водки стоила 5 долларов.

Внутри Зоны цены были намного выше – все зависело от ситуации со снабжением, которая резко ухудшалась во время проведения Объединенным командованием очередных «зачисток» и «специальных мероприятий», направленных, как правило, на создание в Зоне напряженности и, следовательно, повышение тарифов на все товары, допускаемые в Зону извне.

Рыбак рассказал, что в Зоне не было как таковых посёлков, но сталкеры – равно как и бандиты, которые там обитали, охотясь на одиночек и новичков – гнездились, в основном, в заброшенных строениях и бункерах. Клань, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких сотен человек, объединяли сталкеров по убеждениям и нередко враждовали друг с другом. Они пытались оборудовать свои базы-крепости в полуразрушенных аномалиями и Выбросами строениях, оставшихся от населенных пунктов и лабораторий ученых, построенных как после Первой, так и после Второй катастрофы.

Ученых в Зоне было немало, их охраняли военные, и общение с ними, как правило, ограничивалось торгом вокруг редких артефактов, которые они охотно

скупали, не жалея казённых денег. Личные контакты не допускались, переговоры велись на расстоянии 20-30 метров, под присмотром завистливо смотревших на толстые пачки долларовых купюр военных.

Имелись случаи дезертирства, ухода военных в Зону. Многие из них выживали, будучи неплохо подготовленными физически и морально, внимательными и собранными, неприхотливыми, обученными владению оружием. Военные уходили из самых разных контингентов, встречались даже сталкеры – выходцы из Африки, Китая и Южной Америки. Китайцы – это вообще отдельный разговор.

Дело в том, что согласно решению ООН каждая страна – член ООН обязана была либо выделить военнотружущих (или контрактников типа бойцов частных охранных армий – значение имел не статус госслужащего, а количество стволов и сила духа), либо нанять наёмников. В связи с тем, что ряд стран не пожелал ни финансировать ООН, подозревая чиновников организации в «распиливании» средств, ни направлять собственных военных, были созданы охранные предприятия, а иначе говоря – команды наёмных бойцов, оснащенных и натасканных именно на борьбу за Периметр. Украинскому и соседнему Белорусскому правительству это ой как не нравилось, но поделаться они ничего не могли.

Так вот, китайцы являлись одними из наиболее многочисленных, наряду с африканцами и выходцами из Средней Азии, бойцами этих группировок. Хорошо приспособленные к непростой жизни на Периметре, дисциплинированные, скромные в оплате труда, они пользовались большой популярностью у руководства.

Основным языком общения в Зоне служил русский, на котором каждый говорил согласно акценту и обычаям своей страны, так что понять собеседника, особенно в подпитии, иногда становилось невозможно.

Были случаи и ухода боевых частей из-под командования. Одним из самых показательных случаев был уход из под контроля крупного подразделения наёмников, отравленных в Центр Зоны для зачистки от мутировавшей живности и разведки ситуации вокруг Саркофага и переставших выходить на связь после Второго взрыва лабораторий вокруг него.

С самого начала операция пошла не по плану. Вместо размеренной зачистки по всем правилам, отряд из тысячи двухсот человек просто погнался в Центр Зоны без разведки и запаса продовольствия и медикаментов. Единственное, чего у них было в достатке – оружия и боеприпасов.

Создавалось впечатление, что командование намеренно бросило отряд на уничтожение, в расчете на получение дополнительных средств и техники от ООН. Верится влѣгкую...

Поверили в это и бойцы. Их командир, Шавкат Ахметгалиев, прекрасно понимал, что вернуться живыми им не дадут, уж слишком легко офицеры их сектора – немцы и поляки – пообещали им премию в размере 3-х месячных окладов каждому, и это только за одну однодневную, как им сказали, операцию. Да еще и по своей инициативе вдруг предложили подписать контракты на медицинскую страховку с лечением в Польше – естественно, за сѣт Объединѣнного командования.

Шавкат понимал что денег у ОК на это нет и не предвидится, и следовательно он и его «сборная мира» – расходный материал. Годы службы в Таджикском спецназе научили его мгновенно оценивать обстановку и

лавировать там, где его бесхитростные европейские и американские коллеги наивно верили слову командования.

Переговорив на ходу с несколькими доверенными и проверенными бойцами и полевыми командирами своего отряда, он принял решение подойдя к Центру Зоны, во время зачистки, дать своим бойцам команду на радиомолчание и, собрав всех на большой поляне, предварительно проверенной на предмет аномалий разведкой, которую он успел таки выслать вперед, изложил отряду свои соображения.

Сначала его не хотели даже слушать – кому было интересно вникать в умозаключения невысокого, худощавого смуглого парня средних лет, которого, как казалось всем, по знакомству назначили командиром их отряда. Бывалые бойцы, многие из которых были в розыске, приехали сюда рисковать жизнью за деньги и амнистию и не собирались отказываться от благ. Но небольшая группа, примерно пятьдесят человек, проявили не только разумность, но и верность Шавкату.

Шавкат ушёл под улюлюканье отряда, который тут же возглавил огромный черный парень, выходец из Намибии, по прозвищу Чанга.

Отряд вышел на связь, доложил через СКП – сверх-короткую передачу, единственный работавший в Зоне метод передачи сигналов кроме морзянки – которая была проще, но разобрать можно было сообщения, передаваемые с очень низкой скоростью – аномальная энергия глушила все передатчики на всех частотах. О голосовой связи речи быть не могло. Даже подача сигналов светом в тёмное время суток, если можно было так назвать то светлеющие то темнеющие вечные сумерки над Зоной, была крайне затруднена миганием и рябью воздуха, вспыхиванием аномалий и бесконечной грозой, похожей на смерчевое облако, образующавшее плотный купол облаков над Центром Зоны.

Те, кто остались в живых от этого отряда, скоро позавидовали своим товарищам, погибшим в первые минуты кошмара, который ждал их на окраинах города Припять – наивно построенного оторвавшимся от реальности советским руководством через несколько лет после первой Катастрофы. Город так и не заселили – радиация распугала людей, и он стоял нетронутый и новый, пока Большой взрыв не сделал с ним то же, что сделала бы добрая атомная бомба, рванувшая неглубоко под городом.

Здания стояли перекосившиеся, улицы были разворочены и в целом было полное ощущение, что земля под городом вдруг приподнялась на несколько метров и резко опустилась.

Разглядеть это большинство бойцов не успело – отряд, шедший без авангарда и разведки, почти целиком втянулся на широкую улицу пригорода, которую заселяла невиданная доселе электрическая аномалия, которую после назвали Гидрой-Электрой.

В отличие от своих крайне ревнивых к территории прототипов, эта аномалия не срабатывала с мощным выбросом электрического заряда при любом прикосновении. Как бы осознанно дождавшись, когда часть отряда втянется в почти не разрушенную улицу, она вдруг ожила, ударяя молниями от стены к стене хаотически, сжигая людей вместе со снаряжением и оружием до головешек.

Половина отряда сразу превратилась в нелепые, бесформенные обугленные кучки, подергивавшиеся рефлекторно от остаточных ударов высоковольтного тока, пробежавшего по искрившемуся, разрушенному травой и

разрядами асфальте.

Как будто получив команду добивать отряд, из соседних улиц повалили одни из самых чудовищных порождений Зоны – зомби. Их было очень много, словно они специально ждали тут этого часа. Одновременно от ближайшей опушки искореженного Выбросами леса неслось стадо Чернобыльских кабанов – мутировавших лесных кабанов, населявших эти территории до Большого взрыва, и псевдокрыс – похожих на тушканов крупных серых созданий, умело и быстро передвигавшихся на задних лапках.

Бой был недолгим – почти все бойцы были разорваны, растоптаны или заживо обглоданы снизу нападавшими стаями крыс.

Успевшие убежать отходили единственно возможным путём – тем же, по которому они и пришли – и были спасены плотным прицельным огнем отряда Шавката, шедшего по их следу по настоянию нескольких опытных бойцов. Это было разумно – если бы всё обошлось, они сумели бы договориться с товарищами и, сдав Шавката либо устранив его на месте, вернуться к службе. Если бы не обошлось – они могли посмотреть на картину боя и поживиться чем-то из снаряжения товарищей, которое запросто можно было на обратном пути сдать прохожим сталкерам – военное снаряжение высоко ценилось, а у наёмников оно было первоклассным.

Услышав треск аномалии, и увидав картину избиения отряда, Шавкат, который не мог ничем помочь своим менее удачливым коллегам, занял позицию для обороны от вала мутировавших тварей, который, несомненно, пошёл бы на них вслед за убегающими остатками отряда.

Твари, удивительным образом легко маневрирующие среди едва заметных аномалий, догоняли бегущих одного за другим и разрывали на части с чудовищной скоростью, и, если бы не работа снайперов Шавката, шансы на выживание бегущих были бы ничтожны. Но отряд выжил, насчитав почти половину человек погибшими или пропавшими без вести – что в Зоне фактически означало одно и то же.

Раненных почти не было: все, кто мог двигаться – спаслись. Лидерство Шавката стало безоговорочным, верхушка отряда изолировала его от общей массы, провозгласив, что Шавкат нашёл некий мифический чёрный куб, исполняющий желания и открывающий обладателю пути к нему прямой контакт с Высшим Разумом вселенной. Так родился клан Монолит...

Подобным же образом, только из состава кадровых украинских военных под командованием генерала Воронина, родился клан Долг. О той темной истории стараются не говорить даже сталкеры – Воронин и его сподвижники живы и вряд ли это им понравится.

Остальные кланы организовались в основном стихийно вокруг неких объединяющих сталкеров идей – например, реализации абсолютной свободы и анархии в условиях Зоны, или жизни в какой-то секте.

Кланы жили в основном мирно, как и сталкеры-одиночки, всех объединяло одно общее дело – сбор артефактов, производимых сработавшими аномалиями.

Распространенным явлением было объединение сталкеров или групп сталкеров с целью совместного прохождения какого-то пути по Зоне либо на выходе из нее. Это помогало выжить менее опытным, которые платили за эту возможность опытным сталкерам, выполняя традиционную и весьма почетную

роль отважных «отмычек», проходя первыми наиболее опасные участки, к примеру, между двумя аномалиями, которых сами они и так не подметили бы и погибли бы наверняка.

Несколько раз между кланами вспыхивали короткие, но крайне жестокие, как и всё в Зоне, конфликты и войны. В итоге одной из таких войн от рук бойцов Долга, Свободы и подтянувшихся добровольно вольных сталкеров-одиночек погиб клан Махновцев, исповедовавших некую смесь тотального анархизма с украинским национализмом и пренебрежительно относившихся к сложившимся негласно законам Зоны. Ходили слухи, что клан плотно связан с бандитами, промышлявшими убийством и грабежами выходивших из Зоны с хабаром сталкеров. В итоге кровавой трехдневной войны клан был полностью истреблён, пленных не брали. Зона не терпит чужеродного тела, не признающего законов её аномальной природы и приспособившихся к ней людей.

Мы медленно ехали уже по просёлочной грунтовой дороге, петлявшей между деревьев в странном, производившем впечатление нетронутого и нехоженого, лесу.

Фары автомобиля светили очень слабо, что ничуть не смущало моего собеседника, взявшего на себя роль моего проводника в этот удивительный и такой непохожий на наш «цивилизованный» мир.

– Еще вопрос? – спросил я. Он, даже не слушая вопрос, сам ответил...

– Да. В Зоне – каждый сам за себя. Всё мерится, чего-то стоит, даже информация, даже дружба. Безжалостные законы не имеют в лексиконе слова жалость и пощада. И мне придётся либо жить по этим законам, либо умереть.

Я молча для себя сделал вывод – придётся жить. Очень хочется...

Остаток пути мы провели в молчании. Луны не было видно, небо было затянуто пеленой облаков, вдалеке, где, как я предполагал, должен был быть центр Зоны, периодически мелькали всполохи. Представляю как отсюда, в Приграничье, выглядят Выбросы. Как они выглядят в Зоне, особенно на открытой местности рядом с Центром, никто рассказать не мог – человек в лучшем случае быстро погибал, в худшем же превращался в зомби и долго шастал еще, с постепенно отмирающим головным мозгом и разлагающимся телом. Какая-то невиданная сила заставляла тело с мертвым мозгом оживать, двигаться, выполнять какие-то действия, день ото дня всё менее напоминающие нормальную человеческую жизнь. Говорили, что это духи-астральщики вселяются в тела, насквозь пропитанные аномальной энергией Зоны, и управляют ими посылом электрических импульсов в центральную нервную систему. Система кровообращения в работе организма не участвует, тело постепенно окоченевает и не чувствует боли, и единственное, пожалуй, чувство зомби, о котором знаем мы, живые – это чувство голода. В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что окончательно убить зомби можно, отделив его голову от туловища, причем на любой стадии умирания его тела. Иначе он шевелится и агрессивен даже если расчленён – но отделённые члены мертвы и ускоренно разлагаются.

Посёлок сталкеров выглядел несколько странно. Дома тут были самые разные, в основном – явно привезенные сюда из окрестных деревень старые необшитые срубы, кое-где просто стояли тентовые или надувные палатки, дымились трубы многочисленных землянок.

Одна из них больше напоминала дот, возвышаясь над всем поселением пятиметровой толстостенной бетонной башней с горизонтальными узкими щелями, через которые на четыре стороны света высовывались длинные стволы тяжёлых крупнокалиберных пулемётов. Рядом с входом в башню, оборудованным по всем правилам фортификации, был небольшой, опять же врытый в землю бетонный сарай без окон и дверей. Поговаривали, что там у Бульбы, хозяина Бара «Амиго», как тут с юмором называли это фортификационное сооружение, склад.

Бульба, судя по слухам, был уроженцем соседней Белоруссии, в пользу чего говорили его плотные связи с неразговорчивыми и подтянутыми белорусскими военными из контингента ООН, которые частенько приезжали к Бульбе «на разговор».

Бармены, они же торговцы, были в Зоне на особом счету: они же скупали и сбывали артефакты – хабар, они же занимались снабжением, одним из известных способами добывая всё необходимое сталкерам – конечно же за их счет и с большим собственным интересом.

При барах частенько жили несколько разнокалиберных девиц неопределённого возраста, как правило, выглядевших «слегка заспанно» и служивших единственной помимо спиртного и мордобоя забавой и отдушиной местной публики. Некоторые из них по вечерам в баре со скуки или за вознаграждение устраивали недурные и главное – развратные эротические шоу, мало что общего имевшие с гордо присвоенным им названием Стриптиз-шоу. Но народу явно нравилось.

Всё это я узнал немного позже, хронологию событий первых дней восстанавливать нет ни нужды, ни желания. Да и давно было...

Первый визит в прокуренный, с клубящимся густым дымом (явно не только сигаретным, явственно тянуло анашой) бар я запомнил на всю жизнь.

Мы припарковались на посыпанной щебенкой площадке около круглой, высотой с пятиэтажный дом, толстой и явно очень прочной бетонной башни, и как ни странно, помимо нашего чудо-автомобиля там стояло несколько подобных совершенно неприметных УАЗов и Жигулей, как правило, весьма с виду старых и невзрачных.

Мой спутник даже не попытался залезть в багажник, просто молча кивнул мне на вход в подвальное помещение, огороженный бетонными перилами с узкими амбразурами – это всё что мне удалось рассмотреть при неверном свете луны, проглядывавшей урывками из-под облаков.

У входа, внутри, в небольшом предбаннике наподобие тех, что устраивают пухнувшие от чужих денег банкиры, за толстым, глушащим голос стеклом сидел некто, очевидно охранник, потребовавший выложить из карманов металлические вещи. Выложив ключи от дома, перочинный нож и монеты, вслед за спутником я прошел в соседнее помещение, куда выложенное в пластиковой корзинке было неведомым образом перенесено.

Узкий коридор вёл в довольно большой, освещенный большим количеством керосиновых фонарей зал, где в густом дыму виднелись столики у стен, огромная, во всю длину помещения барная стойка с высокими табуретами и до блеска отполированными стальными трубами, упирающимися со стойки в потолок.

Вся эта конструкция была выкрашена черной и серебристой краской, местами потёртой, и производила впечатление активно используемой.

В баре было много мужчин разного возраста, причем в глаза бросалось отсутствие молодёжи. Почти все присутствующие были с сединой в волосах, средний возраст явно был старше тридцати.

Раздавалась приглушенная музыка – играла то попса, которую слушали еще наши отцы, то классика – рок-н-роллы. Ничего более современного не угадывалось даже близко – что и понятно, юных дроберов и наркотов тут явно не водилось.

Рыбак кивнул на моё предложение угостить его чем-нибудь с дороги, и молча прошел вглубь зала, занял грубый, застеленный аляповатой расцветки клеёной столик. Подошел коренастый, темноволосый, лысеющий мужчина в серой толстовке, джинсах. Картину дополняли большой посеревший от времени и многочисленных пивных пятен фартук от пояса до колен и кобура с револьвером, прямо как у киношного героя боевиков. Не смотря на непривычный вид, кобура и потертая рукоять револьвера не вызвала у меня желаний улыбнуться.

Он молча, но явно привычно кивнул Рыбаку и положил на стол захватанный лист бумаги – не вчера отпечатанное на невесть откуда взявшемся в этой глуши принтере меню.

Как вчера его видел – запомнил почти все пункты.

Килька в томате 1 банка – 10Б

Яйцо варёное 1шт – 1Б

Яичница за каждое яйцо – 1Б

Шпроты, банка – 10Б

Тушенка белорусская, говяжья – 20Б

Тушенка белорусская, свиная – 20Б

Тушенка другая – 10Б

Рыбная консерва другая -10Б

Женщина – 200Б

Чай, 1 стакан – 1Б

Водка, 100 грамм – 10Б

Хлеб – 10Б

Ассортимент не поразил моё воображение. Конечно, впоследствии я узнал, что этот список был далеко не полон, и каждый мог спросить себе всего, чего угодно, получив либо сразу, либо после короткого раздумья цену – и принять решение о заказе.

Но в тот момент я чувствовал себя инопланетянином.

Мы заказали по двести грамм водки и по 4 яйца в яичницу, с батонном хлеба, оказавшимся серым, черствоватым «ГУЛАГовским» кирпичом. Впрочем, откуда тут было взяться нормальным продуктам?

Выпили по сто грамм залпом. Поели.

Рыбак сказал:

– Сейчас иди к Бульбе, говори о работе. Не обещай, посоветую что и как.

– А если спросит, как я сюда попал и зачем? – спросил я

– Не спросит. Нас давно пасут, всё и так понятно, нехотя ответил Рыбак и подал малозаметный знак мужику с револьвером.

Тот молча подошел, и не дожидаясь, пока я задам вопросы, молча пошел через горклый дым зала. Народу прибыло, становилось тесновато и душно, от большинства мужчин в зале шёл запах немытых потных тел, пороха, костра и кислой крови.

Мы прошли длинным коридором к массивной, явно бронированной двери в толстой бетонной стене.

Мой провожатый постучал в нее рукоятью револьвера – иные звуки сквозь неё явно не проходили.

Нам открыли сразу, за дверью стоял здоровенный брюхатый мужик без левой руки и с кожаной повязкой, закрывавшей потерянный левый глаз. Его когда-то явно интересное лицо было разрыто плохо зажившим рваным шрамом от какого-то жуткого ранения.

Он так же молча облапал меня правой рукой с грубыми ладонями, и, не найдя оружия, молча кивнул в сторону второй стальной двери чуть дальше по проходу.

Я подошел, взялся за ручку и открыл ее неожиданно легко. За дверью была небольшая, освещенная двумя толстыми свечами, стоящими на столе в углу на помятых алюминиевых тарелках, комната, в глубине которой стоял огромный стол, забитый оружием и цинками с патронами. По стенам шли ряды металлических, явно военного предназначения стеллажей с амуницией и утварью, разнообразия которой моя речь пересказать не может.

За столом сидел мужик лет шестидесяти, седой, с огромной лысиной почти во всю голову, с умными холодными глазами.

– Добро пожаловать! – эта фраза так неожиданно мягко и приветливо прозвучала в его устах, что я даже засомневался в реальности происходящего, тем более что выпитые двести грамм «берёзовой» уже вовсю шумели ветерком у меня в голове.

– Здравствуйте, – как мне казалось, коротко и по сути ответил я.

Мужик помолчал, потом вдруг проворно достал из заднего кармана засаленных штанов пачку Примы, вытряс сигаретку, сладостно пустил дым, засиявший в свете непотушенной бензиновой зажигалки.

– Ты Рыбаку должен – но сами разберетесь. Ты в Зону хочешь – но тут не Зона, а Приграничье. Чтобы попасть в Зону, нужно снарядиться, иметь карты, связь и оружие. Деньги у тебя есть?

Я не стал ему врать и просто выложил пачку в тысячу долларов на стол – это были все заначенные мной с Москвы запасы.

Бульба на тонкую «котлету» даже не взглянул, лишь отмахнулся рукой – как я понял, этот жест означал «забери обратно».

– Рыбаку ты чем-то интересен, даже не знаю чем. Но раз не просил за тебя, но привел – тут не всё просто... Ты не в курсе мыслей Рыбака?

Я честно ответил -нет – но я уверен, что мне точно примыкать ни к кому не нужно. Я – сам по себе, одиночка. Да и вероятность прокола не так высока, когда отвечаешь только за себя.

Он подошёл к стеллажам тяжелой походкой давно не мытого, стареющего человека. Устало снял с полки по очереди СКС, М-16, А-2 и старый Калаш, называя при этом цены. Самым дешевым оказался СКС – десять тысяч долларов.

Я, не лукавя, ответил, что у меня всего лишь та «штука», которую он видел, рюкзак и голова на плечах.

Он ухмыльнулся беззлобно – но и явно безразлично – и протянул мне старое, сильно затертое курковое ружье шестнадцатого калибра с отпиленными примерно на треть стволами. Немного подумав, встал на коленки у дальнего стеллажа и вытащил измызганный вонючим моторным маслом, пылью и

непонятно какой засохшей бурой массой целлофановый пакет с латунными гильзами внутри. Там же внутри виднелся пакет с пластиковыми пыжами, тронутой ржавчиной банкой пороха «Сокол» и тяжеленным куском невесть кем отлитого свинца.

Так моя последняя тысяча долларов деловито перекочевала в ящик его стола.

Я задал вопрос, который положил начало моей сталкерской карьере в Зоне:

– Работа есть?

– Есть, – как бы нехотя ответил Бульба, закуривая снова. В непроветриваемом помещении дым его горлодёра меня просто душил.

– Для того, чтобы работать, ты должен быть снаряжен. По законам Зоны ничто не может быть дано и сделано даром. Всё – только за деньги или ответную услугу. Таков Закон Зоны.

– Я подскажу тебе, как экипироваться приемлемо, при этом познакомиться с Зоной поближе. Уйти отсюда все равно никому не удавалось. Сами сталкеры не выпускают тебя – это место секретно, его нет на картах и если ты уйдешь от их умелого преследования, военные или менты охраняющие периметр, тебя замочат в любом случае. Вникни!

Выждав моё молчание, он продолжил.

– Я новичкам в кредит не даю. Это ружьё – одно из напоминаний мне об этом железном правиле. Его предыдущего владельца разорвал и съел Чернобыльский Кабан, ребята потом ружьё принесли. Это было почти шесть лет назад, с тех пор я даже калаша под пятёрку не беру – завались, как и М-16. Малоэффективное от мутантов оружие.

– Задача тебе для начала будет такая: три дня назад в Ближнюю Зону – это примерно на пять километров от Периметра – вышли двое сталкеров из нашего Бара. Их заданием было принести мне канистру воды из Голубой Лужи – Рыбак расскажет тебе про нее. Вот тебе ксерокопия карты этого района – там довольно свежие метки мест расположения аномалий и мест обитания опасных мутантов. Ты нравишься Рыбаку – старик тебе поможет. Эти ребята погибли – я получил сообщения с их PDA. Причина не указана – программа не знает её – значит что-то серьезное и новое. Для тебя это – шанс. Ребята были хорошо снаряжены и вооружены – и по закону Зоны все, что найдено тобой на мертвом сталкере – твоё. Принесешь еще и канистру с той водой – получишь десять тысяч долларов. Удачи!

Однорукий, молча стоявший сзади, тронул меня за плечо, давая знак, что аудиенция окончена и мне пора.

Выйдя в зал, я заметил множество перемен. Зрители подтянулись поближе к огромной барной стойке, на которой под забойные рок-н-роллы выплясывали две девушки в диковинных костюмах, похожих на купальники. Худышками этих девиц назвать было нельзя, одна – в рыжем парике, широкобёдрая но с небольшой девичьей грудью, усердно крутилась на шесте. Вторая, рослая блондинка с большими, качающимися грудями, быстро скинув с себя лоскутки самозабвенно изображала движения соития со своим шестом, а потом под подбадривающие, часто похабные и матерные выкрики поклонников повернулась к шесту спиной, и широко разведя бёдра продолжила двигаться в такт музыке, давая всем желающим не спеша разглядеть её пышные розовые

складочки.

Музыка кончилась, и девушки, нисколько не смущаясь своей наготы, спрыгнули и пошли по залу, подходя к каждому, кто поднимал руку с купюрой, и целуя его в губы. Собрав деньги, они исчезли где-то в темном проходе за баром, который охранял хладнокровный однорукий сталкер.

Я присел к Рыбаку, глаза которого выдавали не угасшую еще мужскую силу и интерес к шоу. Это было удивительно: в моём представлении Зона с её радиацией и кошмарами должна была иссушать душу и тело, но Рыбак эту гипотезу опровергал одним своим существованием. Да и окружающие мужики не производили впечатления болезных...

Музыка усилилась, и я заметил, как в сопровождении рослого крепыша из прохода за Одноруким, выскочила, радостно улыбаясь, рослая пухлая блондинка с большими тяжёлыми грудями. Она была прикрыта лишь прозрачным черным парео – легкой пляжной шалью, невесть как тут оказавшейся. Ловко вскочив на стол, не смотря на высокие каблуки и явно немалый вес крупного, но упругого и очень тренированного тела, она начала энергично танцевать в такт музыке, всюю задевая и шесты, и всю стойку перед ним. Если бы не ее нагота, было бы ощущение, что некая мощная человекоподобная обезьяна выплясывает дикий, но не лишенный завораживающей красоты и бешеной сексуальности танец.

Парео летало вокруг нее, открывая и так выдающиеся особенности. Она смело принимала откровенные позы, позволяя затаившим дыхание и переставшим шуметь зрителям рассмотреть то сочные груди с большими торчащими сосками, то раскрасневшуюся щель между мощно играющими при позланье на коленках по барной стоке ягодицами.

Зал зашелся в аплодисментах и крике, завершившимся оглушающим в прокуренном бетонном подземелье скандировании «Айда, Айда» все те минуты, что роскошная круглолицая девка прохаживалась между столиков собирая купюры и целуя мужчин.

Неожиданно она направилась к нашему столику, и, подойдя, обдала меня запахом свежего пота и дорогих французских духов. Её грудь вздымалась от учащенного дыхания, и уже с расстояния в несколько метров я почувствовал сильный жар её тела. Её лицо, издавелека казавшееся круглым, на самом деле было приятной формы, огромные глаза над высокими, широкими скулами и чувственные пухлые губы производили сильное впечатление.

– Я – Айда, коротко сказала она мне, и наклонившись к Рыбаку, поцеловала его в щёку. Рыбак молча, но тепло улыбнулся. Интересно, что связывало этих столь разных людей?

– Однорукий проводит тебя ко мне через несколько минут – уходя через плечо бросила мне Айда, и грациозно пройдя за стойку бара шепнула что-то Однорукому и исчезла в проходе.

Рыбак молча налил еще по сто грамм заказанного им в моё отсутствие пойла. Чокнулись, выпили. Доели яичницу с хлебом.

К столику подошел Однорукий и кивнул. Мне поначалу никак не верилось, что тут все такие неразговорчивые, понадобилось сходить в Зону, чтобы понять это и измениться самому...

Однорукий провел меня через систему коридоров к приоткрытой железной двери, из-за которой выбивался лучик яркого света. Свечи, заметил я. Странно, как же у них играет музыка?

Набрав воздуха, я вошел в небольшую комнату, которую, если бы не серый бетонный потолок и такие же стены, можно было бы назвать уютной. Айда сидела на краю деревянной кровати, единственного, по сути, крупного предмета мебели в комнате. Заметив меня она встала, быстро подошла – на каблуках она казалась даже выше меня, и взяв за руку увлекла к постели. Не ожидая такого развития событий я растерялся, пытался что-то сказать, но сильные и умелые руки быстро раздели меня, и, не обращая внимания на мою трёхдневную дорожную немытость, Айда, ловко применив средство индивидуальной защиты, оседлала меня с таким пылом, что вся произошло за считанные минуты...

Отдышавшись, я попытался подняться – Айда уже вышла из-за целлофановой ширмы, заменяющей в углу комнаты душевую кабинку, и молча указала мне туда.

Быстро намылившись мочалкой с недорогим шампунем, я смыл пену, поливая себя из большого кувшина, и не вытираясь вышел. Айда была уже переодета для следующего выступления и молча смотрела на меня слегка влажными глазами. В неверном свете свечей мне показалось, что она только что смахнула слёзы.

Однорукий вывел нас к барной стойке, но задержавшись на секунду перед выходом в зал, Айда повернулась и нежно поцеловала меня в щёку, ласково шепнув: «Возвращайся, Маскаль». И словно перевоплотившись снова в богиню, бодро и упруго выскочила на освещенное пространство зала...

Слегка пошатываясь от всосавшейся наконец в кровь непривычно большой дозы алкоголя и впечатлений от произошедшего я подошел к нашему столику, который был уже пуст.

Рыбак сидел на скамье около стойки, глядя на бегущие по небу облака, и, казалось, что-то шептал им. Я молча присел рядом, положив ружьё на колени. Светало.

Рыбак нехотя встал, кивнул мне и мы, забрав рюкзаки из багажника его удивительного автомобиля, пошли в сторону большой неосвещенной палатки, стоявшей несколько в стороне от «улицы» из построек, палаток и землянок, посреди которой возвышалась охранная башня Бара.

Молча расстелив спальники, мы погрузились в глубокий сон. Мне снилась Айда – но не та молодая женщина лет около тридцати, а юная, розовощёкая пухляшка с большими наивными голубыми глазами. Снился большой, красивый город, который почему-то показался мне Киевом, снились люди, здания, праздники – скорее всего, даже семейные, и этот калейдоскоп событий обрывала встреча с Ним. Лица не было видно, и события дальше сменили окраску. Именно так, все видения приходили как сквозь розовое марево. Снились Москва, мельтешащая за окнами роскошного автомобиля, рестораны, какие-то люди непривычной внешности, непонятные разговоры на непонятных языках, снился кошмар, когда меня, вдруг понявшего что я стал Айдой, избивали, а потом насильовали несколько крепких небритых brunetов. Потом калейдоскоп зачастил – складывалось впечатление что она, Айда, то выпадала из реальности, то впадала в неё. Снились дорога в лесу, солдаты, бешеная гонка по пересеченной местности и фонтаны от пуль по сторонам от машины, снились какие-то люди в странных комбинезонах, которые везли ее, связанную, на заднем сидении джипа, и такие же люди, которые встретили их у опушки какого-то удивительного, выглядевшего фантазмагорией из перекрученных

между собой деревьев разных пород, леса. Её выкинули из машины, и, поднимаясь, она видела как вдалеке ярко и дымно горит преследовавший их Хаммер, и вокруг него лежат и тлеют тюки, по форме похожие на людей.

Дальше видение окрашено в бордово-красную, густую пелену. Какие-то помещения, бункера, грязные бородатые лица, часто беззубые, безухие, без глаза, с огромными жуткими шрамами и чирьями. Стоял невыносимый смрад. Её кормили какими-то помоями, кололи ей шприцом какое-то зелье, и постоянно насиловали в промежутках между побоями. Жила и спала она с цепью на шее, которой была прикована к ржавому кольцу в бетонной стене. А еще она научилась выть. Долго-долго, протяжно. Становилось легче. Потом бить её перестали, только пинали иногда, перед очередным групповым изнасилованием. Постепенно она привыкла отключать себя, и просто впадала в транс, ничего не ощущая и ни о чем не думая. Так было легче.

Потом мир наполнился грохотом. Стреляли рядом, ухали разрывы. Стреляли долго, может быть день и ночь, она не помнит – но никто не пришел покормить ее баландой и брезгливо облить холодной мутной водой из ведра. Она сидела на своём грязном матрасе, поближе к стене и подальше от зловонного выгребного ведра у двери, и тряслась от страха...

Сильные удары в дверь, выстрелы и звон отлетевшего снаружи амбарного замка, жестокое, суровое, непривычно светлое и почти бритое лицо мужчины в незнакомой военной форме под толстым, тяжёлым шлемом с огромными тёмными очками над головой в передней части Мужчина пахнул пороховой гарью, дымом, скисшим уже слегка, но явно свежим потом и крепкими сигаретами.

Он присел напротив нее на пол, положив на бёдра диковинный автомат, и закурил. Она не понимала его вопросов – язык был резким, голос гулким, слова и фразы – отрывистыми. Откуда-то из глубины памяти еще о той, далёкой жизни вдруг пришел ответ – немец.

Военный встал, поднял ее за руку, непривычно мягко, человечно, и прикрыв своим телом от брызжущих осколков и рикошета, несколькими выстрелами разбил кольцо, к которому была прикована её цепь.

Потом перевесил автомат подмышку, и бережно поддерживая её, помогая переступить через многочисленные трупы в коридорах бункера, не давая поскользнуться босыми, изъеденными струпьями ногами на кучах металлических гильз, вывел на свет.

Свет больно ударил в глаза, кровавая пелена спала, наступила чернота.

Следующее видение было кошмаром, которого он, став Айдой, почему-то не испугался. Поляна вокруг обугленного входа в бункер была завалена трупами в такой же форме, как у вынесшего её бойца. Несколько раненых, лёжа и сидя у стены бункера, стонали или что-то говорили в бреду. Победившие бойцы прохаживались по поляне, собирая оружие и предметы снаряжения с трупов, вынимая документы.

Неожиданно возникло оживление – из бункера выволокли несколько визжавших и упиравшихся существ, людьми назвать которых Айда не смогла бы. Её мучителей.

Они визжали что-то на русском и украинском языках, матерились, тыкали в неё пальцем – но слушать их никому не было интересно. Вдруг Айда узнала того, который встречал её у опушки – здоровенный лысый белокожий брюнет с большой черной бородой и злыми, колючими черными глазами. Она подняла

руку и указала на него военным. Языковой барьер явно не помешал им понять, кто перед ними – мучитель и хозяин девушки. Один из военных, спокойно сидевший и протиравший автомат, встал и подошел к тройке пленных, что-то коротко скомандовал. Двух пленников отвели в сторону догоравшего бронетранспортёра, поставили на колени и выстрелили им в спины сзади, видение чётко передало, как, словно в замедленной съёмке, из их животов вырвались фонтанчики крови. Айда запомнила их истошные крики боли, которые раздавались еще долгие минуты пока они, корчась, умирали в траве. Военные не обращали на них внимание. Все смотрели на пленного вожака, злобно что-то бормотавшего на гортанном языке.

Когда крики умирающих на поляне стихли, офицер снова коротко что-то скомандовал, и двое солдат, ловко подхватив пленника под руки, оттащили его к входу в бункер. Там, коротко ударив его несколько раз по спине прикладом, подняв ему руки, они пристегнули его наручниками к ржавой металлической скобе над входом, и, расстегнув ему ремень военных камуфлированных штанов, один из офицеров большим ножом с зазубринами резким движением разрезал брюки.

Айда с ужасом смотрела на «хобот» этого мерзавца, который ей чаще всех приходилось ублажать. Необычайно большой, с постоянными неприятными выделениями, он стал для нее самым страшным кошмаром.

Во сне, став Айдой, я почувствовал невыносимую, переполняющую огнем, глущую ненависть к этому мерзавцу и к части его мерзкого тела, которая стала символом моих – Айды – мучений. Словно в замедленной съёмке я видел, как, преодолев слабость и встав, приближаюсь к мучителю, и, выхватив у не оказавшего сопротивления военного огромный нож с пояса, безжалостно отделяю обрубок от мохнатых мудей мерзавца, наслаждаясь его безумным испугом в глазах, истошным криком и судорогами, струйками тёмной крови...

Ненависть отпустила. Мерзавец жутко, по-животному орал, корчась и глядя то на свой сжавшийся в траве, побелевший обрубок, то на ту, кто это с ним сотворила. Он кричал очень долго, даже когда наскоро поев мы уходили куда-то в свете вечернего солнца. Военные несли меня на сделанных на месте носилках, одев и накормив вкусной, чистой едой и вколов какие-то лекарства. Память запечатлела видение издали: как какие-то небольшие существа стайкой подскакали к истошно орущему изуверу, и разом набросились на него. Усилившийся было истошный крик превратился в хрипы и затих. Стало спокойно и светло на душе, а потом снова всё покрылось мраком.

Следующее видение тоже было кошмаром. Шёл короткий, но кровавый бой. Носилки с Айдой упали, её завалили тяжелые тела нагруженных снаряжением и оружием бойцов, несших её. Бойцы умерли мгновенно, их тела были тяжелы и обмякли, на глаза Айде текла густая, смешанная с чем-то студенистым кровь. Она силилась подняться, пошевелиться, но, очевидно, действие лекарств еще не кончилось, и сил не было даже поднять руку. Снова пришла чернота, я почувствовал, что умираю, и резко вздернулся, не сразу поняв, где нахожусь.

Холодный пот заливал мне глаза, и только стерев его, я понял, что нахожусь в палатке, полог которой распахнут навстречу утреннему солнцу, светящему сквозь вечные облака и мелкий морозящий дождь.

Рыбака я нашел в Баре, в оружейной комнате, где каждый желающий мог разложить своё снаряжение, смазать и почистить его на огромном, общем для

всех железном столе. Он молча показал мне на целлофановый мешок с гильзами и составляющими для патронов, потом рукой указал на зарядную машинку на одном из стеллажей. Я также молча принялся снаряжать патроны усиленными на четверть навесками пороха и тяжёлыми самодельными пулями – вертушками, похожими на охотничьи жаканы. Пуль было всего двадцать штук, потом, найдя в свете керосиновых ламп на одном из стеллажей горелку, брусок свинца и дробилку, я, наполнив ее водой, отлил, а потом прогнал через жернова картечи. Я чувствовал голод – уже явно было время обедать, о чем шумно напоминали друг другу с утра принимавшие водку сталкеры, но дед не спешил, тщательно вычистив свой невесть откуда взявшийся, добела затёртый старинный МП-40, в простонародье именуемый Шмайссером. Я помнил такие – с ними немецкие солдаты отважно прочёсывали леса на оккупированных территориях в старых советских фильмах, красиво погибая от выстрелов партизанских обрезов и винтовок.

Дед, однако, не спеша выщелкал из четырех магазинов все патроны и, тщательно осмотрев и смазав каждый, снарядил их обратно, разобрал автомат, тщательно осмотрел и смазал все его детали, не жалея синтетического моторного масла из стоявшей для всех канистры.

Вынул большой, как палаш, военный нож, смазал его и тщательно протёр, потом так же неспешно проверил каждый элемент своего нехитрого снаряжения. Открыв бумажные пачки запасных патронов, тщательно их осмотрел и смазал маслом, сложил в целлофановые пакеты, отсчитав в столько, сколько требовалось для одной обоймы автомата. Потом вынул из рюкзака хорошо сохранившийся парабеллум, и проделал все операции с ним, снарядив две обоймы патронами. На мой немой вопрос он ответил коротко, но с душой:

– Из схрона немецких диверсантов, времён Второй Мировой войны. Разрывные пули. И оружие очень надежное.

Я ни на минуту не усомнился в его словах.

Примерно через два часа, так и не поев, мы шагали в сторону опушки леса, на Запад, к Периметру. Отойдя примерно на километр, дед снял рюкзак и уселся на пенёк. Вынул из рюкзака несколько старых и сильно помятых стальных тарелок.

Я догадался, что он хочет предложить мне использовать их как мишени, и был в чем-то прав. Быстро зарядив двустволку картечными патронами, которых я наделал аж сто штук, я хотел было подойти к деду но тут он начал свой редкий, но поучительный монолог.

– Запомни.

– Стреляют не там и не оттуда, откуда хотят, а оттуда, откуда приходится, либо нужно.

– Стрелять надо во всё, что не отвечает внятно и разумно на твоё приветствие издалека. Сталкеры не скрываются в Зоне – они её жители. Тут скрываются мутанты, военные во время спецопераций, бандиты-мародёры. Все они – враги, если не ответили и не представились. Бойся свежих зомби – они еще могут отвечать и поддерживать диалог, но каждый сталкер имеет право задать другому вопрос на засыпку – в каком городе расположена штаб-квартира Коалиционных Сил – и не получив ответа открывать огонь на поражение. Кстати, она расположена в Харькове.

– Стреляют быстро, навскидку, не целясь долго. Будешь долго вести одну цель – погибнешь от другой. Это – Зона.

– Промахиваться нельзя. Держать оружие без заряда можно только секунды во время перезарядки.

– Помни об аномалиях, коих тут немеряно – их наличие выдают косвенные признаки – кружение листвы или пыли, мелкая рябь на воде, воронки в воде или земле, примятость или нестандартная форма травы или земли, грязи, лужи, короче всё, что выглядит отлично от окружающего мира, к которому тебе еще придется привыкнуть. Также без внимания не оставляй вешки – аномалии положено отмечать, если есть время, и сам не забывай отмечать. Проверить место возможной аномалии можно, кинув в ту сторону болт или камень – первое лучше, болт металлический и точно вызовет сработку электрической аномалии, в то время как камень может пролететь над ней без спецэффектов. Болты и гайки желательно обвязывать яркими тряпочками – лучше видна траектория полёта и их проще находить в кустах и траве – а то замучаешься носить их с собой.

Я кивнул, и он мгновенно, с неожиданной для пожилого человека проворством и меткостью, бросил тарелку в куст метрах в тридцати от нас. Тарелка уже падала, когда я наконец поймал ее в прицел и нажал гашетку. Звон металла и грохот выстрела слились, но я явственно видел, как тарелка взметнулась и отлетела в сторону. Мои тренировки в Подмосковных лесах не пропали зря, и... Я не успел додумать как уже выцеливал вторую тарелку, летевшую к соседнему кусту. Промахнулся. Думать вредно... Отработанная перезарядка, и я едва успеваю попасть в очередную тарелку у самой земли. Рыбак – суровый мужик, спуску не даёт. Ан и мы не лыком шиты. Ружьё мне понравилось, точное и надежное, жаль только, обрезанное. Возможно, было вздуто сильным зарядом заклинившей пули...

Дед пошёл обратно, только дождавшись, когда я соберу по кустам тарелки, и осмотрев их. Я старался держаться с ним в одном темпе, и спросил на ходу – когда выходим. Он остановился, и мне показалось, что в его зеленых глазах забегали хитрые искорки улыбки.

– Вечером. Ты не увидишь Айду, – скупно сказал он мне. – То, что было ночью там и ночью после – твой аванс, – и повернулся идти дальше.

Удивлённо, но терпеливо оглянулся, когда я ухватив его за рукав, остановил и спросил:

– Ты знаешь?

– Конечно, – ответил он. – Я же Рыбак. Шаман. Зона многому тебя еще научит, Маскаль.

Мне стало не по себе – откуда он знает, как меня назвала Айда? Может, они встречались и общались, пока я спал? Он ответил моим мыслям кратко:

– Зона раскрывает в людях способности. У тебя они есть от природы. Сегодня ты был Айдой. Она – моя внучка. Я был тем проводником, который нашёл её, отощавшую и измученную голодом и жуткой ломкой от наркотиков, которыми почти год травили её подонки – мародёры и бандиты, и из чьего логова её вытащили случайно попавшие на поляну и под шквальный обстрел немецкие разведчики – спецназовцы. На обратном пути их поджидали недобитки, в момент разгрома бункера ходившие на дело и устроившие поредевшему и израненному отряду засаду всего в четырех километрах от Периметра. В том коротком бою почти весь отряд полёг сразу, но оставшиеся в живых двое раненных бойцов вкололи себе наркотики и стимуляторы, и перебили четверых отморозков, сначала закидав их ручными гранатами а потом,

доползя, дорезали ножами. Один из бойцов умер там же, на месте, второй был еще жив, когда мы нашли Айду, раздетую, в толстом слое грязи, ползущую и волокущую за ремень спасшего её в подземелье бойца. Его звали Отто, у него отнялись ноги и было сильное заражение крови – медики ничего не смогли сделать, он умер внутри Периметра на носилках, но успел рассказать об Айде.

Айду выходили врачи немецкого полевого госпиталя. Она приходила в себя быстро – молодость и тренированный организм спортсменки сделали своё дело, но душа ее была искалечена. Проверки показали, что она, уроженка Киева, студентка, после встречи с красавчиком-брюнетом, разъезжавшем по городу в роскошном джипе, пропала. Московская милиция сообщила, что похожая по описанию девушка была замечена оперативниками в нескольких ночных клубах и казино, но ей не придали значения – такого рода рослые и статные охотницы до лёгкого счастья с привычной систематичностью появлялись и исчезали в любом большом городе, влекомые запахом лёгких денег и красивой жизни, и, как правило, в родные края уже не возвращались, будучи проданными и выжатыми как лимон секс-рабынями – оседали в других краях, чтобы не позориться перед роднёй, и выходили замуж за первых встречных, чтобы обрести хоть какой-то дом.

Айде повезло – она, молча сбежала из госпиталя, избавив немецких врачей и гладко выбритых щеголеватых военных от головоломки по поводу её дальнейшей судьбы, и неведомым образом приблудилась к сталкерским лагерям. Там она нашла меня, я познакомил ее с Бульбой, которого знаю еще со времён службы, и он взял её официанткой. Айда, глядя на девиц легкого поведения и стриптизёрок, как-то решила попробовать себя на этом поприще сама, и когда я узнал про это – было поздно, она стала не только самой популярной танцовщицей этой части Периметра, но и Бульба, чтобы привязать её, взял её в долю и отстёгивал ей по десять процентов от суточной выручки бара вне зависимости от частоты её выступлений – народ всё равно валил именно к нему, и часто именно ради неё. Она будила в этих уставших, но храбрых мужчинах жажду жить...

В личной жизни же она была одинока, не подпуская себе никого и ни при каких условиях. То, что она пригласила меня, оказалось для Деда удивительным сюрпризом, который он не преминул выйти обдумать на свежем воздухе, где его после мимолётного свидания и застал. А Бульба, заметил он, не врет насчет кредита и бесплатности. Дед мол ему столько хорошего сделал, что ему, даже с гостями, ни разу не приносили счёт. Это теперь уже тоже закон Зоны.

– Пойдешь со мной на закате, будешь отмычкой, стажером, – добавил напоследок Рыбак. – Выспись, оправься, там не придётся.

Периметр

Солнце подходило к горизонту, моросил мелкий сентябрьский дождь, в лесу стоял запах опадающей листвы, хвои, грибов и чего-то неуловимо далёкого и незнакомого. На небе в стороне Центра Зоны виднелись всполохи вечной грозы. Остановившись на пригорке, мы с Рыбаком наблюдали удивительное зрелище – в ответ на звуки далёкой, но упорной и злой перестрелки где-то на северо-востоке горизонт за лесом озарился вспышками, явно работала реактивная артиллерия.

Потом севернее прямо в воздухе вдруг раскрылись один за другим яркие

салюты разрывов, между которыми били красные и голубые молнии. Искры взрывов уже опали, но всполохи в воздухе продолжались еще долго. Вот, значит, как срабатывает воздушная аномалия. Вот, значит, почему в Зону не летают никакие летательные аппараты...

С пригорка была видна уходящая в обе стороны за горизонт высокая железобетонная стена, местами у стены стояли высокие, на толстой бетонной ноге, похожие на водонапорные баки башни охраны Периметра. По обе стороны от стены тянулись несколько рядов прикрепленной к железобетонным столбам колючей проволоки, один или два ряда даже, кажется, были под напряжением.

С башен в громкие динамики без перерыва заунывный голос диктора на украинском, русском и английском языках вещал о том, что Периметр создан для охраны людей от смертельных опасностей Зоны Отчуждения, что все лица, находящиеся в Зоне без специальных пропусков и сопровождения военных Объединённой группировки Международных сил, ставят себя вне закона и могут быть уничтожены без предупреждения.

Рыбак спокойно и размеренно подошёл к одной из башен, метров на двадцать пять возвышавшейся над нами – я поразился толщине и прочности её конструкции. Внизу башни виднелась небольшая овальная дверь, наглухо замурованная изнутри. В рядах колючей проволоки и забора под напряжением петлял зигзагом узкий проход к башне, по которому мы и двинулись, игнорируя предупреждающие надписи на табличках.

Рыбак явно шёл тут не впервые, и прекрасно знал не одним сталкером утоптанную тропу.

– Будешь возвращаться живым, оставь под дверкой что-нибудь не очень ценное из хабара. Это – солдатам. Таков негласный закон, – сказал он через плечо. Его голос как-то зловеще гулко прозвучал из-под капюшона мокрого плаща, силуэт которого резко выделялся тёмным пятном на фоне алеющего неба.

Мы прошли под башней и, подойдя к покрытой вздувшейся и местами отошедшей краской двери, отворили её и, пройдя за стену, закрыли за собой тяжёлую железную дверь на засов, подлезть к которому было несложно через явно «случайно» появившуюся тут дырку в железобетонной стене.

В наступающих сумерках по всему Периметру с Башен начали регулярно взлетать осветительные ракеты, так что петляли между рядами колючей проволоки мы уже в их ослепительно ярком свете. Минное поле, которого я очень боялся изначально, мы прошли легко – между плохо присыпанных разношёрстных и густо наставленных мин мы шли по узкой, но хорошо заметной протоптанной тропинке. Вдруг относительную тишину расколол оглушительный треск тяжёлого пулемёта, и метрах в двадцати перед нами высокими тяжёлыми фонтанами взметнулась промокшая земля. Я невольно вздрогнул, на секунду представив, что делает с человеческим телом крупнокалиберная разрывная пуля пулемёта 12.7.

Рыбак, словно прочитав мои мысли, сказал негромко – честь отдают – вручную стреляют солдатики. Если бы пулемёт стоял на «автопилоте», от нас еще на той стороне остались бы только клочья мяса на поживу зверью...

Подобные очереди слышались и с других башен, да и с той, с которой мы перешли Кордон, еще пару раз в течении ночи громко салютовали ночным странникам.

Пройдя примерно триста метров выжженной и зачищенной

заминированной полосы, мы вошли в лес, кажущийся внешне таким же точно, как и тот, из которого километром ранее мы вышли на Большой Земле. Зона, ужасные рассказы о которой я слышал, показала себя не столь уж и «другой планетой». Это ощущение продолжалось недолго. Примерно в километре от Периметра Рыбак показал мне на едва сияющее облачко над лужицей в овражке неподалёку. Облачко как бы светилось изнутри, и, приглядевшись, я понял, что оно состоит из миллиардов крошечных электрических разрядов и искорок, висящих в воздухе. С молчаливого согласия своего наставника я подошел поближе и, вынув из глубокого кармана плаща гайку с ленточкой, бросил её в облако. Аномалия ответила ослепительной вспышкой и снопом искр, поглотившим мою гайку без остатка. Впечатляюще, такое бы в Интернете выложить, подумал я и тут же отогнал эту крамольную мысль...

Свет от осветительных ракет уже не отбрасывал резких теней, силуэты деревьев и кустов начали меняться, и примерно каждые двести-триста метров тропы нам стали попадаться как старые, так, по словам Рыбака, и новые аномалии. Они выдавали себя самым разным образом, а один раз я чуть не вляпался в одну, не заметив и ошарашено остановившись как вкопанный, только когда мой болт вдруг, как из-под земли притянутый посреди траектории полёта, глубоко врезался в грязь. На месте его падения лунка в грязи мгновенно затянулась, и ничто более не напоминало о том, что в этом месте притаилась гравитационная аномалия... Успокоив вдохом-выдохом дыхание, я обкидал аномалию камушками, найденными на тропе под ногами – уже через два часа ходьбы по Зоне стало ясно, что болтов и гаек не напасёшься. В местах, где камушки упали на грязь вокруг аномалии и не ушли в землю, я воткнул вешки из срубленных тут же веток кустарника, привязав к каждой вешке клочок тряпки, а на одну из них надев найденную тут же еще не прихваченную ржавчиной банку из-под консервов. Мусора вокруг тропы, надо сказать, было немало. Мы как ни в чем не бывало продолжили свой путь.

Рыбак не стал говорить, куда мы идем и зачем – а я и не спрашивал. Какая разница, если всё равно хоть одну ходку надо пройти с опытным следопытом, и не так всё оказалось и тяжело, если не паниковать. Но запаниковать мне пришлось очень скоро.

Пройдя примерно три километра от Периметра, мы свернули влево, в густой кустарник, и пошли на юго-запад. В небе над Центром Зоны, в диковинном коническом куполе плотных облаков над ЧАЭС яростно бушевали молнии. Земля, скользкая от мелкого дождика, который то переставал, то начинал моросить с новой силой, тут поросла не то травой, не то мхом, странным растением, которого я раньше нигде не видел. Чем дальше мы удалялись от Периметра вглубь Зоны, тем чаще он встречался, иногда на полянах на этом мху можно было увидеть концентрические круги, явно оставленные действующими гравитационными аномалиями, и выжженные черные – там, где они сработали. Несколько раз около сработавших аномалий я замечал обугленные, разорванные и сплюснутые тушки невиданных мною ранее животных, как правило, похожих на большую крысу, величиной с кошку, и один раз попался труп большой черной собаки, странно лежавшей в неестественной позе.

Рыбак долго разглядывал его, потом осторожно перевернул и снова разглядывал. Повреждений на теле совсем не было заметно, что, очевидно, более всего насторожило старика. Покружив вокруг, он с нескрываемой

тревогой сказал:

– Кровосос. Высосал Чернобыльского пса-телепата, опасного и очень умного мутанта. Впервые вижу такое – видать напал с голодухи. Но что делает кровосос тут, у Периметра – загадка. В любом случае, ничего хорошего ждать не приходится, заряди один ствол пульей – левый, а правый – картечью. Неизвестно чего ждать, это Зона, – проворчал он под нос, взводя с лёгким клацаньем вставший на боевой взвод затвор старинного автомата, и, отомкнув металлический приклад и поправив рюкзак, пошёл по тропинке первым.

Через несколько минут он остановился как вкопанный, и вдруг резко вскинув автомат, дал несколько коротких очередей в крону странно выглядевшего, как будто притянутого к тропинке дерева.

Ответом ему был истошный вопль, и, как бы из ниоткуда, в кроне дерева появилось чудовище размером с человека, с большими круглыми глазами, грубой перепончатой кожей и жуткими шевелящимися щупальцами вокруг ротового отверстия под похожим на свиное рыло носом. Старик продолжал стрелять, и каждая пуля, попадавшая в тело кровососа, выбивала из него комок мяса и костей размером с кулак. Кровосос судорожно дернулся, и вода по воздуху слабеющей передней конечностью, очень похожей на человеческую руку, но с гипертрофированно большими и сильными пальцами, попытался второй лапой ухватиться за искореженную мутацией березку, но уже очевидно было, что жизнь покидает его. Кровь из огромных ран выливалась в такт пульсу, обливая палую листву, и когти только содрали кору, заставив деревце испуганно затрястись. Еще несколько разрывных пуль в голову превратили его морду и череп в сплошное кровавое месиво, из которого сбоку из перебитой артерии била вверх кровь, обдавая нас вонючим бордовым дождём.

Извиваясь и корчась в предсмертных судорогах, тело мутанта упало в грязь под деревом, и через несколько минут конвульсии прекратились.

Я пытался прийти в себя, пока Рыбак, хладнокровно перезарядив автомат и повесив его за спину, не спеша подошёл к трупу, и, вынув из-под плаща большой нож с широким лезвием, с мощными и, судя по виду, острыми зубринами в верхней части, не спеша, умелыми движениями, хоть и видно было что резать мощные жилы твари ему нелегко, отделил голову кровососа от туловища и, аккуратно обрезав щупальца, представлявшие, как я понял, изрядную ценность и почти не поврежденные пулями, отбросил остатки головы в кусты.

– На всякий случай, – спокойно сказал мой опытный инструктор, а теперь и спаситель, – они, когда молодые, могут регенерировать почти девяносто процентов тканей, а без головы регенерация у него точно не пойдет, – добавил он, вытирая нож об листву и втыкая его в сырую рыхлую землю рядом с тропой. Не заботясь о туше, мы двинулись дальше через пелену морозящего осеннего дождя навстречу неизвестным опасностям.

Голубая Лужа

Через несколько часов осторожного, медленного движения между аномалиями, ловушками, неведь как подмечаемыми дедом растяжками на тропе, мы вышли на поляну среди искалеченного невиданной силой леса. Лес, казалось, рос в какой-то вязкой среде, которая заставляла мутировавшие от облучения во время Выбросов деревья сплетаться друг с другом, возможно даже

и срастаться. На каждой ветке, в каждой кроне мне теперь мерещился невидимый до момента атаки кровосос – эти твари умудрялись воздействовать на мозг человека, заставляя его не воспринимать их как объект, что давало эффект невидимости, помогавший им обильно питаться невнимательными и беспечными, а иногда и очень опытными, но усталыми сталкерами.

Посреди поляны светилось бирюзовым светом небольшое озерцо, лужей назвать его не поворачивался язык – такой прозрачной казалась его вода. Создавалось ощущение, что это бассейн богатого владельца виллы в Голливуде просто переместился сюда неведомым образом. Вблизи всё выглядело иначе – берега озера, подсвеченного, как объяснил мне по пути к нему Рыбак, подводной электрической аномалией, были усеяны костями животных, остатками экипировки и снаряжения, виднелись трупы людей в разных одеждах, в основном, в сталкерских костюмах, в наэлектризованном воздухе витал тошнотворно сладкий запах разложения.

Не приближаясь к кольцу трупов, Рыбак пошел в обход, оставив меня охранять подступы к аномалии – и не зря. Стоило ему отойти метров на сто в сторону, как из кустов на меня выскочила какая-то тень, и уже после, как в замедленной съемке, я увидел разинутую пасть и затянутые красноватыми плёнками глаза чернобыльской псевдособаки. Грохот выстрелов разорвал тишину – я с перепугу выстрелил в тварь дуплетом из обоих стволов, и на землю она упала уже мертвая, с дергающимися в конвульсиях мощными лапами.

– С почином, Маскаль! – услышал я, перезаряжаясь, крик Рыбака. – Если хвост полосатый, отрежь его, Бармен берет их по 10 баксов – будет на что отметить первого монстра.

– Будет чем, – ответил я. – Повезло!

Через несколько минут прогулки дед негромко позвал меня, и я, озираясь и опасливо оглядываясь по сторонам, стараясь не подходить к невидимому кругу смерти, поспешил к нему.

Сталкеры лежали в странных позах, как живые не лежат, и было видно, что разложение уже тронуло их. Лица почернели, незакрытые глаза застекленели, тела в комбинезонах сильно вздулись. У одного, лежащего в неестественной позе поверх тела товарища, в разинutom рту что-то шевелилось в призрачном свете молний и аномалии. Запах, к которому я так и не смог привыкнуть, заставил меня отойти в сторону и вывернуть жиденькое содержимое голодного желудка – ведь мы не ели почти сутки – на землю. Стало легче.

– Очнись, Маскаль, – заговорил спокойно старый сталкер. – Когда-нибудь всех нас ждёт подобное, рано или поздно. Тут в Зоне, ты – если выживешь – повидеешь все лики смерти. Надо вытащить их и взять их снарягу и хабар...

– Голубая лужа не так проста, как кажется. В каждую секунду аномалия может резко расширяться и мгновенно убить всё живое в зоне ее расширения, так они и погибли, дурни – хоть бы по очереди шли или по жребию – авось кто-то вернулся бы. Ломанулись вдвоём на «авось», да хранит их души Зона...

– Теперь смотри. Видишь, у того, что снизу, под правой рукой канистра? Она нам нужна в первую очередь, иначе зря топали сюда. Делаем так, – продолжал он озвучивать план, вынимая из рюкзака веревку и привязывая к ней трезубый крюк, – ты кидаешь болт, и если он беспрепятственно пролетает над телами, мухой пробегаешь десять метров до тел, цепляешь крюком канистру и

мухой назад. Рюкзак и ружьё оставь тут – тебе понадобится максимум сноровки. И помни – тебя ждёт Айда. Удачи, сынок.

И я рванул сразу за легким шлепком упавшего за телами болта, подлетев к трупам схватил было канистру, но вспомнив наказ Рыбака просто прицепил к ее ручке крюк и рванул обратно – однако промедление мне дорого обошлось. Уже на выходе меня как будто обдало жаром, наверное, так чувствует себя птица, засунутая в микроволновку. Даже доли секунды мне хватило, чтобы обессилено упасть на землю рядом со спокойно стоящим Рыбаком, который как никогда напоминал прототип своего прозвища. Рыбак мерно, как в кино, тянул за веревку канистру из мертвой зоны. Через несколько секунд он лукаво улыбнулся мне в свете аномалии и как ни в чем не бывало сказал:

– Давай теперь за снарягой, цепляй крюк за пояс нижнего, если повезет, подтащим их обоих, и с них не свалятся автоматы...

Так я никогда еще не боялся – ведь впереди была неведомая опасность, противостоять которой я не мог никак – и вся моя задача сводилась как в гусарской рулетке, к нажатию курка пистолета, нацеленного мне в висок.

Противный, липкий пот увлажнил ладони, и я никак не мог стереть его об мокрый плащ. Наконец, пересилив сосущий под ложечкой страх, стараясь не поворачиваться лицом к Рыбаку, который как ни в чем не бывало монументально возвышался над слабо светящейся полупрозрачной пластмассовой канистрой с автоматом наизготовку, я кинул болт и рванул к трупам. Адреналин придал мне прыти, и, выскочив из мертвой зоны, я даже успел заметить мгновенно появившееся и пропавшее голубоватое марево над территорией смерти. Я успел спастись...

Рыбак неторопливо ждал, пока я приду в себя, и когда я подошёл, молча протянул мне веревку. Мы начали медленно-медленно тянуть её. Окоченевшие, раздутые тела неохотно шевелились, дело шло медленно, но мы старались не спешить – я лучше неделю тянул бы трос, чем еще раз вошел в эту убийственную зону.

Наконец, медленно, но верно, мы подтянули тела к невидимой границе, но тут лежавший сверху труп сталкера окончательно свалился с тела товарища, которое мы тянули за ремень боком. В итоге, успокоившись немного и осмелев, я еще два раза вбегал в зону – первый раз чтобы подцепить на крюк тело второго сталкера, а второй раз за его винтовкой М-16-А2, которая выглядела неповрежденной и пользовалась большой популярностью в Зоне, по словам моего наставника – в первую очередь из-за неплохой надежности, высокой точности и легкости. Патронов НАТОвского образца к ней везде было завалишь.

Уже светало, когда мы, изрядно намучившись, стянули с мертвых тел сталкерские кевларовые комбинезоны и отрыли их же лопатками неглубокие могилки в песке. Затянуть тела и столкнуть в могилки было уже делом полегче, и мне показалось, что Рыбак даже не обращал внимание на окружающие кусты, в которых иногда раздавались хрусты и шуршание. Я же постоянно перекладывал поближе к себе доказавшее свою надежность старое ружьё.

Пожилой сталкер присел на песок, пока я, понимая, что ему нужен отдых, засыпал тела песком. Присев рядом, закончив дело, я открыл один из рюкзаков, не глядя пододвинув второй Рыбаку. Тот не спеша открыл свой трофей, и попросту вывалил его содержимое на влажный от недавно прекратившего моросить дождика песок, и медленно, со знанием дела, перебирал его содержимое.

По одному ему понятным причинам он переложил в свой рюкзак только серебристый ПДА, несколько банок тушенки и завернутую в целлофановый мешок непечатую буханку хлеба. Одежду и патроны он даже не тронул.

В доставшемся мне рюкзаке почти все бы мне пригодилось – даже смена сухой, чистой одежды была кстати. Не понимаю до сих пор, как я не задумался даже, что ее обладатель уже лежит в сырой земле, а точнее, в мокром песке, в нескольких метрах от нас. Я быстро переоделся. Со сталкерским комбинезоном было сложнее – он провонял трупным запахом и валялся кучкой рядом с нашим импровизированным пристанищем. Я не мог заставить себя надеть его – и тут опытный товарищ пришёл мне на помощь:

– Не надо, сверни его в целлофановый мешок и положи в рюкзак. А то провоняешь – негоже. У Бульбы есть своя химчистка, после нее – будет как новый.

– Забери винтовку и патроны. Калаш второго с патронами заверни в целлофан и закопай – пусть это будет твой первый схрон. К нему же прикопай нож и консервы, лекарства, и остатки сухого белья. Ботинки уже почти просохли – прикопай и их. Зона ничем не шутит, лишнего тут нет.

Когда я закончил работу, он выдал мне банку энергетика из доставшегося ему рюкзака и сам открыл вторую.

– За упокой их душ, и за наше возвращение живыми и целыми, – сказав себе под нос, он быстро выпил банку тоника со стимуляторами, считающимися на Большой Земле наркотиком но, как я понял, в Зоне регулярно употреблявшимся сталкерами.

Спать нам, очевидно, и не предстояло...

Псевдогигант

Мы бежали, спотыкаясь и падая в наполненные начинающей преть листвой и хвоей лужи, обегая аномалии и молясь всем высшим силам.

Грохот кустов, тяжёлые шаги позади и утробный леденящий душу рык придавал сил усталому организму. Иногда время замедлялось и я, придя в адекват, поражался проворности и точности движений своего пожилого наставника. Мы взмокли от бега, и его седой ёжик волос на почерневшей от загара голове казался каким-то неестественно белым в неверном свете осеннего, с трудом пробивавшегося через разрывы облаков утреннего солнца.

Теперь мне понятно было почему никакие твари не кружились вокруг нас у Голубой лужи в тот жуткий день. За нами гналось что-то очень большое, проворное и неимоверно голодное.

Рыбак, рассказывая мне о тварях Зоны, вскользь упомянул как-то про псевдогиганта. Вскользь, потому что считал, что эти твари не приближаются к периметру – как и все самые сильные и крупные мутанты, они питались не только плотью местной аномальной живности и сталкерами, но и энергией Зоны.

Не знаю, как получилось – но Рыбак ошибся. Рык этого существа еще издали вспугнул нас, и не успев толком отдохнуть от ночной работы, мы побросали, что успели в рюкзаки и просто побежали.

Псевдогигант явно был проворнее нас и, судя по громкому топоту, рыку и треску кустов, нас настигал.

Рефлекторно перепрыгнув вслед за стариком через незамеченную мной

растяжку, я было подумал, что граната, ждавшая своего часа на тропе, остановит тварь, но спустя минуты изуродованный аномалиями и мутациями лес огласил грохот разрыва, и вдвойне злобный рык догонявшего нас по пятам мутанта.

Рыбак не предпринимал никаких попыток свернуть с тропы – я доверял его огромному опыту и знанию местности и осознавал, что, очевидно, поблизости нет никакого укрытия, способного защитить нас, а наше легкое оружие вряд ли могло отодвинуть нашу смерть в открытом бою. Мы просто ударили в надежде на милость Зоны – надежде тщетной и призрачной...

Выскочив на открытый участок местности, поросшей рыжей, отцветающей травой, я оглянулся и увидел шевелящиеся кусты и ветки – надо было что-то предпринимать. Рыбак, поняв мою отчаянную мысль, повернулся и сбросил рюкзак. Я последовал его примеру. Сталкер, тяжело дыша, показал мне на тропу, по которой мы шли сюда, и махнул рукой – беги.

Я побежал, а он побежал вправо, вдоль зарослей, громко крича что-то неразборчивое.

Через несколько секунд, оглянувшись назад перед тем как нырнуть в кусты по тропе, я увидел псевдогиганта, выскочившего на место, где мы сбросили рюкзаки, с мощью и скоростью локомотива. Это зрелище я, наверное, не забуду до смертного одра...

Огромное человекоподобное создание – коротенькие лапки (рудимент рук), огромный рот и почти полное отсутствие шеи, морда, похожая на рисованное изображение первобытного человека – казалось, полностью состояло из одних мускулов и жил, при этом было ростом в два с половиной метра как минимум. Маленькие тёмные глазки под огромными надбровными дугами выражали зверское чувство голода и злобы. Тело, израненное осколками гранаты, кровоточило, живот был разодран, шерсть на туше местами опалена и дымилась. Нижняя губа была порвана, рудиментарные гениталии в грязном клоке шерсти внизу выкаченного мохнатого брюха обильно кровоточили. Откуда-то из раны в животе тонкой струйкой била вперед вонючая струя мочи.

Издав жуткий вой, он присел на вывернутые кривые задние лапы и проворно огляделся, оценивая обстановку.

Заметив старого, сбивавшегося при беге и отступающего сталкера, тварь очевидно приняла простейшее решение – догнать и сожрать жертву – и с воем ринулась за ним.

Я, не задумываясь ни секунды, поднял и прижав к плечу приклад венца Кольцовского инженерного искусства, и, не целясь особо, выпустил всю обойму одиночными по голове, плечам и туловищу твари. Сложилось ощущение, что пули мощной военной винтовки, способные с такого расстояния пробивать бронезилет, прошли сквозь мутанта – он даже не вздрогнул.

Старик устало, рывками, бежал вдоль опушки, всё больше удаляясь от меня. Между ним и жутким порождением Зоны оставалось не более ста метров, когда я, бросив разряженную винтовку, скинул с плеча ружьё и навскидку выстрелил дуплетом по щиколотке твари.

Псевдогигант споткнулся и, упершись передними конечностями в землю, обернувшись ко мне, истошно заорал. Лихорадочно перезарядив ружьё пулевыми патронами, я вскинул стволы, и, плотно прижав приклад и задержав на секунду сбившееся дыхание, выстрелил туда, где, как мне казалось, я видел его глаза.

Приклад больно саданул в плечо от отдачи дуплета, и на морде твари, в том месте, где был левый глаз, взметнулся фонтанчик из смеси костей, остатков глазного яблока и крови...

Тварь молниеносно схватилась верхними лапами – чем-то средним между лапками динозавров в музее и уродливыми человеческими руками – за раненную голову, и, издав жуткий, леденящий душу вопль, рванула на меня, подобно танку. Едва успев перезарядиться, я вскинул ружьё, понимая, что через пару секунд моё тело будет разорвано. Перед глазами пролетели мгновения детства, покойная ныне мама, протягивающая мне мороженное, школьный сторож, Ниночка – девочка с большими бантиками, силуэт обнаженного, сочного и грудастого тела Валентины, моей первой женщины, подходящей к окну покурить – она была дамочкой лет «слегка за тридцать», а я – семнадцатилетним пацаном... Мелькнула Айда, красящаяся, как кошечка, перед зеркалом... Я прицелился в низ живота твари, под израненное жирное брюхо, туда, где в длинной, обвислой от истекающей крови и мочи шерсти явно было его чувствительное место – и выстрелил дуплетом... И зажмурился, приготовившись умереть мгновенно и легко, как викинг – в бою.

Из ступора меня вывел сильный удар по лицу. Потом второй. И я услышал КРИК.

Вопль, ни на что не похожий – низкий, гортанный, с непередаваемой мукой.

А удары всё продолжались, и продолжались, и я понял, что сижу на земле, пытаюсь закрыться от них руками, и вижу своего мучителя, вижу и понимаю что МЫ СПАСЕНЫ...

Старый сталкер упал рядом со мной на колени, что-то крича. Я не понимал, почти не слышал его. Он стоял на коленях, слюна смешно капала из разинутого рта в котором не хватало зубов, седая щетина ёжика смешно топорщилась, и небритое морщинистое лицо с огромными, бесцветными глазами меня смешили безудержно. Помню, как я катался по земле, держась за живот, в приступе удушающего, без кислорода в лёгких, выдавленного спазмами истерического смеха.

Ноги сами подтягивались к животу, я задыхался, но смех не покидал меня, мир мелькал и кружился за пеленой слёз...

Чернота прошла почти мгновенно, наступила боль – и стыд. Я понял, что где бы я ни был, я лежу в собственных экскрементах. Вонь была такой сильной что терпеть это я больше не мог, и попытавшись пошевелиться, очнулся.

Рыбак

Старик лежал рядом на траве, по его телу, принохиваясь к лицу, прыгала крыса величиной с домашнюю кошку, но с удивительно длинными задними лапками и умными глазками на длинной морде.

Старик не дышал. Крыса с наслаждением, не обращая на меня никакого внимания, принялась обглаживать заострившийся нос старого сталкера.

Я блеванул мгновенно, не успев поднять голову с земли.

Разум очнулся, я подорвался и сел – о чем потом пожалел, внутренность моих штанов была наполнена смердящей жижей, и вздрогнув от этого ощущения и прилива брезгливости к себе, стыда и жуткой ненависти к крысе, сдернул с плеча винтовку, поймал крысу в прицел и нажал гашетку.

Ничего не произошло, крыса с аппетитом обглодала нос и начала поедать губы Рыбака.

Я нащупал рукоять затвора и передёрнул его – тщётно. Поняв, что в винтовке просто кончились патроны, я потянул рукой с пояса обретенный в наследство от мертвого сталкера большой нож, и, не глядя, рубанул по хребту крысы что было сил...

Сознание снова вернулось – окончательно. Ум был свеж, осознавая, что вокруг – темнота ночи. Моросил дождь.

Труп Рыбака лежал рядом, голова рассеченной пополам крысы валялась по мою сторону, тело её, очевидно, отвалилось за мертвое тело моего товарища. Нож застрял в его теле, я выдернул его и, удивляясь собственной холодности и цинизму, вытер о его комбинезон и сунул в ножны.

Ему-то теперь всё равно...

Встать было непросто – в брюках мерзко хлопало, надо было что-то сделать с этим, и я на негнущихся, затекших ногах, мучимый мурашками от голеней до промежности, двинулся к рюкзакам.

Тело псевдогиганта как будто шевелилось в темноте, но, проходя мимо него, я понял, что его едят. Целый клан здоровенных крыс, не обращая на меня внимания, быстро и умело пожирал тварь. Голова твари, уже изрядно объединная, выглядела жутко – сквозь обрывки шерсти и толстой кожи виднелась разбитая разрывными пулями Рыбака черепная коробка, из которой несколько крыс выедали что-то, что видимо заменяло этому тупому прожорливому созданию мозг.

Лил дождь. Брезгливо сняв брюки и опасливо поглядывая то на кишащий крысами труп, то на ружьё, которое я рефлекторно перезарядил картечью, я как мог быстро обтёрся первыми попавшимися в рюкзаке тряпками и натянул обратно свои штаны.

Стараясь не думать об исходившей от меня вони, я быстро перенес свой рюкзак поближе к трупу своего учителя. Крысы не тронули его, занятые легкой добычей.

На теле сталкера не было никаких повреждений. Было очевидно, что он умер от сердечной недостаточности, изношенное сердце, взбодренное наркотиком-стимулятором, не смогло выдержать выпавших на его долю испытаний и остановилось.

Отрывая ему могилу, я не мог удержать слёз. Потом, по прошествии месяцев и после многих ходок, я смирился с мыслью о том, что сталкеров не хоронят – за людей это делает Зона, мгновенно присылающая на запах смерти своих ночных демонов – мерзких мутантов, избавляющих плоть от гниения, а души – от страданий.

Земля поддавалась плохо, копать я решил прямо рядом с тропой – не зная окружающей местности и не имея навыков в самостоятельном обнаружении аномалий, я чувствовал себя подкидышем в пеленках, плачущем об утраченной заботе матери...

Я прикопал могилу, когда уже забрезжил рассвет. Не зная толком молить, я дал своему покойному спасителю слово, что как только выйду к людям из этого ада, попрошу у них совета, как достойно проводить дух умершего героя.

Стыд снедал меня ещё долго, и я никак не мог себе простить, что вырубился как барышня, еще и обгадившись, испугавшись верной смерти от лап мутанта.

Вам эту историю я открываю впервые, и душа моя облегчилась. Я много повидал с тех пор, и осознал, что человеческая натура слаба, и часто спасает таким образом нас от страданий и мук, отделяя дух от тела, которое будет растерзано нечеловеческой нежитью Зоны. Да и гадились при мне не раз, это просто рефлекс. Говорят, у солдат на войне такое тоже случается. Я – выжил. Это главное. Я в неоплатном долгу перед только что похороненным мной человеком. И это – самое важное. Надо будет отдать. В Зоне ничего не бывает задаром, но многое бывает в кредит. Я свой получил, и твёрдо вознамерился отдать с процентами...

Инициация

Периметр... Я не думал никогда, что это зрелище так приятно и радостно... Пройдя тропу без особых приключений, не считая застреленного магазином очередями по 5 патронов из кольцовской винтовки молодого кабана-мутанта, я вышел на минное поле с надеждой – я вышел к людям...

Фонтаны от пуль большого калибра взметнувшиеся в нескольких метрах впереди вернули меня к реальности. Дождь недавно перестал, и лёгкий туман местами висел в низинах на открытом пространстве минного поля.

Вспомнив слова покойного Рыбака, я не стал прятаться, а приветливо помахал рукой солдатам, бдевшим в наряде на огромной башне впереди, и смело пошёл к ней. А что мне оставалось? Пуля калибра 12,7 не даст мне мучаться, да и если бы хотели – уже разделали бы меня на куски как труп (смешно сказать – труп!) зомби, изрядно уже подгнивший и воняющий, лежавший чуть в стороне от тропы. Интересно, как же эти лишённые разума и уже мертвые бывшие люди – военные, учёные-научники, сталкеры, а после смерти ожившие, уже порождения Зоны – сюда доходят через аномалии? Как может видеть мертвец? Охрани меня Зона от такой судьбы...

Осторожно, идя по узкой проторенной тропе среди минного поля, подойдя к Башне, я без проблем открыл тяжёлую стальную калитку в бетонном заборе изнутри, и, войдя и закрыв её на засов, вдруг задумался над словами старого сталкера – ведь надо было что-то положить солдатам у входа в башню в благодарность за их лояльность... Всё, что у меня было – оружие, провонявший разложением комбинезон да трофейный ПДА мертвого сталкера, который им явно не нужен. Так как отлить им Голубой аномальной воды я не мог – не во что и неизвестно насколько опасно, я оставил им винтовку и весь комплект патронов к ней. Я наверняка не первый сталкер, которому нечем расплатиться, да и по времени похода они поймут, что я ходил недалеко. Винтовку же они либо продадут, либо сдадут начальству за похвалу или премию – всё равно лучше чем ничего...

Усталость валила с ног, когда я наконец уныло добрёл до поселения сталкеров.

У входа в бар сидел на дневном уже осеннем тёплом солнышке Однорукий. Ни слова не сказав, он поправил подвешенный на ремень УЗИ и, кивнув, предложил проследовать в подземелье бара.

Пошатываясь, я спустился за ним, и, следуя его знакам, прошёл в небольшое помещение, в котором стояла двухъярусная кровать со старым покрытым пятнами матрасом и железный стол с таким же железным стулом.

Щеколды или замка не было, но я прекрасно понимал что это – помещение

для гостей, охраняемое и безопасно Однорукий взял со стола пластиковую бутылку с мутно-белой жидкостью и протянул мне. Я выпил это похожее на йогурт пойло со вкусом мяты и злаков, почти не отрывая ото рта, параллельно скидывая мешок, оружие и отяжелевший пояс.

Показав в ответ на вопросительный взгляд Однорукого на рюкзак, я принялся раздеваться. В углу комнаты было оборудовано место для помывки, точно такое же, как у Айды в комнате, и не спрашивая ничего, я быстро, на сколько хватило сил, разделся догола и проковылял к целлофановой ширме.

Мылся быстро, вода пробудила остатки сил, да и чувствовать себя дома обгаженным и заляпанным потом, трупными выделениями и кровью не хотел.

Доковылял до койки, отметив краем отключающегося разума, что Однорукий постелил мне постель и даже поставил у койки большую пластиковую бутылку с водой и вытащил из рюкзака канистру. Последнее, что я запомнил, был простой, старинный граненый стакан, наполовину наполненный водкой и слова Однорукого:

– Пей, Маскаль. Это поможет...

Я трясся в поезде. Поезд шёл на большой скорости, мелькали картины пейзажей. Мы подходили к полустанку, и я понял, что пора выходить. На полустанке стояли люди – в основном местные сельские жители – но приодетые нарядно в честь прибытия поезда. Красавица средних лет, в национальном украинском костюме – цветастой юбке и белой, расшитой кофте, как будто созданной специально, чтобы подчеркнуть её роскошную, тугую и тяжёлую грудь, с венком из полевых цветов на голове – радостно мне улыбалась и протягивала поднос со стоящими на расшитом полотенце хлебом и солонкой.

Поезд трясся всё сильнее, и, не смотря на то, что всё моё внимание занимала роскошная красавица, я понимал, что приехал, что пора выходить, очнуться, вернуться туда, где все мне друзья, проснуться.

Перед глазами было лицо Айды. Она трясла меня, трясла ласково, но очень настойчиво. Я проснулся.

Рассказ был недолгим – Айда и так всё понимала, а рассказывать о собственном «героизме» я постеснялся. Сказал только что Рыбак – с его слов её дед, умер достойно, победив псевдогиганта. И что он похоронен там, у тропы. Что он ничего не передал ей и что весь хабар я принес – там вода из Голубой лужи и всё...

– Кстати о воде! – Однорукий прервал наше едва начавшееся свидание, кивнув мне в сторону выхода.

Вопреки моим представлениям, меня повели не к Бульбе, а в общий зал бара.

Бар был полон. Была явно глубокая ночь и девушки танцевали на стойке, мужики, плотно набившие помещение, явно чего-то ждали.

Меня встретили аплодисментами зала. Бывалые бойцы наперебой объясняли, не стесняясь в выражениях, что псевдогиганта убить из стрелкового оружия нереально – но я это сделал, что очень типа круто. Услышав, что убил тварь не я, а старый сталкер, зал взорвался бурными репликами, сводившимися в основном к одобрительны высказываниями и тостам. Зазвенели стаканы и пивные кружки – поминать погибших тут было принято, как живых.

Однорукий протолкался ко мне, уже изрядно поддатому и счастливо обнимавшему сидевшую на коленях звезду местной эстрады красотку Айду, и кивком пригласил пройти – однозначно к Бульбе, подумал я.

Бульба встретил меня, встав и выйдя из-за стола. Он хромал на старом, явно неудобном протезе, но подошел ко мне, не опираясь на палочку. Молча обнял и показал жестом на стул у стола.

Однорукий подставил ему второй и он сел рядом. Я понял, что должен рассказать всё, как было. И рассказал – коротко, но без утайки. Описал место могилы.

Однорукий не спеша доставал из-под стола бутылку с элитной украинской водкой и три стеклянных стакана. Налил. Выпили залпом. Однорукий смахнул столь неожиданную на его лице слезу.

Бульба поднялся, поковырялся в шкафу и повернувшись ко мне сказал:

– Ты теперь «крестник» и наследник шамана и ветерана Рыбака. Он сам выбрал тебя. Всё его – чудо-автомобиль, способный проезжать все посты Внешнего Периметра и даже ездивший по Зоне, накопления в деньгах – примерно триста тысяч американских долларов на моём хранении, его рюкзак, ПДА с уникальными картами, к которому я знаю и сообщу тебе пароль и старинный, но безотказный шмайссер с разрывными патронами. Теперь ты должен заботиться об Айде, и вся пся крев Зоны должна знать, что за любую вольность в отношении неё одна плата – смерть.

Я молча протянул ему руку для рукопожатия, и вышел в зал где меня ждала Айда.

Я вошел – зал утих, музыка играла негромко. Один из сталкеров, кажется по прозвищу Патогеныч, шевеля бородой, громко провозгласил:

– Хабара тебе, Маскаль!

Зал дружно одобрительно заголосил, все выпили, и вечер пошёл своим чередом – смерть сталкера тут была естественным явлением и никого особо не пугала и не расстраивала, а за свою любимицу Айду сталкеры были только рады – все знали её как девицу жёсткую, но порядочную, и очень любили её яркие, пламенные выступления.

Утро я встретил в её комнатке, вышли мы на свет только в середине следующего дня.

Последующие несколько суток прошли в радостях и хлопотах. Я вставал с восходом осеннего, совсем не греющего сквозь постоянные облака солнца и часов до одиннадцати-двенадцати утра упражнялся в лесу, бегая кроссы по десять километров, стреляя из различного оружия, метая ножи и лопатку. Старался не забывать и приёмы боевого джиу-джитсу, которым в юности несколько лет успешно занимался в одном полуподпольном московском клубе.

Москва... Это было где-то далеко, в другой жизни: пробки, суетливая толпа в метро, озабоченные китайцы и удивленные европейские туристы... Меня не тянуло назад, и это – главное.

К обеду ближе я разводил на излюбленной полянке костёр и готовил в котле кашу на мясе подстреленного кролика или утки – в глубоком Приграничье, у Кордона, живности было очень много, и моя меткая М-16 не оставалась без дела.

Айде очень нравилась моя нехитрая стряпня, и к её пробуждению я уже проходил кордон в лице мрачного пожилого ветерана-сталкера, сидевшего постоянно у входа в бар-бункер. Я никогда не видел его прогуливающимся – очевидно, что-то у него было с ногами, да и костыли свои он не прятал. Так и сидел целыми днями у входа снаружи, с большим УЗИ на коленях, и курил, внимательно оглядывая всех входящих. Я механически здоровался с ним, но

никогда не заговаривал.

Да и о чем? Я старался не думать о том, что творилось в голове этого седого мужчины лет за шестьдесят, лишённого возможности самостоятельно передвигаться. Он просто ждал смерти – и всё. Это лишний раз напоминало мне – из Зоны только одни ворота. В сталкерскую вечность...

Айда к моему приходу всегда уже вставала, убиралась в своей келье и, приняв душ и накрасившись, ждала меня, уже успевшего остыть от тренировки за готовкой и безумного голодного, радостно ставившего на стол котелок с вкуснятиной.

Мы много занимались любовью, гуляли по лесу, целовались везде, где останавливались – но никогда не говорили о будущем. Какое будущее могло быть у сталкера? Мои триста тысяч долларов быстро превратились в сто двадцать – старый Бульба был непреклонен и не давал спуску никому. Зато теперь у меня были: мой трофейный, тщательно очищенный всего за триста долларов сталкерский костюм из прорезиненных кевларовых штанов и куртки, который был чуток великоват, но если подрегулировать завязки и надеть наколенники и налокотники – очень классно смотрелся и совсем не стеснял движения. Противогаз, который оказался нетронутым в рюкзаке, тоже мне подошел, и я на всякий случай прикупил у Бульбы один запасной фильтрующий баллон и один изолирующий, способный выдавать дыхательную смесь в течении трех часов.

За тысячу пятьсот долларов я прикупил толстый круглый шлем Сфера российского производства, который был не особо популярен в Зоне – тут в основном носили или старые каски советского образца или новые – стандарта НАТО, которые были не очень дороги и которые влегкую можно было выменять на артефакты у украинских или, к примеру, грузинских военных, которые, став не так давно членами НАТО, никак не могли избавиться от совковой привычки тырить всё, что можно, и продавать побыстрей...

Спасшее меня ружьё я продавать не стал – авось пригодится, а калаш второго сталкера подарил Айде – и тренироваться, и так, на всякий пожарный случай.

За принесенную воду Бульба щедро заплатил мне двадцать тысяч долларов, что по местным меркам был гонорар начинающего «отмычки» – салаги. Этим он дал мне понять, что старый Рыбак явно шёл не за водой, он просто ввёл меня в Зону, дал почувствовать ее, и всего лишь за несколько часов общения научил столь многому в теории и практике выживания в ней, что не видать бы мне иначе своих ушей уже на обратном пути, когда я выходил из той – первой – ходки один...

В этот день всё шло наперекосяк. Поднявшись с утра с небольшой головной болью, я поцеловал тревожно спящую Айду и пошел к выходу, но проход наружу мне перегородил Однорукий. Входная дверь бункера была закрыта, выглядел он крайне тревожно и на мой немой вопрос приглашающе указал рукой в сторону зала бара.

Зал был набит сталкерами. Никто не курил – воздух был спёртым, но прозрачным. Выброс, понял я. Они – нет, простите, МЫ – переживают выброс. Но что же так встревожило этих людей? Суровые, небритые, часто опухшие после вчерашних возлияний, они выражали крайнюю озабоченность – слово «страх» я не очень люблю произносить.

Недавний знакомый, знаменитый залётный сталкер-отморозок Хемуль,

сидел у барной стойки на вваренном в пол железном стуле, и я присел рядом на свободный и подождал, пока он сам ответит на мой молчаливый вопрос – что происходит?

С Хемулем мы познакомились три дня назад, после того, как чуть не пошли драться на ножах из-за того, что он нагло хлопнул по голой попе мою (вот и не заметил как сам себе признался в этом) Айду, традиционно обходившую зал после выступления со сбором чаевых. Однако справедливость восторжествовала до того, как мы вырвались из рук разнимавших нас бойцов, а Однорукий молча но выразительно наставил свой здоровенный пистолет мне в переносицу. Хемулю объяснили что у нас – любовь, и что Айда не шлюха, и что он может хоть на столе трахнуть любую из девиц, которые тут танцевали и обслуживали сталкеров посимпатичнее или поудачливее в хабаре, но Айду – совладелицу Бара, кстати, трогать было настрого запрещено.

В тот раз Хемуль подошёл к моему столику – Айда как раз переодевалась – и молча поставил на стол бутылку великолепной украинской ржаной водки.

Я разлил по полному стакану, пододвинул солёные огурцы и тарелку с пловом. Так мы ну не то чтобы подружались, но с тех пор приветливо салютовали друг другу. Хемуль явно готовился к большому делу, и торчал в нашем захолустье не зря – он был привычен к более крупным и комфортным для жизни поселениям.

Хемуль молча смотрел перед собой на разношерстные бутылки, большая часть из которых была покрыта пылью – в Зоне пили только водку, а для эстетов был чистый спирт.

– Выброс. Прорыв, – бросил он и посмотрел мне прямо в глаза. Я еще не понимал о чем он – но такой человек явно не боялся бы, чего ни попадя. Земля мелко-мелко задрожала. Такое тут случалось постоянно, и я сразу приучил себя не обращать внимания на подобные явления. Однако дрожь не прекращалась, а напротив – нарастала.

Хемуль знаком показал бармену Гусу, явно голландского, судя по акценту, происхождения ходощавому рыжему мужику с большими пышными бакенбардами на небритом лице, нервно протиравшему стакан, налить нам по дозе спирта «на два пальца» – по пятьдесят грамм. Бармен проворно поставил перед нами стеклянные гранёные стаканы со спиртом и по стакану с холодной фильтрованной водой. Мы, не чокаясь, выпили, и Хемуль сразу положил на стол двадцать долларов.

– Ты меткий стрелок, – сказал Хемуль. – Сегодня нам всем это пригодится. Есть информация, что живность Зоны, гонимая некоей необъяснимой силой, сегодня будет прорывать Кордон на нашем направлении – Выбросы такой силы случались всего три раза, и каждый раз вся живность оголтело, как лесные звери на пожаре, забыв о межвидовых распрях, прорывалась к Кордону, чтобы расширить территорию Зоны. Страшно не только это. Сейчас начнёт работать артиллерия, гаубицы и, возможно, реактивные установки залпового огня. Ты, наверное, уже видел, как в воздухе над Зоной рвутся снаряды и ракеты: воздушные аномалии – мощный, непробиваемый щит Зоны. Потому работать будут по Кордону – фактически по нам. Но самое страшное – если Кордон падёт, по нам шарахнут атомной бомбой. Ведь если этих тварей не остановить, они прорвутся во Внутреннюю Украину, пострадают города и мирные жители.

Теперь и мне стало страшно. Земля вздрагивала всё сильнее, сотрясения носили самый разный, хаотический характер. Хемуль поднялся и знаком

пригласил меня следовать за ним к Бульбе. Однорукий словно не заметил нас, и через несколько минут мы и еще несколько сталкеров стояли над картой района, распределяя сектора обстрела.

С крыши башни бункера я понял, как отвык от видов сверху. Она была высотой всего с трёхэтажный дом, но сделана из очень массивного, серого бетона, с толстой железобетонной крышей и с длинным – примерно метр – козырьком, накрывавшей периметр амбразуры. Внутри башни был сделан элеватор для подачи боеприпасов, приводимый в действие каким-то механизмом внизу и предназначенный для подачи патронов к тяжёлым станковым пулемётам и закрепленным на турели мощным снайперским английским винтовкам. Всё оружие тут было подобрано под один вид патронов, калибра 12,7, которыми, как я понимал, Бульба запасся в избытке.

Тут же стояли ведра с водой и тряпками – для охлаждения оружия, под ногами у стен были оборудованы металлические скаты, подобные тем, что используются для слива воды – но тут они, очевидно, предназначались для гильз.

Небо в стороне Центра Зоны переливалось из алого в багровое, воронка из облаков, постоянно висевшая на Центром, сейчас так сгустилась, что казалось, будто основа смерча упирается в землю. Молнии и всполохи были ярко видны, башня сотрясалась от докатывающегося рокота взрывов.

Неожиданно горизонт озарила ярчайшая голубая вспышка, мы все рефлекторно зажмурились, и когда открыли глаза, увидели чудное явление – в нашу сторону как будто несло марево – призрачное, как колебания раскалённого летним солнцем воздуха над камнями, облако. Не сговариваясь, мы все, одиннадцать сталкерюг, рванули к лестницам, и в нарушение правил – одна лестница вверх – другая – вниз, даже не перебирая ногами по ступенькам, а прыгая с пролёта на пролёт, придерживая скорость падения уцепившись за гладкие, словно полированные металлические поручни, спустились вниз. Кто-то успел зарянуть тяжёлую крышку люка и втянуть ее в пазы. Пол под ногами сильно-сильно затрясся, все что-то кричали, с потолка сыпалась пыль и кусочки отколовшегося от трещин бетона. Сквозь грохот я услышал крик Айды, искавшей меня в полной темноте. Я ответил ей, подали голоса и другие женщины. Я кричал, кричал Айде изо всех сил, чтобы пряталась в свою келью и что скоро я за ней вернусь. Обязательно вернусь! В этот момент словно взорвался воздух над нами. Оглушенные, мы рванули в открывшийся люк и побежали на огневую позицию на башне.

Припав к прикладу винтовки, я понял, что мир вокруг преобразился – мы словно попали в глубь Зоны: деревья повалило и перекосило, почти вся хвоя и листва облетела, а в нескольких местах были явно заметны сильные, свежие аномалии, одна из которых ласково поглаживала искорками ставший теперь моим автомобиль.

У бетонного бункера аномалий вроде как не было, но ничего, обкидаем, когда будем выходить, а вот в воздухе метрах в пятидесяти от земли местами были заметны слегка поигрывающие искорками облачка марева. Птиц не было видно вовсе, вся живность словно погибла.

Со стороны видневшейся сверху сторожевой башни Периметра раздались очереди, сначала короткие, а потом перешедшие в сплошной стрёкот далёких пулемётов. Раздались хлопки многочисленных взрывов – это волна мутировавшего зверья подошла к минному полю. Через несколько минут в

воздухе раздался протяжный вой налетающих снарядов и многочисленные разрывы – снаряды взрывались в воздухе на подлете к цели, заставляя срабатывать аномалии. Мы молча наблюдали за этой красочной картиной смертельного фейерверка. Аномалии явно срабатывали по одному разу, не имея тут у Периметра достаточной силы для восстановления своей энергии, и снаряды стали рваться в воздухе всё реже, сотрясая землю разрывами и всполохами.

Всё это продолжалось в течение нескольких минут, казавшихся вечностью. Вдруг среди грохота разрывов пропал звук пулемётов сторожевой башни.

Плохая новость, пора заряжаться. Артиллерия явно била с запасом – заградительный огонь приближался к нашей позиции, взрывы вскидывали тучи дыма и земли в лесу уже в километре от нас, как вдруг из леса выскочила стая слепых чернобыльских псевдопсов. Они деловито рыскали, вывалив слюнявые языки, и дали нам хорошую возможность прогреть стволы и пристрелять оружие. Еще через пару минут на нас вывалило целое стадо тварей, несшихся непонятно куда и непонятно зачем. Тут были и огромные, как слоны, псевдогиганты, и несколько групп мощных, безостановочно фыркающих и рычащих, гадающих под себя чернобыльских кабанов-мутантов с крохотными глазками и огромными клыками и зубами.

Такой кабан не сразу умирал даже от пули 12,7, что явно выдавало его необычайную живучесть. Истериčno завизжали несколько снарков, прыгавших прямо по спинам кабанов с невероятной прытью и скоростью. Зверей было не очень много – было очевидно, что артиллерия сделала свое дело и плотным огнем проредила их ряды, которые бросились на штурм бункера и башни. Очевидно, управляемые контролёрами – откуда иначе у безмозглых кабанов понимание, что ломать нужно не бетон толстенных стен, а таранить металлическую дверь – животные стали взбираться на выступающую округлую часть бункера, похожего сейчас на всплывшую из воды подводную лодку, в середине которой находилась наша башня.

Снарки, прыгая по спинам кабанов, которых набралась уже целая стая, молниеносно рванули к башне и начали, цепляясь за шершавую поверхность, с удивительной по человеческим меркам скоростью и лёгкостью взбираться к нам наверх. Пришлось закидывать их гранатами, которые были заготовлены загодя, но осколки ручных наступательных НАТОвских гранат, терзавшие тела снарков сотнями осколков, не убивали их с должной скоростью и силой. Но каждый разрыв сбрасывал их, паниковавших от взрыва и терзаемых мучительной болью от осколков, со стен башни, и они начинали карабкаться по новой. Сталкер по прозвищу Искатель побежал вниз, и через несколько минут вернулся, пыхтя и неся на себе старинный ранцевый огнемет, невесть где надыбанный значливым Бульбой. Не прекращая вести прицельный беглый огонь по всем движущимся в зоне поражения тварям, я услышал шум огнемета, керосиновую вонь огнесмеси и истошные вопли бегающих, катающихся по земле или вертящихся волчком горящих тварей. Хоботы их древних, еще советских времен противогазов с оторванными баллонами, которые они по сталкерской легенде считали символами статуса и берегли, передавая по наследству, практически выгорели.

Грязные, прорванные старые сталкерские комбинезоны и куртки с капюшонами, в которые были одеты мутанты, в короткие периоды, когда твари не прыгали с места на место, подобно блохам, а присаживались на корточки,

принюхиваясь и приглядываясь через вечно грязные стекла противогазов, придавали им некоторую схожесть с людьми.

Теперь всё это воинство, корчась в конвульсиях, догорало вокруг башни, а мы достреливали тварей еще несколько часов.

Часть тварей погибла в новообразованных аномалиях, которые, разрядившись, уже не восстанавливались, а не сработавшие – плавно снижая активность, теряли энергию.

Ночь мы безалаберно провели за пьянкой, отмечая такую бескровную победу, и только я забылся безмятежным пьяным сном, как меня растолкала Айда. Вставай, тебя зовёт Бульба, встревожено сказала она. Там военные...

Я мигом протрезвел и выскочил из постели, одеваясь на ходу. Бульба был крайне озабочен тем, что подъехавшие на бронетранспортёре и двух хаммерах военные Объединенной группировки, ничего не объясняя, начали ломиться в бронированную дверь бункера, взяв на прицел тяжелых пулемётов на турелях грузовиков амбразуру башни.

Краткое совещание порешило – они подконтрольны и не отдают себе отчет в своих действиях, единственный путь избежать боя с ними – устранить контролёра, который должен был прятаться неподалёку -контролировать такое количество людей, часть из которых просто с безразличным видом сидела на своих местах неподвижно, он издали явно не мог.

Закидать гранатами его было нереально, решили иначе. Мне, как лучшему стрелку и худощавого телосложения мужику, предложили вывеситься на веревке с той стороны амбразуры, которая была неподконтрольна стоявшим за турелями пулемётов солдатам, и осторожно высмотрев контролёра, застрелить его. Либо, если это не удастся, хотя бы попытаться повредить сами пулемёты, что мало бы нам помогло – все солдаты были вооружены и обучены – но давало большие шансы расстрелять их из наших пулемётов сверху.

На подготовку времени не было, мужики меня привязали тонкой, но прочной сталкерской веревкой к турели пулемёта, и я полез с Западной стороны амбразуры, за которой вдалеке виднелись всполохи угасающего Выброса.

Эту тварь, контролёра, я нашел без труда, хотя психологически осознать что передо мной – а точнее в прицеле – я вижу самую умную и, пожалуй, самую жестокую тварь Зоны, было непросто – так был он похож на пожилого человека, сидящего в брезентовом плаще на земле, возможно нашедшего грибочек или шишечку. Лица твари видно не было, и я, быстро прицелившись ему в грудь, всадил пулю с первого выстрела.

Контролёр подлетел и упал на спину, и тут же я почувствовал страшную головную боль, такую, что казалось, выпрыгнули глаза. Я ничего не видел и не слышал, боль захватила каждую мою клеточку, и я чувствовал, как душа – словно в глубокой медитации или под наркотиками особого действия – отделяется от тела, и скоро тело ей уже не понадобится.

Очнулся я, лёжа в луже воды, которую на меня вылили втянувшие меня, почувствовав недоброе, товарищи. Увидев контролёра, корчащегося и пытавшегося подняться, Хемуль добил его очередью из пулемёта, превратив остатки плоти в ошмётки.

Военные почти сразу изменили своё поведение, однако разговаривать не хотели, и не разговаривали между собой. Почувствовав неладное, мы доложили Бульбе, который, не раздумывая, велел всех военных расстрелять из пулемётов без тени жалости и согласно обычаю – превращение в зомби необратимо.

Мы стреляли как в тире, с горечью в душе, стараясь каждым выстрелом сносить голову, избавляя этих несчастных от более страшной участи – странствовать в разлагающемся теле до полного естественного отделения головы. Бррр... Только недавно и меня, висевшего на веревке за башней, минула чаша сия, и я старался об этом не думать...

На одном из хаммеров мы с Патагенычем доехали до ближайшего блок-поста Внешнего периметра, находившегося примерно в десяти километрах от нас и превращённого Объединённым командованием в ошестинившуюся стволами передовую, с торчащими отовсюду касками солдат из резервных подразделений. Мы, привезя военным тело их офицера и всё оружие погибших, рассказали о происшедшем. Офицер украинской контрразведки под бодрой фамилией Бойко внимательно нас выслушал, принял написанные нами заявления и, уложив их в толстую папку с грифом «Секретно», спрятал в сейф, невесть откуда очутившийся в его – совсем не похожей на штабную – палатке.

Оттуда же он извлёк литровую, но изрядно уже початую бутылку финской водки, стаканы, и, разлив по полному, коротко предложил: «За погибших».

Не чокаясь, по обычаю Большой земли, мы выпили стоя. Водка приятно растеклась по жилам, давая ощущение уюта и безопасности.

На выходе нас встретили двое солдат, судя по всему, грузинского контингента, так как демонстративно плохо говорили по-русски – хотя этот язык в Зоне отчуждения был принят как основной международный в связи с необходимостью. Впрочем, они и по-английски, и по-немецки тоже ответить не смогли, и сразу проявили неплохие познания русского, видимо устыдившись своей необразованности перед простыми сталкерами.

Солдаты, вежливо, но отрывисто объяснили, что нас приглашает начальник штаба подразделения, и нам необходимо явиться к нему. Безальтернативно.

Войдя в штабную палатку, я был удивлён количеству офицеров там и, в первую очередь, тому факту, что во главе стола стоял – а не сидел, как обычно показывают в кино – целый генерал. Судя по форме – российской армии. Все были в полевой форме, с кобурами на поясах, и это говорило о крайней серьёзности ситуации.

Сопроводившие нас солдаты, щелкнув каблуками, удалились, и генерал коротко поприветствовав нас, перешёл к делу:

– В Зоне происходят непонятные вещи, и наши разведчики гибнут один за другим. Мы более не можем терять военных сталкеров, и командованием группировки принято решение о привлечении некоторого количества добровольных помощников. Так как средств на оплату, в отличие от богатеньких буратино-коммерсантов разных стран, которых вы, сталкерюги, нагло водите в Зону расхищать уникальные артефакты и устраивать сафари на неведомых зверей, у нас нет, платить будем пропусками. Да, вы не ослышались, товарищи.

Сказанное им слово «товарищи» могло пониматься нами двояко – он воспринимал нас как военных, благо мы были одеты и экипированы лучше любого натовского офицера, либо давал нам так понять, что считает нас коллегами и ставит боевую задачу.

– За каждую ходку – подписанный пропуск на 1 год, без фамилии – впишите сами. Можете использовать, а можете продавать. Полагаю, что в условиях нарастающего укрепления Периметра эти пропуска резко возрастут в

ценности среди ваших коллег.

Предложение меня сразу заинтересовало, да и Патагеныч не стал артачиться, и мы коротко кивнув, приблизились к большой, разложенной на весь стол, карте района – получать инструктаж.

Патагеныч

Дым был горьким на вкус. Сознание медленно возвращалось, чувства начинали, простите, чувствоваться. Зона меня заберит... Как же кружится мир. Исковерканные мутациями и аномальными явлениями гравитационного поля деревья смотрели в небо как-то боком, непонятно. Да еще и крутились... кружились... Тьфу... Полный рот свернувшейся крови со слюной, землёй – даже разбитыми губами и опухшим языком я чувствовал её хруст... Тьфу... Ой, как бы повернуться бы... Ой как бооольно-то...

Сознание вернулось в темноте, и вернулось в виде кошмара. Я сидел – и не вспомню как – посреди большой, метров в пяти-шести в диаметре, почти круглой лужи. У кромки воды, прямо напротив меня, стоял старый уже Зомби, со свалившимися с сгнивших бёдер брюками, висевшими уродливым вонючим мешком где-то около колен. Глазные яблоки, как и то, что было носом и ротовым отверстием, чернели дырами в свете звёзд. То, что когда-то было лицом, представляло собой отекающую к земле маску из упавшей к шейной кости челюсти с желтеющими длинными зубами и кусками гниющего черного мяса, ставшими пристанищем явно уже не юной колонии червей. Под курткой, которая скорее всего когда-то была военной, сгнившая плоть обмякла, очевидно кишечник уже «отработал», и живот, давно лопнув под давлением газов, обмяк мешком, но благодаря военной куртке видно его не было. А может и зверюги подъели, теперь не определишь – да и к чему мне...

Я мгновенно очухался. Осмотрелся. В вечных сумерках Зоны, подсвеченных алыми грозowymi всполохами под куполом облаков у Воронки над ЧАЭС, окружающая действительность смотрелась вдвойне ужасно – но и столь же радовала мой глаз мыслью, что я жив, вижу мир, а не мертв и тем более не разделит жуткую судьбу этого парня. Как истинный сталкер, я должен буду обезглавить его, если он не будет очень уж агрессивен, чтобы упокоить его тело.

Мелькнула мысль – автомат! Где мой верный шмайссер? Что вообще произошло, как я попал сюда? Попытка издать звук закончилась неудачно, мои губы были разбиты, язык распух, дышать получалось только носом. Рот, судя по всему, был забит мусором и загустевшей кровью. Интересно, моей? Даже не пытаюсь определить радиоактивность воды в луже или хотя бы вспомнить где мой рюкзак, я медленно, боясь схватить болевой шок из возможно поломанных конечностей, набрал в пригоршню поды и медленно залил в рот. Стараясь не повредить разбитые губы. Вид моих ладоней тоже не радовал – было ощущение, что их терли наждачной бумагой до крови. Странно, что нет боли...

Зомби пошевелился, повернул голову в сторону ЧАЭС и словно прислушался к ему одному ведомым звукам.

Если он не уходит, то преследует какую-то цель. Или он – или тот, кто его контролирует. Интересно...

События минувших дней пронеслись в моей воскресающей памяти быстрым калейдоскопом. Вот мы с Патагенычем жизнерадостно прощаемся с

весёлыми и вечно матерящимися украинскими военными сталкерами из отряда полковника Петренко, любезно проводившими нас через минное поле и ушедшими в Зону на Север, вправо от нашей тропы, по одному им известному заданию.

Вот, мы чуть не влетели в аномалию Трамплин, которую, заболтавшись, попросту не заметили – надо же, на старуху проруха... Нас спасло то, что Патагеныч по своей давней привычке шёл впереди, держа перед собой длинный спиннинг, выступавший метров на семь вперед своей тоненькой пластиковой телескопической трубкой, на конец которой он, не мудрствуя лукаво, подвешивал обычную железную гайку или рыболовную блесну.

Спиннинг попросту взлетел кверху, а гайка с бешеной скоростью закрутившись вокруг древка примотала леску и звонко щёлкнула...

Вот мы, заметив издали трёх бандюков, медленно бредущих, влача на себе по несколько явно чужих, новых рюкзаков, «приняли» их в засаду, и видя, что уроды под наркотой и страху не имут, расстреляли их с двух стволов разрывными на полянке у ручейка.

Хабар нам был не нужен – снаряга явно принадлежала «буратино», привыкшим на Большой земле все вопросы решать пальцовкой и баблом, и для реального сталкерского быта, который я уже освоил, была бесполезна. Забрали только карточки памяти из их ПДА – отдать военным, вдруг родственникам сообщат о «героической смерти» – не зря же за взятку немалую их пропускали – и толстые пачки разных валют, которые тут же не считая, на глазок поделили поровну. Тела похоронит Зона – у нее для этого много зверья. Таков закон...

Вот мы чуть не полегли смертью храбрых ротозеев от пуль квадрa – основной боевой единицы, типа отделения – Долговцев, хорошо что Чанга – здоровенный черный парень, явно нигерийских кровей, но принципиально говоривший только по-украински, узнал своего старого знакомого Патагеныча и, изменив своей привычке, спросил сначала, кто идёт, перед тем как стрелять, когда мы негаданно вышли на их секрет, в котором они кого-то «пасли». А может, просто решил без шума, чтобы тех не спугнуть... Мы, не мешкая, махнули руками, пожелав долго жить, и двинули дальше, не оглядываясь. Стрельба, звуки которой настигли нас через полчаса, нас не касалась.

Вот мы, расстреляв по три магазина разрывных патронов, отбились от стаи чернобыльских псов, гнавшей куда-то огромную, жирную, но очень проворную псевдоплоть, и очень голодных.

Вот мы... О Зона! Патагеныч, он же... Я осторожно, неспешно потянул из бедренной кобуры большой и острый как бритва боевой нож. Вороненое лезвие не должно блестеть – да и как мертвый безглазый зомбак может увидеть? Но, видно, правы были те, кто утверждал, что в этих ходячих трупах живут неведомые астральные существа – Зомби повернулся ко мне, и протянув руки, неспеша, вошёл в воду в моём направлении. Я постарался попасть ему точно под основание черепа, уже видневшегося через патлы свалывшихся, смешанных с гнилой мякотью и грязью черных волос. Череп легко отделился, и труп как подкошенный рухнул в лужу. Вытаскивать его оттуда не хотелось, да и недолго ему – зомби догнивают в считанные дни.

Я с максимальной осторожностью вышел из воды, напоследок зачерпнув воды в пригоршню и омыв лицо. Патагеныч... Если это еще он, а не укушенный зомбаками, которых мы мочили, пока были патроны, ходячий труп – он должен лежать где-то неподалёку. Память, жалея меня, цедила по капельке горькую

правду нашего последнего боя.

Зомби было много, и они выскакивали отовсюду, не особо прячась от наших пуль, но с присущей им силищей метая в нас камни, а те, кто были посвежее, еще сохранившие внешнее сходство с людьми, умудрялись даже стрелять – впрочем, безуспешно. Среди этого жуткого отряда было немало бойцов в свежих еще комбинезонах военных сталкеров, что давало ответ на вопрос, куда они пропадали – но никак не говорило, как они стали зомби. Это, очевидно, и было основной загадкой для военных.

Бой шел уже полчаса как минимум, и я понял, что не успею даже влезть в рюкзак за пачками запасных патронов, все снаряженные в восемь магазинов в разгрузке закончились, я достреливал последние ещё оставшиеся в магазине автомата.

От ствола шёл запах гари, металл был раскалён. Патагеныч, державший оборону в паре метров за моей спиной, вдруг прекратив материться, истошно крикнул мне – давай на прорыв, к луже – за ней укроюсь, и размахнувшись кинул в зомби, шевелившихся в кустарнике по пути к видневшейся за зарослями сбоку от нас большой луже, следующую гранату, кинул уже в наседавших с его стороны тварей.

Взрыв никак не повлиял на медленный, но верный темп наступающих, переставляющих негнущиеся ноги в нашу сторону, но пару тварей раскидал в стороны, шедшие сзади споткнулись и завозились на влажной земле, пытаюсь встать. Я бросил пару гранат в свой сектор, одну, кстати, очень удачно – сам видел, как старинная РГ-42 разнесла на куски двух зомби, а третьему удачно отлетевшая рука одного из них оторвала голову.

Машинально откинув незаряженный уже автомат за спину, я в левую руку взял старый надёжный парабеллум, доставшийся мне от Рыбака, и схватив правой большой нож, рванул к зарослям в сторону лужи – зачистить дорогу для Патагеныча, который, как в тире, расстреливал зомби одиночными из своей винтовки. Разрывные пули иногда просто пролетали сквозь их сгнившие головы, не найдя препятствия для подрыва заряда, и хлопали в соседнем лесу. Однако, завалив нескольких, он сумел оторваться и догнать меня уже почти у кромки воды, неожиданно набросившись на меня сзади и сбив с ног. Ничего не понимая и не чувствуя в тот момент еще ментального давления контролёра – я всегда был малодоступен ему почему-то – я упал на четвереньки и попытался встать, но Патагеныч – точнее, контролёр, который управлял им – ловко выбил опору из-под моих рук и мгновенно вдавил лицом в грязь у кромки лужи. В голове как будто сверкнула чёрная молния, заполнив разум адской болью и мукой.

Свершившееся после память стерла навсегда – мне никогда так и не удалось вспомнить, что случилось, но, реконструировав события, осматривая берег, я понял что меня спасли те самые зомби, от которых мы убегали. Нагнав душившего меня Патагеныча, они накинулись на него, оторвав от меня с присущей им в момент нападения на живого человека силищей, и отбросили к кустам, случайно задев контролёра. Контролёр, сучья натура, испугавшись, утратил контроль над всеми нами, и Патагеныч расстрелял его, улепётывающего, в спину. К чести Патагеныча, который, не смотря на свой мирный вид израильского хасида, с такой же пышной бородой и длинными, свисающими – правда из под ковбойского вида кожаной шляпы – прядями седеющих уже волос, был одним из лучших стрелков на Востоке Зоны

отчуждения. Природный дар ли или ежедневные тренировки, но откинув брезгливо капюшон плаща контролёра, я с удовольствием увидел аккуратную дырочку от пули нагана – резервного ствола Патагеныча – точно в середине затылка огромной, лысой, похожей на большую дыню голове мутанта.

Патагеныча не было, а зомби, очевидно, попросту разбрелись. Я набрался смелости осмотреть кусты, и заметил, что рюкзака и снаряги Патагеныча также нет, что меня очень успокоило – значит, он еще не превратился в зомбака. Чужих следов также не было, а следы бесцельно разбредавших в разные стороны неуправляемых зомби вели в самых разных направлениях.

Кричать я не осмелился, и решив что лучше дождаться утра тут, развел за кустами небольшой костер и активировал подмышечные химические обогреватели комбинезона, чтобы прогреть промокшее местами от долгого лежания в луже тело – комбинезоны так и не удалось сделать дышащими, но непромокаемыми. Снарядил остатки патронов, протёр автомат – удивительное чудо немецкой инженерной мысли. Учитывая, что в Зоне подавляющее большинство огневых контактов происходило на дистанциях до ста метров, его огромная надёжность, останавливающая сила даже обычных пуль и умеренный темп стрельбы, позволявший опытному стрелку с лёгкостью вести одиночный огонь, чему способствовала откидная алюминиевая сошка под стволом, делали его крайне опасным и полезным инструментом выживания, тягаться с которым, на мой взгляд, мог пожалуй только Большой Узи. Вколоть себе в мышцу стимулятор и дозу антидота было делом привычным, вскипевшая в большой термокружке вода послужила для приготовления питательного и вкусного киселя из российского военного сухпайка. Кисель, представлявший в сухпайке розового цвета лёгкий как мука порошок, легко растворялся даже в сырой холодной воде, дезинфицируя ее, и был просто в избытке начинен микроэлементами, витаминами и минералами, и, очевидно, крайне калориен, что позволяло питаться им даже один раз в сутки, сохраняя при этом бодрость и работоспособность. Всё-таки чего-то доставшаяся России от бывшего СССР медицина катастроф стоила...

Наслаждаясь теплой пищей, легко глотаемой даже через разбитые губы – землю и кровь я уже выполоскал, зубы вроде остались целы и нос давно перестал кровоточить – я не терял контроля за окружающим пространством.

Патагеныч и не таился, шел не спеша, громко, по обыкновению, сопел. Присел у костра, снял рюкзак. Больше во исполнение ритуала, чем подозревая его в перерождении – его зрачки реагировали на свет костра – я спросил:

– Если долго мучаться? – на что радостно услышал в ответ:

– Из твоего кала получится птенец в яйце.

Ну как было не хлебнуть по большому глотку спирта из фляг за такое дело, пусть даже, по обыкновению, молча и без тоста...

Кратко рассказав, что, не имея возможности сторожить меня, развалившегося после пары тумачков у лужи, он недолго думая втащил меня в нее, зная, что зомби никогда не войдут в воду, и, подложив мне под голову ранец и вколов через куртку антидот и стимулятор, двинулся на разведку по горячим следам, пока там, откуда пришли твари, не спохватились ведшего их контролёра.

Интересные новости он принёс. Всего в двух километрах отсюда находилась казавшаяся всем заброшенной, сплошь населённая аномалиями войсковая часть времен еще первой Катастрофы. Так вот, она таки не была

заброшена, и Патагеныч успел разглядеть в неверном свете луны и всполохов, что на территории кто-то двигался между корпусами, причем со стороны это было похоже на движение конвоируемых групп пленных. Следы атаковавших нас зомби вели к выходу из одного из полуразвалившихся снаружи строений части.

Там явно что-то было не то, и это не то как раз и интересовало штаб Объединённых сил и наше временное начальство. Однако что мы могли сделать вдвоём, на удалении в двенадцать километров от Периметра (что в обычном мире было ну никак не меньше ста двадцати), без связи и без боеприпасов? Пленение зомби – смешно. Пленение контролёра – нереально, мы просто пополнили бы ряды маршировавших трупиков.

Мы приняли решение, разойдясь, взять базу под наблюдение с разных сторон, а спустя сутки наблюдения отходить и через двое суток встретиться в условленном месте километрах в шести отсюда, на известной сталкерской тропе.

Сутки мы давали себе в запас на приключения и сбор артефактов в индивидуальном порядке, так сказать, не для отчета. Хабар все опытные разведчики закапывали в схроны на выходе и возвращались за ним отдельно. Зачем рисковать – бандитам или нечистоплотным военным могло стать известно об удачной ходке, и когда суммы гонораров измеряются сотнями тысяч, а то и миллионами долларов, риски и шутки неуместны. Тут лучше даже товарищам не знать, что в рюкзаке другого...

Так и поступив, мы разошлись занимать наблюдательные позиции. Не долго изобретая, благо что солнце уже готовилось пустить свои скупые и негреющие лучи сквозь вечный купол облаков над Зоной, я поступил по принципу «хочешь спрятать что-то – положи на видное место». Рассудив, что на Базе нет ни единого высокого строения, а контролёры, военные и научники по деревьям не лазают, я подобрался к небольшой возвышенности и устроил себе лёжку в складке местности, явно незаметной со стороны базы. Быстро соорудив из хвороста настил, я присыпал его срубленными неподалёку лапами мутировавших деревьев с разноцветной хвоей, раскрасил лицо маскировочными гелями и надел перчатки. Камуфлированный в тонах вечной осени Зоны костюм и так был прекрасной защитой. Удобно устроившись и прикрыв голову самой большой лапой, я вынул бинокль и начал наблюдение.

Рассвет явно подгонял ведущих ночной образ жизни жителей Базы. Удивительно проворные зомби несли куда-то какие-то приборы и свёртки, тюки и упаковки. Едва задумавшись об этом, я услышал рокот дизельного двигателя и увидел УАЗ, явно российского производства, но без знаков различия, тяжело подъезжавший по ухабистой тряской грунтовке к воротам Базы. Форма мужчин, выскочивших из джипа, была мне отдаленно знакомой – бааатеньки, так это же черные комбинезоны и шевроны клана Монолит, с легко узнаваемым круглым защитным шлемами и автоматами Абакан.

Откуда тут Монолит? Никто никогда не слышал, чтобы они выходили из Центра Зоны, где контролировали всю территорию вокруг ЧАЭС и даже часть Припяти... Еще одним неприятным открытием для меня явилось то, что зомби были все одеты в абсолютно одинаковые новые рабочие комбинезоны, и даже на лицо были очень и очень похожи друг на друга. Вот это фактики к размышлению, подумал я, представляя себя настоящим разведчиком в тылу злого и умного врага. Похоже, у них тут целая ферма этих выродков – но

чем-то же они их кормят? Внезапно одна из извлекаемых зомби упаковок упала и развалилась, и я сумел различить рассыпавшиеся по дороге розовые пакетики с пищевым концентратом. Вот и всё, понятно значит... Тут без военных точно не обошлось...

Дальше мне было не интересно. Побрызгав из небольшого баллончика сильным отпугивающим даже мутантов веществом с противно тухлым запахом, я снял автомат с предохранителя, положил рядом пару гранат и, накрывшись спальным мешком, сладко заснул без сновидений. Тренированный и уже почти полностью восстановившийся после приключений прошлой ночи мозг разбудил меня незадолго до заката солнца, который в Зоне скорее обозначал смену времени суток, чем разделял день и ночь. Осмотрев бегло окрестности и Базу, я не заметил никаких признаков наблюдателей или охраны и, дождавшись быстро опустившейся темноты, нырнул в вечерний туман.

Поиски артефактов в тумане по ночам стали для меня делом уже привычным, за полгода в Зоне я если не стал ветераном, то, по крайней мере, добился многих успехов и заслуженной репутации как у товарищей, так и у торговцев и военных.

В ту ночь я чуть не влетел в аномалию Электра и пару раз зафиксировал взрывы и всполохи неподалёку. Что бы то ни было, но оно за мной не охотилось – а если и охотилось, то уже погибло. В тумане было плохо видно мне, но главное – мутанты и зверьё не так хорошо чужали запахи, а вот артефакты, наоборот, светились как маленькие светлячки, да и аномалии проявляли себя намного ярче – та же Воронка, например, собирала вокруг себя небольшой живописный хоровод в виде мутного облачка вращающихся частиц воды и пыли, и клубы пара тумана на её границе резко закручивались к земле. Описать это зрелище я даже не пытаюсь.

Аномалия Карусель красиво кружила небольшие толстоногие вихри, границы которых было видно издалека, а Электра светилась в тумане, как облачко из крохотных голубых и оранжевых искорок...

Иногда в свете всполохов облаков Центра Зоны виднелась неверная тень, бредущая или шарахающаяся в складках местности, и эти тени как раз и становились катализаторами взрывов и разрядов на перенасыщенных аномальной энергией участках земли – и аномалия провожала разлетающиеся в разные стороны клочья существа яркой вспышкой и оглушительным хлопком.

Выныривая периодически из покрытой туманным одеялом низины, я осторожно, прижавшись к деревьям, чтобы не светить силуэт, осматривал местность на предмет обнаружения небольших источников свечения, пытаюсь угадать, что же за артефакт светится в очередном овражке.

Зона, на сколько хватало видимости, была погружена в обычную ночную жизнь. Откуда-то издалека слышались выстрелы, даже пару раз ухнула граната, над лагерем научников на горизонте регулярно взлетали осветительные ракеты, да и у Периметра, от которого я был не так далеко, виднелись всполохи ракет.

Вдалеке над ЧАЭС всполохи молний иногда били прямо в землю, но грохот не всегда был громким и раскатистым – и все эти звуки были привычны и не нарушали удивительной гармоничности этих инопланетных видов. Я поневоле с горечью вспомнил финальные кадры старинного уже, но очень доброго и красивого фильма по произведению Ремарка «На Западном фронте без перемен», где переживший все кошмары мировой войны немецкий солдат так увлёкся рисованием птички, безмятежно выводившей весенние трели совсем

рядом с искорёженной разрывами и укреплениями землёй на фронтовой передовой, что высунулся из окопа и погиб от пули неприятельского снайпера – всего за несколько дней до окончания войны...

Треск и вспышки разрывных пуль примерно в километре от меня в сторону Центра как топором разрубили благолепие и внутренний покой. Мир мгновенно наполнился угрозами и наэлектризованным острым запахом смерти.

М-1 Патагеныча захлёбывалась стрельбой, вспышки разрывов его пуль виднелись в самых разных направлениях. Никак мой друг подвергся нападению стаи тварей, наверняка псевдопсов – в их стиле было окружить добычу и нападать одновременно со всех сторон.

Помочь ему огнем с такого расстояния я не мог, а преодолеть целый километр в Зоне с ее многочисленными аномалиями – дело непростое, можно в мгновение ока из спешащего на помощь другу героя превратиться в несортовой набор кусков мяса или большой и сморщенный шашлык.

Тем не менее, я поднял автомат вверх и дал две короткие, по два патрона, очереди, уведомляя товарища о том что заметил его бой и спешу на помощь. В нескольких сотнях метров дальше меня раздалось еще два по два выстрела, и кто бы это ни был – любой помощник сейчас был бы кстати.

На базе, возможно, также заметили происходящее и наверняка насторожились – надо поосмотрительнее с той стороны, мелькнуло у меня в голове, кровь в висках стучала пульсом от быстрой ходьбы по опасной территории и в преддверии жестокой схватки со стаей кровожадных мутантов.

Я шел на выстрелы Патагеныча, которые то одиночно щелкали, то лились потоком, прерываясь на несколько секунд, когда он перезаряжал магазин винтовки. Дело явно было плохо, но он держался.

Мне оставалось перейти небольшую низину и пересечь пролесок, за которым отбивался Патагеныч, но неожиданно на еле видной в тумане тропе передо мной показались две крупные тени. Псевдособаки, лишённые как таковых глаз, прекрасно ориентировались в любое время суток, и считалось, что они видят гипертрофированно развитым «третьим глазом». Нюх у них также был на высоте, и двое здоровенных псов-разведчиков явно решили полакомиться мной, не делясь со стаей. Не издав ни единого звука, бесшумно, как в кошмаре, они одновременно рванули ко мне, ощерив большущие клыки. Присев на колени, я двумя короткими очередями разрывных пуль превратил их в скулящих и рычащих, захлёбывающихся кровью в агонии тварей.

Я смело перешёл на бег – было очевидно что мутанты бежали ко мне по этой тропе, значит, аномалий на ней не было.

На выходе из пролеска я увидел интересную картину: на небольшой поляне на возвышенности сидел огромный силуэт чернобыльского пса – очень похожего на крупную черную собаку мутанта с развитыми телепатическими способностями. Псевдопсы, не отличавшиеся интеллектом выродки Зоны, легко и с радостью принимали Чернобыльских псов в свою стаю на роль вожака, безропотно покоряясь силе его мыслительных директив.

Сейчас вожак, задрал голову к небу, вынюхивал что-то в той стороне где, по идее, находился Патагеныч.

Я мог бы одной длинной очередью завалить мерзкую тварь, но побоялся, что на той стороне может под очередь попасть Патагеныч, и решил зайти к псу со стороны. Не оглядываясь, пёс, который, очевидно, контролировал обстановку и вокруг себя, послал ко мне несколько здоровенных самцов, расстреливая

которых, я потратил целый магазин. Пока я перезаряжался, он куда-то исчез, зато радостно проявил себя несколькими одиночными выстрелами Патагеныч.

Теперь, зная координаты друг друга, мы не были скованы в тактике боя, и я смело побежал к тому месту, где сидел жоак. Ему некуда деваться, мелькнула мысль – чтобы управлять стаей, он в силу небезызвестного собачьего закона, должен быть всегда «на высоте», обозревая местность и будучи доступен мысленному взору других тварей. Значит, он где-то там, и есть один надёжный способ узнать – где.

Не останавливаясь, я выхватил моё любимое, необычайно эффективное оружие – гранату-огнемёт с начинкой типа напалм. Не выпуская магазин шмайссера из левой руки, я правой поднес гранату к лицу и, сорвав зубами кольцо, со всего маху бросил её на поляну.

Громкий хлопок и сноп искр и капелек поражающего вещества разлетелись красивым салютом по поляне, высветив целую свору затаившихся в мелком кустарнике тварей – а ведь если бы у них были глаза, а не вечно полные гноя рудиментарные слепые щёлки на их месте, я бы их давно заметил – вскользь проскочила мысль. И в ту же секунду относительную тишину разорвал оглушительный вой, поднятый прожигаемыми напалмом, насквозь ранеными гранатой тварями. Тени заметались по подсвеченной искрами горящего напалма поляне, твари наступали на них лапами и зывали ещё более истошно и жалобно, часть – те которых гранатой накрыло посильнее – уже хрипели, испуская дух, прожженные насквозь во многих местах. В воздухе повис вонючий дым и стойкий запах палёного мяса. Стрельба со стороны Патагеныча стала реже, и я поспешил через кусты вправо, чтобы обежать поляну, ставшую для целой стаи мутантов-людоедов братской могилой. Пристрелив на ходу пару недобитков, я прорвался через кусты и выскочил на опушку, где на большом, с меня высотой камне сидел в напряжённой позе Патагеныч и, выцеливая, подстреливал кружащих вокруг камня тварей одиночными.

Завидев меня, твари переключились, обернулись и стали подбираться, но добить их вдвоём нам труда не составило – было очевидно, что их жоак либо погиб при взрыве боеприпаса, либо позорно бежал.

Не обращая внимание на скулеж и рык умирающих тварей, Патагеныч устало слез с камня и, не обращая на меня никакого внимания, потрусил к прогалине, на которой в светлеющем от рассвета тумане что-то светилось. Не желая ему мешать – вдруг всё таки его не столько увлёт артефакт, сколь желание сменить изгаженные со страху подштанники, кто же его знает? – я занялся снаряжением опустевших магазинов, осматривая местность на предмет обнаружения недобитков. Да и атрефактом тут можно было разжиться – Патагеныч был не тот человек, кто зря пойдёт на полянку. Он давно жил в Зоне и знал много «рыбных мест». Дружба – дружбой, но денежки врозь, таков Закон Зоны.

Занятый мыслями и снаряжением рожков, я не заметил приближавшегося третьего фигуранта этих ночных событий, мысль о котором ушла на задний план под влиянием адреналина и азарта боя.

Сталкер явно был хорошо экипирован и снаряжён, но подходил, поднося вверх ствол автомата, демонстрируя мирные намерения. В неверном сумеречном освещении рассвета, он выглядел мощным и монументальным, его камуфлированный костюм с бронепластинами, отлично подогнанная разгрузка, НАТОвский шлем и высокий рюкзак выдавали в нем бывшего странника Зоны.

Не дойдя до меня шагов двадцать, сталкер закинул автомат на ремне за плечо, присел на землю около дергающейся в конвульсиях подстреленной твари, и, спокойно достав сигарету из кармана разгрузки, прикурил.

Свет зажигалки, озаривший на минуту его суровое лицо, не оставил у меня сомнений в его личности. Это мог быть только Хемуль собственной персоной.

Зная его по жизни на Периметре, я ни разу не встречался с ним в Зоне, но понимал, что мирные и дружелюбные за Периметром, сталкеры часто перевоплощались в суровых и безжалостных людей под влиянием обстоятельств, которые тут менялись ежеминутно.

Из тумана вынырнул силуэт Патагеныча. Он не подал вида, что заметил сталкера, устало и неторопливо подошел ко мне и наконец скинул на землю явно натрудивший плечи рюкзак. Сильно воняли обгорелые трупы собак, и к этому запаху добавлялась вонючая копоть догоравших после непереносимого жара напалма сухих кустов и мха.

Я сделал лучшее, что мог сделать в такой момент – скинул рюкзак, и, отстегнув крепление боевого шлема, положил его на траву перед собой, и вынул из бокового кармана рюкзака пластиковую баклажку со спиртом. Налив в большую, явно грамм на сто пробку, я молча протянул её в сторону Хемуля.

Он затоптал окурок, подошёл, отстегнул фляжку, и отвинтив крышку залпом влил в себя горючую жидкость, слабо крякнув. И тут же обильно запил водой из фляги.

Я снова налил подошедшему уже Патагенычу, и тот, смешно шевеля бородой, придавленной креплением каски и потому торчавшей вперед и помятой, залпом выпил, и, приняв флягу у Хемуля, шумно и обильно запил. Налив себе, я запил коротким глотком и передернулся – так крепок и заборист был Бульбашев спирт. Но – хорош, не придерешься. Подышали.

Костерчик весело потрескивал полусырыми хворостинами, но в низине, где мы молча единогласно решили встать лагерем, было не очень мокро. Туман рассеялся и взошедшее, пробивавшееся сквозь кружащиеся над Зоной облака солнце немного даже грело, что в этих суровых местах было явлением редким и радостным. Зима заканчивалась, если конечно можно было назвать зимой тот период легких заморозков, который иногда сменял вечную осень Зоны.

Раскинув в низине у костерка на свежесрубленных стволах осин – дрынах – кусок брезента, мы расстелили под ним спальники, развесив над кострищем промокшие от пота носки, и с молчаливого согласия Хемуля отдались такому важному и нужному делу, как короткий сталкерский сон.

Я проснулся мгновенно – Хемуль молча кивнул на Патагеныча, так и не снявшего шлем и лежавшего поверх расстёгнутого мешка огромной тушей, с топорщащейся вверх из-под крепежа подшлемника бородой. Хемуль так же молча завалился в свой мешок и мгновенно, как мне показалось, вырубился.

Была моя очередь дежурить, бодро и ответственно, и, быстро натянув мои любимые отменные рыбацкие сапоги, взведя затвор шмайссера и натянув на шлем капюшон куртки, я вылез из-под покрова брезента под мелкие холодные капли вечного дождя. Пара очередей по неосторожно пошевелившимся в кустах тварям ребят не разбудила, и дежурство моё прошло легко и бодро, благо что особую бодрость придавали мне воспоминания о такой жаркой и страстно желанной Айде, которая кротко ждала меня после каждого похода в Зону. В Зону, ставшую моим домом...

Бармены, в первую очередь Бульба, к которому, несмотря на его

прижимистость, я всегда приносил лучшие находки, давно уже не смотрели на меня как на новичка, ведь пару раз я умудрился даже принести «Душу», артефакт крайне редкий и баснословно дорогой.

Много артефактов я сдавал «научникам» – учёным, работавшим в Зоне. Платили поменьше – зато не надо было далеко ходить. Их лагеря стояли открыто, были тщательно огорожены и охранялись специальными подразделениями военных, умело и решительно уничтожавших любое подозрительное приближающееся существо из крупнокалиберных винтовок и пулемётов.

У научных можно было разжиться свежими продуктами, качественными сухпайками и патронами, оружие они не продавали и не выменивали. Впрочем, как видно из моего короткого повествования, найти в Зоне оружие не составляло особого труда. Главное тут – не погибнуть в аномалии, не попасть на обед к мутантам, не наглотаться ядовитой жидкости и не попасть сильно под радиацию. Пули бандитов, бойцов группировок и просто шального зомби также не надо игнорировать – а в целом тут жить можно, и гораздо интереснее, чем в большом городе...

Военные слово сдержали. Базу, которую мы с Патагенычем вычислили, они зачистили под корень, оборудование вывезли, а нам выдали разрешения на пребывание в Зоне, одно из которых я тут же презентовал моей красотке Айде.

Наши с ней отношения стабилизировались, и хоть я уже пару месяцев как прикупил себе новый домик, с бетонным подвалом-хранилищем и всего в пятидесяти метрах от Бара, она не спешила ко мне переезжать из своего хоть и надёжного и безопасного, но всё-таки мрачного жилища. Я старался не лезть к ней с вопросами и предложениями, и, вернувшись из очередной ходки, если позволяло здоровье, сидел вечером в баре, наслаждаясь её роскошными формами на фоне рядов разноцветных бутылок, грацией и самозабвенным исполнением жутко возбуждающих меня танцев. Но каждое утро я покидал нашу постель и неизменно уходил в лес упражняться, и отсыпался потом днём в своей хижине. Она частенько приходила ко мне еще до моего возвращения из леса, и, вдоволь нафыркавшись в душе в пристройке и растираясь большим и грубым хлопчатобумажным полотенцем-простынёй, я с наслаждением поедал её роскошный борщ и по два-три раза просил добавки.

Жизнь в Приграничье у Периметра была тихой и однообразной, а выстрелы сталкеров, охотящихся в зимнем уже, но почти без снега лесу, никак не портили благодного настроения.

Зима в Зоне почти не отличалась от осени, разве что часто морозящий дождик иногда сменялся мокрым снегом, и по утрам подмерзали лужи.

Тут, у Периметра, парниковый эффект был не так силён и сквозь вечные облака частенько прорывалось солнце.

Вести с Большой земли приходили редко, ни телевизор, ни радио никто не слушал, и основными источниками информации были всё знающий Бульба, иногда выходявший в зал посудачить с бывальными сталкерами, да сами сталкеры, пришедшие кто из Зоны, а кто и просто из соседних поселений.

Круг тем был ограничен фауной, флорой, аномалиями и хабаром, частенько обсуждали гибель или исчезновение без вести кого-то из ребят – впрочем, к смерти тут относились философски и, молча хлебнув водки в память о погибшем – если он того заслуживал конечно – переходили на другие темы.

Одной из таких тем стал Патагеныч. И именно в тот знаменательный день,

когда, оджежурив положенные пару часов, я попытался его разбудить.

Патагеныч не подавал даже надежду на пробуждение, его борода равномерно, в такт дыханию, поднималась и опускалась. Он даже не среагировал на зажатый нос, его грудная клетка начала судорожно вздыматься как у человека которого душат, я мгновенно отпустил его, поняв наконец, что с ним явно не всё в порядке.

Проснувшийся от возни Хемуль выразительно глянул на меня и полез в карманы разгрузки нашего товарища. Из одного из подсумков он извлек дающий мягкое свечение артефакт, который Патагеныч то ли по халатности, то ли по незнанию попросту не запрятал в контейнер.

Артефакт был с кулак величиной, неправильной формы – скорее похожий на прозрачную стеклянную картофелину, и светился нежным, голубым светом.

Ни мне, ни Хемулю такой видеть не доводилось, описания и фотографий подобного мы не нашли в наших ПДА. Утро неумолимо наступало, туман рассеивался, и надо было уходить – Хемуль, целей которого я не знал, засобирался. На мой вопрос о планах он коротко ответил, что намерен продолжить путь, с которого сошел, чтобы помочь нам с Патагенычем отбиться от стаи псевдособак.

По обычаю, сталкер, пришедший на помощь другому, должен был быть отблагодарен, и я честно рассчитывал получить от Патагеныча заслуженную бутылку дорогущей, чистой как слеза и очищенной молоком водки.

Хемуль же к месту боя подошел поздно, и был доволен тем, что смог расслабиться и поспать не дергаясь на каждый шорох – сон в Зоне был большим деликатесом.

Однако мы с ним оба попали в неловкое положение. Наш друг спал глубоким, беспробудным сном, и никакой возможности добудиться его не было. Оставаться в непосредственной близости от базы клонов, управляемых Монолитовцами, было смерти подобно, и мы полезли копаться в картах наших ПДА, чтобы найти ближайшую лечебницу или хоть какой-нибудь приют.

Вообще, не смотря на расхожее убеждение, Зона была весьма густонаселенным краем. Огромное количество искателей приключений всех мастей заселяли её, благо вопрос питания решался тут весьма легко – мутировавших тварей всех видов и мастей было много, и если не бояться схватить лишку радиации, пятна которой тут были на каждом шагу, то есть его было возможно. Особенно вкусными были мутировавшие крысы-тушканы, очень похожие на тушканов обычных, но крупнее, и обладавшие явно крысиным общественным разумом, и мясо удивительного мутанта – псевдоплоти. Эта тварь, нечто вроде свиньи с клешнями, была удивительно трусливой и с готовностью удирала от любой опасности со всех ног, но была страшна в бешенстве, когда, подлетая, накидывалась всем своим двухсоткилограммовым весом на раненого сталкера или охотника и, сбивая с ног, разрывала даже кевларовый комбинезон с бронепанелями своими передними лапами, похожими на клещи с их очень прочной и острой на зубцах костной тканью. А могла и вцепиться, подобно собаке, своими мощными зубами.

Гречневую крупу и кукурузную муку в Зоне купить проблем не составляло, потому вечерами по всем оврагам сталкеры-бродяги и патрульные подразделения кланов жгли костры и готовили пищу, не особо таясь – если были уверены в безопасности, не поленившись поставить вокруг лагеря

растяжки от мутантов и выставив часового.

Многочисленные, кое-где разрушенные, а кое-где и прismoтренные хозяевами здания также служили местом отдыха и отсижки во время Выбросов, было несколько Баров с отелями при них, и даже просто Домов, в которых, как правило, решивший закончить в Зоне местный житель – успешный сталкер заработавший хороший капитал и купивший строение у предшественника – собирал вокруг себя людей, попавших в Зону, как правило, вынужденно – бомжей, беглых преступников, бывших алкоголиков, проституток и другой разношерстный люд, который за кров и стол работал на хозяина и верой и правдой сражался за свой Дом, отбиваясь от мутантов, зомби и бандитов.

Вообще, я как-то сразу понял, что люди в Зоне делятся на два типа – тех, кто может по ней ходить, и тех, кто не может. В цивилизованном мире так различаются люди, способные водить автомобиль, и панически вождения боящиеся.

Среди вторых мне иногда попадались и бывшие сталкеры, люди, как правило, с надломленной психикой, которым в силу пережитых в какой-то момент жизни тяжелых испытаний не удавалось найти в себе волю и преодолеть поселившийся в потайных глубинах сознания страх перед Зоной. Из таких получались хорошие бойцы-охранники, которые были у хозяев на особом счету и пользовались у сталкеров уважением. Прочий же люд считался тут бессловесной скотиной – и в этом жестоком мире, жители которого признавали только силу, их судьба часто висела на волоске. Достаточно было хозяину Дома или Бара просто не впустить допустившего серьезную оплошность работничка в подвал во время Выброса, или просто запретить его кормить, как тому светила в лучшем случае быстрая смерть от мутантов, радостно скакавших по территории после Выброса и изгоняемых оружием, а в худшем – бродить бесследно с выжженными мозгами – Выброс не щадил тут никого, не успевшего скрыться...

Болезни были в Зоне мало распространены. В первую очередь, закалённый и живучий народ тут постоянно принимал всевозможные лекарства, антидоты и антибиотики, а также пил много крепкого спиртного – для вывода радиации из организма. Печень не особо жалели – смерть тут была на каждом шагу, и даже прожить несколько лет считалось большой радостью, о будущем же не задумывался никто – всеобщая мечта разбогатеть и выбраться на Большую землю, купить дом у моря в Крыму или на Кипре и доживать счастливо, была недостижимой мечтой, которую никому не удалось осуществить.

Лечиться в Зоне приходилось всем и часто, кому от ран, а кому и от травм, нанесенных аномалиями, и сейчас нам предстояло найти ближайшую точку, где мы могли бы оставить Патагеныча и передать его в надежные руки местного лекаря – причем из-за необязательного тут медицинского образования, главным были результаты лечения – их называли алказетцерами. Исключением, пожалуй, являлся легендарный Болотный Доктор – но жил он в глубине Зоны, куда я пока не захаживал, потому сказать о нем не могу.

Выбрав хутор Викария примерно в восьми километрах от нас, мы еще раз предприняли безуспешную попытку разбудить нашего друга, но он только смешно шевелил бородой и что-то чавкал подсохшими губами – Хемуль, поняв, что спящий в летаргии друг хочет пить, увлажнял его губы мокрым платком.

Пришлось соорудить из искривленных Выбросами осиновых дрынов и куска брезента подобие носилок, на которые мы с трудом взвалили огромную тушу Патагеныча, и, подвесив его огромный рюкзак между задними ручками,

потасили его по проложенному маршруту. Как минимум один день был для нас потерян, но бросить друга в такой беде было делом немыслимым, и Хемуль, хоть и не скрывавший своего нетерпения и волнения по поводу задержки, стиснув зубы, усердно тащил носилки.

В свете сложных обстоятельств, мы выбрали не самый лучший путь – растрескавшуюся асфальтовую дорогу, которая, проходя по полю и лесу на Юго-Запад, должна была привести нас к заброшенной автобусной остановке, от которой до хутора было топать примерно с километр – расстояние смешное в обычной жизни, но весьма и весьма немалое в насыщенных аномалиями складках местности Зоны. Кроме того, идя открыто с тяжёлым грузом, мы рисковали попасть в прицел любой банды грабителей-мародёров или стать жертвой свежего зомби-сталкера или военного.

Выбора не было, дело шло неплохо, мы уверенно обходили аномальные участки дороги и без приключений донесли друга до нужной остановки, а от нее, свернув на широкую протоптанную тропу, дошли до хутора.

Хутор, первоначального названия которого никто и не помнил, назывался хутором Викария в честь старого сталкера, в незапамятные времена – а может и даже до второго Взрыва – поселившегося в заброшенном строении. В подвалах можно было переждать Выброс, близость к дороге и небольшая удалённость от Приграничья гарантировала высокую проходимость этого места, и Викарий, завязав с бродяжничеством по Зоне, организовал тут небольшой приют для усталых и раненых странников. Медицинское обслуживание осуществляла здоровенная толстая негритянка Машка, женщина бальзаковского возраста, невесть как попавшая в эти края. Впрочем, уплетая её вкусный борщ с подозрительно здоровенными кусками мяса, безусловно выросшими на боках мутанта в леске неподалёку, я подумал, как же много самого разного люда приютила Зона.

К примеру, нас встречали двое здоровенных грузин, явно братьев, мужиков средних лет, с седой обильной щетиной и мощным амбре от одной Зоне известно где взятого вина. Они ловко и заботливо подхватили у нас носилки, и старый, сморщенный Викарий, своей круглой лысиной и мешковатым одеянием похожий на католического монаха времен средневековья, расспросив нас и получив гарантии оплаты лечения в виде задатка – пачки в десять тысяч долларов (а как вы думаете, лечение в Зоне было и остаётся самым дорогим на планете), налил нам по небольшому стакану мутного местного самогона, налил и себе, и, коротко рявкнув: «Будем», выпил и велел Машке «нести жрать».

Свобода

Я много повидал в Зоне за первые месяцы сталкерской, бродячей, полной приключений жизни. Много повидал опасностей, поучаствовал в столкновениях с мутантами и людьми, пару раз был травмирован аномалиями. Оглядываясь назад, я понимаю, что волею Зоны я всего лишь проходил своеобразный «учебный курс» перед тем, что предстояло впереди...

Определив в небольшую келью в подвале – обычный «номер» этого отеля всего за пятьсот зелёных, включая трёхразовое питание – хозяин дал нам отоспаться после изнурившего нас с Хемулем марша с тяжеленным Патагением и его не менее тяжеленным рюкзаком на руках. Сумерки уже переходили в

ночь, когда нас разбудил какой-то бомжовского вида тип, однако воняющий не очень сильно – очевидно местный работник – и коротко пригласил к хозяину.

За столом Викария сидели двое мрачных мужиков, видно было, что они только пришли с непростого марша и были усталы и очень злы. Мне и раньше доводилось видеть «должников» – бойцов клана Долг, но сидеть с ними вот так за одним столом не приходилось. Впрочем, меня нисколько не волновала их философия, вкратце сводящаяся к тому, что Зона есть гнойное пятно на лице Земли и что она подлежит скорейшему и безусловному уничтожению, начиная со всех её обитателей. Мутантов они убивали радостно и густо, не жалея патронов, которые им в огромном количестве поставляли военные украинского и российского секторов. Найденные артефакты они сдавали учёным по низким расценкам, а чаще по бартеру. Группировка вела перманентные войны с кланами Тёмных – сталкеров, мутации которых уже невозможно было скрыть и которые жили в Тёмной долине, стараясь даже не приближаться к Периметру – за ним им ничего, кроме мучительной смерти, не светило, и Монолитом, сектантами-фанатиками, великолепно оснащёнными невесть откуда взявшейся самой современной техникой и снарягой, в основном НАТОвского производства, и рьяно охранявшими территорию вокруг ЧАЭС. Удивляться богатству группировки не приходилось – именно в Центре Зоны после выбросов аномалии плодились гуще всего, и чаще и мощнее разражались сгустками энергии на сталкеров, зомби, людей и мутантов, а то и просто друг от друга, порождая в большом количестве самые мощные и ценные артефакты. Монолитовцы и их рабы, состоящие в основном из скованных ошейниками с минами с дистанционным управлением пленных сталкеров и прочего зоновского люда, собирали артефакты в огромном количестве, что, очевидно, и являлось источником их благополучия. Их доходы были столь велики, что на вооружении у них стояли даже гаусс-винтовки, сверхмощное и ультрасовременное оружие американского производства.

Не обходилось без столкновений и с кланом Свобода, однако открытой войны не было уже пару лет, и складывалось впечатление, что кланы даже готовы смириться с существованием друг друга.

Первой заговорила Машка – в свете керосиновых ламп и свечей, освещавших трапезный зал нашего «отеля», белки её глаз белели на фоне чёрного лица особенно нереально. Она говорила по-русски с явным украинским акцентом, видимо много лет прожила где-то в Западной Украине до того как какой-то чёрт занёс её сюда. Она рассказала кратко, что, не сумев диагностировать недуг Патагеныча сама, она отправила сообщение Болотному Доктору. Связь в сталкерской сети была крайне нестабильна, я вообще пользовался ПДА только как хранилищем карт, иногда почитывая ленты новостей. Однако лекари, торговцы и шаманы пользовались ею активно, и общественность Зоны постоянно была в курсе последних событий. Доктор сообщил, что, возможно, Патагеныч пал жертвой редчайшего артефакта – голубой слезы, внешне почти неприметного светящегося камешка, способного отправлять человека в глубокий сон, а при совокупном воздействии с несколькими другими артефактами – вообще погружать человека в полный анабиоз. За артефактом стояли длинные очереди заявок научников, и цена ему была... Я это опуцу, хотя глаза вроде бы бескорыстных бойцов Долга нескрываяемо округлились.

Пробудить человека мог артефакт «слеза», который также был большой

редкостью. Ни Хемуль, ни я не подозревали, где можно добыть такой. Машка показала на молча и хмуро сидевших за столом «Должников» и предложила слово старшему – седому мужику лет за пятьдесят, с колючим взглядом, вислыми седыми усами и грубым, изрезанным морщинами и шрамами, мужественным лицом.

Тот, представившись коротко – капитан Овечко – коротко, в стиле военного доклада, изложил историю их долгого пути. По его словам, они пришли с Севера, из батальона полевого командира Василя Ременяко, называемого гордо полковником. Про Василя слышали все присутствующие, поэтому рассказывать об ушедшем в Зону по убеждениям (его сына, служившего срочную в белорусском контингенте, задрал кровосос – и отцу довелось лично похоронить сына в родном Витебске) полковнике белорусского контингента смысла нет. Этот человек не знал жалости и пощады ко всем и всему, что носило отпечаток Зоны.

Им была поставлена задача получить у представителей группировки Свобода тот самый артефакт – «слезу» – и доставить его в контейнере на базу научных в двенадцати километрах к северу отсюда – якобы там на этот предмет были какие-то особые бартерные соглашения. Капитан не стал лукавить, сообщив, что артефакт был ценой обмена на девятерых пленных бойцов и руководителей Северного департамента клана Свобода, удерживаемых в плену Долгом в качестве заложников на случай новых нападений клана.

Все прекрасно знали, что Свободовцы исповедовали прямо противоположную идеям Долга философию, считая, что Зона – воплощение понятия Свободы на этой земле, не утруждали себя моралью и обязательствами, обильно употребляли наркотики, которыми также усердно и торговали. Не смотря на разгильдяйство, Свободовцы имели большую популярность среди обитателей Зоны, так как наркотики тут были весьма распространены, а по слухам, в тайных лабораториях Свободовцев они и производились – причем не из растительного сырья, как большинство наркоты на Большой Земле, а из веществ, умело подвергнутых действию артефактов.

Наркотики не только держали Свободовцев в постоянной эйфории, но при умелом применении значительно обостряли их реакцию, скорость и выносливость, придавая этим безалаберным по сути людям свойства бойцов специальных подразделений, что вкупе с полным презрением к смерти – они даже своих раненых добивали на месте большой дозой наркоты – делало их крайне опасным врагом.

Однако всё пошло наперекосяк – командир группы свободовцев, пришедшей им на встречу, отказался отдавать артефакт, и, перейдя на оскорбления, потребовал сначала предъявить доказательства освобождения их товарищей. Доказательств не было, да и сама постановка под сомнение порядочности бойцов Долга была нестерпимо оскорбительной. Нервы одного из бойцов квадрата – боевой единицы из четырёх бойцов – не выдержали, и он резко поправил на плече автомат. Находившимся под воздействием наркотиков Свободовцам этого оказалось достаточно, и двое из них молниеносно изрешетили бойца из М-16.

Еще один боец остался раненым в кустах, прикрывая отступление отходивших товарищей. Они же, отступив, и не думали бежать, и, сделав окружающий манёвр, догнали группу противника, в которой насчитали без малого двенадцать бойцов. Те в спешке отходили, явно не в направлении их

штаб-квартиры, и должники, решив подождать с мстью, наскоро похоронив погибшего товарища, пошли на большом расстоянии, несколько в стороне, опасаясь растяжек и сюрпризов, которыми они сами точно бы нашпиговали тропу отступления. Однако они опасались зря – свободовцы полагаясь на численный перевес и наркотики, не озаботились даже маскировкой и открыто вышли к небольшой базе, явно не так давно построенной и недавно покинутой учеными или военными.

Информацию о базе раздобыть они не смогли, и в поисках возможности найти помощь пришли в Дом. Их предложение было простым и категоричным – участие моё и Хемуля в операции по освобождению их пленного товарища. За это они давали нам «артефакт» на нужды излечения нашего друга. Принесут ли они на базу драгоценный артефакт или нет, для них большого значения не имело – в Долге девиз «Погибай, но товарища выручай» был не пустым звуком.

Переглянувшись с Хемулем, я кивнул в знак согласия. Для меня эта операция не сулила ничего хорошего, задание военных, с которым я шёл в Зону, выполнено, несколько дорогих артефактов спокойно лежали в контейнерах в моём рюкзаке. Айда, по которой я уже успел соскучиться, ждала меня всего-то в двенадцати километрах пути на север и северо-восток по Зоне, и в паре километров прогулки за периметром.

Там, в бункере, нас ждала смерть от рук умелых в стрельбе, накачанных наркотой суперменов – анархистов, ни секунды не боящихся смерти. Кроме того, если Свобода узнает, кто на нее напал, они минимум год будут вынашивать планы мести и ориентировать своих бойцов завалить меня при первой же возможности – чтобы другим неповадно было. А ведь узнают, сволочи...

Патагенч никогда не расплатится со мной, даже если дело пройдет успешно, подумал я мельком и устыдился. Если бы ему предстоял такой же выбор – интересно, что подумал бы он, прежде чем согласиться?

Хемуль думал дольше. Было очевидно, что он куда-то торопится – ну или торопился до того, как мы попали в эту сложную ситуацию. Очевидно, его миссия еще и не началась, и идти на смертельный риск ради дела с сомнительным концом было ему совсем не по душе.

– Где гарантии, что артефакт там, и мы найдем его, а если да – что вы отдадите его нам, и он поможет нашему брату? – холодно спросил он, глядя в глаза Капитану.

– Слово, – коротко ответил Капитан. – И пожизненное содержание и лечение вашего друга за счет клана, если кто-нибудь из вас будет убит, либо артефакт не подействует. Вы в любом случае достигните вашей цели в этой операции.

Мы посмотрели на Викария, ожидая его реакции на столь смелое, но без сомнений подлежащее полному исполнению обещание. Фактически, Капитан предлагал нам кровью оплатить лечение и эвакуацию Долгом Патагенча. Сделка, что называется, на миллион долларов – если не больше. Это была достойная цена нашей крови.

– И всё захваченное у Свободы в этом деле – ваше, – долил в чашу весов против чаши нашего сомнения Капитан. От таких предложений в Зоне не отказываются...

Планирование операции не заняло много времени. Купив у Викария автоматы Калашникова – невесть как сохранившиеся у него почти не

изношенные АК-47 с двойным боекомплектом «семёры» – и по десятку гранат РГ-42 производства еще шестидесятых годов прошлого века, но отлично сохранившихся, и нацепив поверх сталкерских комбинезонов с керамическими броневставками безликие маскхалаты без знаков различия – мы решили «работать под бандюг» – отоспавшись до рассветных сумерек, мы отправились к секретной базе Свободы сквозь густой как молоко предрассветный туман. Шли с большой осторожностью, но группе опытных Ходаков не составляло проблемы пройти несколько километров практически налегке – всю снарягу мы оставили весьма довольным нашим решением Викарию: он ничего не проигрывал. Если бы мы погибли – всё досталось бы ему. Если бы мы победили – он избавлялся от весьма хлопотного соседства в виде отморожков Свободы, от которых кроме беды ждать ничего не приходилось.

База была тщательно замаскирована, и на поверхности земли, на небольшом пригорке, на опушке леса, со стороны противоположной Центру и не сильно подверженной действию Выбросов, располагался замаскированный под завал старых деревьев (которые невесть откуда тут взялись, но Зона логике не поддаётся) выступ входа.

Не найдя растяжек или мин, мы и так понимали что бронированную дверь «парадного входа» нам преодолеть не придётся – она явно была рассчитана на нечто более мощное, чем связка гранат или удары великана-псевдогиганта, кости одного из которых белели неподалёку.

Подобная база не могла быть построена без нескольких запасных выходов и вентиляционных отверстий, а также, возможно, канализационного стока. Научники любили комфорт.

Анализируя место, я пришёл к выводу, что строение базы скорее всего похоже в проекции на подводную лодку. Долговцы придерживались того же мнения. Следовательно, выходы должны были быть расположены где-то по краям пригорка, на этой же опушке, и, вполне возможно, совпадали с вентиляционными люками, которые беспечные Свободовцы скорее всего попросту заминировали от греха. Вентиляционный люк с правой стороны холма найти удалось уже через час, он представлял собой забранную прочной решёткой железобетонную шахту, закиданную стволами деревьев. Единственной проблемой этого входа были белые клочья аномального «жгучего пуха», угрожающе колышущиеся в восходящих потоках воздуха из шахты. Пуха было много, и рисковать, пытаясь проникнуть в шахту сквозь это жуткое порождение Зоны – то ли растение, то ли аномалию, а скорее симбиоз, выстреливающий в коснувшееся его косы живое существо миллионы острых колючих игл- спор – никому не хотелось. Мне раз довелось видеть сталкера, погибшего от пуха. Жуткое, должен сказать, зрелище – парень, видно, несколько дней полз по тропе, срывая с открытых участков тела прораставшие в его организме и вылезавшие наружу через естественные, а потом и пробиваемые отростками искусственные отверстия. Фантазия вам подскажет остальное...

Поиск канализационного стока был быстр и результативен – его и не маскировали, просто вывели широкий лоток вниз по склону холма и забрали решёткой. Проход казался чистым от аномалий и мин, по склизкому дну иногда вяло стекала неприятно пахнущая жидкость.

– Добро пожаловать к вратам этого рая, – бросил Капитан, но его напарник, до этого проронивший за все время только одно слово – собственное

имя или прозвище, кто их, нерусских, разберет! – Майшимус – решительно остановил Капитана и полез в люк.

Плана у нас не было. Если бы не надежда, что Долговец еще жив, мы попросту закидали бы бункер гранатами, и, перепугав его обитателей, выкурили бы их дымом. Но рисковать мы не могли и не хотели, и приготовились как один отправиться вслед за белокурый литовцем в вонючий проход.

От грустных мыслей о неминуемой смерти от мины в этой клоаке нас отвлек скрежет петель двери бункера. Не медля ни мгновения, мы что было ног бросились прятаться, рассредоточившись по опушке – благо кустов тут было немало и со стороны поляны, отражавшей выход, нас видно не было.

Гогочущий во всю глотку, явно уже «вмазавшийся» здоровенный свободовец в расстёгнутом комбинезоне и с М-16 на плече стволом книзу, выволоч елe передвигающего ноги пленного «долговца» и бросил на желтую, болезненную траву у своих ног. Вслед за ними вышли, потягиваясь и не особенно настороженно держа в руках штурмовые винтовки, еще двое отморожков. Они о чем-то весело ржали, так громко, что различить можно было даже с моей, самой дальней позиции.

Расклад с одной стороны упрощал дело, с другой – крайне усложнял. По идее, расстрелять этих «соколов» как куропаток и уволочь раненого товарища было бы для «долговцев» делом плёвым, и более того – наиболее логичным. Но в этом случае обретение артефакта нами автоматически отодвигалось на неопределённый срок, при этом на помощь со стороны Долга в лечении Патагеныча рассчитывать не приходилось – они просто оплатили бы нам издержки согласно обычаю, и всё.

Было очевидно, что Хемуль думает точно так же. Однако жизнь, как всегда, внесла свои коррективы.

Избитого, явно крайне слабого от ранения пленного детина приподнял за шиворот, и громко крикнул в сторону опушки:

– Смотрите, должники, млять – вы ведь здесь, вас не может не быть! Вот какая участь ждёт вас всех, твари! – Прокричав это, он резким движением взвалил раненого себе на плечо, спиной к нам, и мы увидели что низ комбинезона грубо срезан, и в утреннем свете пробивающегося из-под вечных облаков солнца видны ягодицы сталкера и бёдра – всё в черных потёках крови.

– Смотрите, вашу мать, пидеры, как получал удовлетворение ваш дружок, – проорал детина, держа пленника левой рукой на левом плече а правой рукой водя по направлению к кустам и изображая, как это делают дети, стрельбу из пистолета.

Двое подонков радостно ржали, держа, тем не менее, винтовки наперевес.

Не знаю до сих пор, что так сильно удержало долговцев от немедленной расправы – но, поорав, мерзавцы разочарованно отступили в бункер. Заморосил мелкий дождик и приглушил лязг затворов бронедвери.

Было очевидно, что нападения ждут – в глупости сталкеров Свободы уличить было трудно, наркотики расширяли их сознание. Однако ненависть, которой я ранее к ним не испытывал, поселилась в моём сердце навсегда. Ожидая, что предпримет Капитан – воин опытный и знакомый с повадками и тактикой боя всех кланов – я старался найти глазами позицию Хемуля, но через некоторое время понял – его тут просто нет!

Уйти он не мог – значит, воспользовавшись тем, что мы все были отвлечены наблюдением за детинами и их жертвой, он успел что-то

предпринять.

Никогда еще мне не встречался человек столь же ловкий и смелый, сколь напрочь отчаянный.

Глухой взрыв где-то совсем недалеко от железной двери и скрежет запоров через несколько секунд после него заставил меня рефлекторно сорваться с места в сторону входа в бункер. Из приоткрытой двери кто-то вывалился прямо мне под ноги, и ни дождь, ни вырывающийся из-за приоткрытой двери дым гранаты не помешали мне понять, что на руки мне оседает сам Хемуль, который умудрился незаметно как для нас, так и для подонков, стоявших у входа, скользнуть за их спинами в бункер и спрятавшись там, пропустить их. Брошенная им в коридор бункера граната не причинила вреда никому кроме него самого – в узком бетонном пространстве взрыв двухсот граммового заряда тротила бесследно пройти не мог. Хемуль пожертвовал собой, просто выиграв для нас время для начала штурма.

Ранее мне не приходилось участвовать в городских боях, да и вообще в перестрелках с людьми я как-то особо не участвовал, потому, не полагаясь на свой опыт, я оттащил потерявшего сознание Хемуля в сторону и дал дорогу должнику.

Капитан не заставил себя упрашивать, и через несколько секунд, спустившись на площадку лестницы, шедшей еще на пару пролётов вниз, на нижний этаж, в неверном свете аварийного освещения я увидел, как молниеносным движением явно не потерявший форму капитан ломает прикладом челюсть выскочившему в одних подштанниках бойцу, и, проходя мимо оседающего мычащего детины, лёгким движением сверху вниз от себя выбивает ему мозги. Я рванул в противоположную сторону коридора, пытаюсь угадать, куда же могли увести пленного должника. Пока в живых останется хоть одна из этих двуногих тварей, рассчитывать на то, что мы уйдём от мести клана, не приходится. Надо идти до конца...

Я не помню толком, что было дальше – от лошадиной дозы влившегося от страха в кровь адреналина я видел себя как бы со стороны. Виделось всё густой завесе дыма от разрывов гранат и пыли, взметнувшейся от осколков гранат и от пуль, выбивавших из бетонных стен большие неровные лунки. Уши почти заложило грохотом взрывов и выстрелов в узких коридорах, истошные крики страха и боли, злобно-отчаянная матерня и звон гильз на этом фоне даже толком не различались...

Молниеносными, точными движениями я открывал очередную железную дверь и выпускал очередь по метавшимся в панике или валявшимся в наркотическом трансе на армейских койках свободовцам. Многие из них, так и не успев прийти в себя, превращались в рваные трупы, мгновенно обмякая на лежаках...

В первые же секунды мне удалось застрелить троих, и добежав до конца коридора, я понял, что придётся вернуться и подсобить Капитану – он застрелял с каким-то проворным гадом, отстреливавшимся и явно пытавшимся выиграть время для того, чтобы его дружки-подонки с нижнего уровня могли очухаться и вкатить себе предназначенные для боя стимуляторы.

В узком пространстве незнакомой нам планировки, при численном перевесе и напичканные наркотиками, они быстро покончили бы с нами, не оставив ни малейшего шанса на отход.

У меня не оставалось выбора, кроме как броситься по лестнице вниз

навстречу судьбе.

Вытаскивая на ходу гранату, я, перехватив АК левой рукой, зубами вырвал чеку и швырнул ее в дверной проём нижнего уровня, в котором уже метались какие-то тени и слышались неразличимые мне из-за стрельбы этажом выше крики.

Я успел зажать уши и зажмуриться, падая на спину ногами к проёму, когда оглушительный хлопок и вспышка выдернули меня из нереала, и, почувствовав на лице осыпавшуюся с бетонного потолка крошку, выбитую осколками, я понял, что если и ранен, то не сильно, и разобраться можно будет потом. В воздухе было полно пыли, и через нее я не сразу различил на полу труп одного убитого взрывом и извивающегося рядом с ним второго свободовца, истошно что-то, видимо, оравшего разинутым, полным крови ртом – я всё равно ничего не слышал, да и было мне не до него. По мне кто-то нецельно шарахнул из винтовки, пуля, выбив в серой, в потёках бетонной стене слева от лица лунку и взвизгнув, защёлкала рикошетом. Я рефлекторно дал от живота длинную очередь – тень впереди меня дернулась и осела. Я присел на корточки перевести дух и сменить магазин – в АК 47, да еще без привычки, эта процедура отняла у меня несколько драгоценных секунд.

Подняв голову, еще взводя затвор автомата, я увидел, как в замедленной съемке, гранату, выкатывающуюся в коридор из-за приоткрытой двери. Граната была новая, натовская, слегка ребристая пластиковая поверхность матово отсвечивала в полумраке. У меня не было никаких шансов отскочить, тысячи шариковых осколков, спрятанные под декоративным корпусом этого маленького смертоносного яйца, все равно настигли бы меня рикошетом от стен...

Всё так же, словно в замедленной съемке, в неровном четырёхугольнике света напротив открытой внутрь одной из комнат двери, как к проёму приближается обмякшая, бесформенная тень, и вдруг из-за двери вывалился тот самый пленный сталкер, и единым усилием, не успевая перевернуться на живот, прямо голый поясницей бросился на гипнотизировавшую меня гранату. Хлопок прозвучал гулко, вспышка подбросила теперь уже наверняка окончательно мертвое тело спасшего меня парня, которое, изогнувшись дугой и подбросив ноги, мгновенно рухнуло безвольной тряпкой на пол коридора. Откуда-то, из-под быстро побелевшего, исковерканного сквозными ранами тела обильно и быстро полилась густая тёмная кровь, лужа на глазах росла в мою сторону. В ноздри отрезвляюще ударил запах свежей крови и дыма взрывчатки.

Вид крови мгновенно вывел меня из оцепенения, и я, вдыхая едкий дым, одним прыжком подлетел к дверному проёму и, даже не заметив, как успел, кинул туда гранату. Сделав неловкий кувырок, развернул автомат в сторону проёма и дал не глядя длинную, почти во весь рожок очередь. Автомат ходил в руках, гильзы, отлетая от бетонной стены, звенели, вой рикошетирующих от стенки к стенке в маленькой комнате пуль, грохот и мерцающие вспышки выстрелов создавали какую-то нереальную иллюзию праздника смерти.

Моя граната не взорвалась, однако, очевидно, вид её так парализовал обоих прятавшихся в помещении детей, что мои выпущенные наугад пули зацепили обоих – но не попаданием напрямую, а рикошетами.

Они оба смотрели на меня удивлёнными, но ни капельки не испуганными глазами на побелевших лицах. Тот рыжий, что кричал нам на опушке, одетый в белые расстёгнутые впереди кальсоны и некое подобие тельняшки, начал

поднимать правой рукой винтовку, левой рефлекторно ощупывая быстро разрастающееся красное пятно на левой ляжке. Его не обремененные мыслью глаза не выражали ничего – тупое лицо конченного наркомана.

Я не мог поймать правой рукой кармашек с магазином к калашу на разгрузке, перезарядка автомата правой рукой была для меня внове, и я понял, что сейчас он попросту выстрелит в меня, с такого расстояния промахнуться он не сможет.

Рука рефлекторно нащупала рукоять метательного ножа Горец-3, я всегда ношу пару таких в разгрузке. Я сам не понял, как метнул его – и попал точно в живот мерзавцу. Тот, раскрыв удивлённо рот, рухнул на подкосившихся ногах и остался сидеть, рассматривая нож в животе и разинув рот.

Я наконец-то вставил магазин и передернул затвор, ощутив несильное жжение немного ниже затылка. Грохот выстрела пришел позже, вместе с пониманием того, что это грохот не моего выстрела – не целясь, я расстрелял полрожка в держащегося за раненный рикошетом живот второго уroda и, впрыгнув в проём, попытался вернуться в адекват и осмыслить ситуацию. Разгадка пришла быстро – в конце коридора послышалась возня, невнятная ругань, через несколько секунд оборвавшаяся хриплым стоном.

– Нее стреляй! – крик с явным акцентом порадовал меня, это каким-то чудом пролезший через канализационный сток боец отряда группировки Долг добил наконец доставшегося ему противника и подал мне сигнал, что наша часть коридора чиста.

Я, не обращая внимания на хриплую матерню раненного в живот и всё пытающегося подняться свободовца, осмотрел помещения нашего уровня на предмет выявления затаившихся недобитков. В дальнем конце коридора при моём приближении раздался скрип двери, и из неосвещенного проёма на бетонный пол выкатилась граната. Не знаю как, но я умудрился рвануть обратно к лестничной клетке и заскочить за стену в тот момент, когда громкий взрыв и звон рикошетиющих осколков разорвали пронизанную стонами тишину бункера. Не долго думая, я ставшим уже привычным движением выдернул предохранительную чеку оказавшейся в руке гранаты и швырнул её в темноту коридора. Мелькнула тень заскакивающего в проём бойца, и, спрятавшись за стеной, я снова был оглушён разрывом – на этот раз более сильным – старая РГ-42 была не столько осколками, сколько взрывной от мощного заряда тола. Не церемонясь – боеприпасы назад было не тащить – я тут же послал вслед вторую гранату.

Мой приём имел успех – было очевидно, что трусливо переживавший бой мерзавец после взрыва моей гранаты захочет по-ковбойски выскочить в коридор и кинуть гранату мне в проём лестничной клетки, а в том что гранаты у них в достатке, я не сомневался. Мой сюрприз оказался для него неожиданностью, и последнее, что я расслышал перед двойным взрывом – громкое, жалобно выкрикнутое слово «мама». Взрыв моей гранаты отшвырнул его назад, к тупиковой стене бункера, а взрыв его собственной, очевидно судорожно зажатой в руке за секунду до смерти, довершил дело – когда я рванул в закрытый плотной пеленой дыма и пыли коридор, он слабо подёргивался в дальнем конце, лежа на спине, периодически суча по ставшему скользким от крови полу ботинками. Не желая искать новых приключений, я закинул гранату в дальний дверной проём и присел за железной дверью, зажав уши. Ощувив всем телом встряску воздуха в замкнутом помещении, я ворвался в последнюю

комнату коридора и очередь из шести патронов добил задетого пулями, но поднимающегося из-за обломков стола раненого врага.

Убедившись, что эта часть коридора пуста и в помещениях никого нет, я вернулся к лестничной клетке, но истошный вопль заставил меня вернуться в ранее зачищенную часть коридора – проверить, как там Майшимус.

Я вздрогнул, переступая через гору трупов, поверх которой без штанов, в одной рваной окровавленной рубашке, с мертвым лицом с открытым в безмолвном крике ртом и закатившимися глазами, лежало изорванное осколками, с оторванными гениталиями тело пленника, спасти которого мы сюда, рискуя жизнями, пришли, и который, претерпев адские пытки и невыносимые унижения от палачей и насильников, нашел в себе силы для героического поступка в решительный момент и умер героем.

Майшимус не скучал. Сидя на корточках около раненого верзилы, Майшимус выдернутым из живота у мерзавца моим метатательным ножом мерно наносил ему порезы прямо сквозь пропитанную кровью тельняшку. Пленник, истошно визжа и корчась, умолял пощадить его, обещая всё-все рассказать как на духу.

Переглянувшись, мы подхватили изувера подмышки и потащили по коридору и вверх по лестнице к выходу из бункера, где Капитан, успевший перевязать и заклеить небольшие раны, уже вовсю приводил в чувство растерянно стоящего на четвереньках, мычащего от контузии Хемуля.

Дождик перестал, и я, подтянув Хемуля ко входу в бункер, усадил его и, дав пару оплеух по щекам, от чего его взгляд начал обретать осмысленность, порылся в его нарукавной аптечке и, вынув оттуда шприц с коктейлем стимулятора, антидота и какой-то смеси лекарств, вколол ему дозу прямо в шею под шлемом.

Сцена допроса пленного верзилы-свободовца никогда не перестанет сниться мне в кошмарах.

Жалко извиваясь под пинками и ударами в раненый живот, он, скуля и умоляя о жалости, рассказывал о мерзком насилии, которое они чинили истекшие сутки над долговцем. Привязав его к кровати и накатив дозу, он и двое его подельников, разрезав ножом промежность сталкера, насильовали его и били практически без остановки, вкалывая ему адреналин и кофеин, чтобы не дать забыться или умереть...

Полезной информации, в том числе об артефакте, хладнокровно задававшему вопросы мучителю пленный дать не смог, и тот, схватив мерзавца за кисти рук и вывернув их под его истошный вопль, дал знак Майшимусу.

Пленник, видимо почувствовав неладное, начал отчаянно вырываться, и напичканное наркотиками и стимуляторами тело раненого забилося с такой силой, что им вдвоём было явно его не удержать, а лишать его сознания в их планы ну точно не входило. Не долго думая, я подбежал к ним и, схватив мерзавца за левую ногу, перевернул его болевым приёмом и налегал сколько было сил, пока не послышался характерный хруст ломающейся кости. Пленник, с выкрученными руками корчащийся на влажной земле, на секунду обмяк от болевого шока, и мне удалось крепко ухватить его за вторую, здоровую ногу.

Майшимус, запрыгнув на спину пленнику спиной к голове и держащему руки Капитану, ловким движением ножа вспорол комбинезон мерзавца ниже пояса, сорвав его с ягодиц, и не смотря на истошный вопль и пузырящуюся по заднице гнилую жижу, решительно всадил ему в промежность нож и, повернув,

выдернул.

Тело казнимого забилося в мелкой судороге, и Майшимус, протерев нож от крови и сгустков дерьма об комбинезон мерзавца, тяжело, устало поднялся. Капитан уже стоял на ногах, тяжело дыша и с удовлетворением во взгляде наблюдал за извивавшимся червём телом подонка.

Неожиданно послышался голос Хемуля, пришедшего в себя от лекарств и осмотревшего территорию, пока мы занимались казнью.

– Один ушёл. Если не добить, всем писец, – коротко и злобно сообщил он, показывая на кровавые капли, быстро смываемые снова начавшим моросить дождиком.

Капли вели в кусты неподалёку.

Принять решение не составило труда – я был единственным не раненым бойцом отряда, мне и предстояло догнать и добить ушедшего под шумок свободовца.

– Мы обыщем базу. В любом случае рванём вход и завалим дверь – похороним долговца и лишим Свободу базы. Ждать тебя будем двое суток на пригорке близ Дома Викария – если ты провалишься и беглец приведет карателей, мы не подставим старика и его Семью, и Патагеныча. Найдёшь нас там. Удачи!

Коротко кивнув – вопросов не было – я, на ходу меняя магазин, рванул по следу сбежавшего мерзавца.

Если бы не страх и выделившийся в бою адреналин, мне бы за ним в жизни не угнаться. Однако мерзавец видимо был не только труслив, но и жаден – он, даже раненный, убегал с большим тяжёлым ранцем за спиной, и я уже мог видеть мелькавший через кусты горбатый силуэт, бегущий без оглядки, держа М-16 за переносную ручку.

Кричать смысла не было – подонок понимал, что в этом бою пощады не будет, и ничья меня никак не устроит. Я периодически давал в его сторону «на звук» короткую очередь в надежде запугать его, а может быть, и ранить. Следы крови на листьях мутировавших и не поддающихся опознанию кустов говорили, что перевязаться он не успел, и, возможно, даже не чувствует, что ранен, под воздействием наркоты. Это хорошо, далеко не уйдет, мелькнула мысль, когда сильнейший удар в грудь буквально швырнул меня назад, и я больно ударился о землю задницей. Автомат, который я держал наперевес, принял энергию пули попавшей аккурат в казённую часть и искорёжившей ствольную коробку. Автомат, отлетевший от страшного удара, и толкнул меня в солнечное сплетение, силу удара не смогли погасить даже разгрузка с рожками и керамическая бронеплита под ней. На несколько секунд у меня почернело в глазах.

Открыв их, еще не осознавший толком происшедшего, я ощупал себя и, не увидев на кожаных обрезанных на пальцах перчатках следов крови, немного успокоился. Короткая очередь скосила ветки кустов у меня над головой, вернув мне прыти. Резко перевернувшись на сто восемьдесят градусов – ну не лежать же к этому пидеру ногами вперед на спине, я отполз вправо, где укрылся в складке местности. Силы явно были не равны, и что делать с противником, пристрелявшим мою позицию с расстояния чуть более двухсот метров, не имея огнестрельного оружия, я просто не представлял. Преследование тоже превращалось в задачу трудновыполнимую.

Однако пути назад не было – оставалось полагаться на смелость, хитрость,

большой нож и пару оставшихся на разгрузке гранат. Как и большинство сталкеров и военных в Зоне, я не носил с собой маленького модного пистолета – слабые пули были бессильны против хорошо экипированных людей, а мутанта остановить они не могли и подавно. Большой же пистолет являлся чаще обузой, чем подспорьем, поэтому брал я его только на дело, где могла предусматриваться стрельба с близкого расстояния – но не в этот раз, чтобы не оставить следопытам Свободы следов разрывных пуль для идентификации.

Дождь полил сильнее, и пользуясь почти сплошной пеленой, иногда разрываемой чётко обозначенными под дождем аномалиями, причудливо изгибавшемся или наоборот – с каплями, взмывавшими вверх над куполом энергетических сгустков – я, крадась в складках местности, попытался приблизиться к врагу на максимально близкое расстояние. Он явно не стал меня ждать, понимая, что я не отступлю, и поставив наскоро растяжку на тропе, после своей лёжки отступил в лес.

Растяжку я нашёл сразу, он грубо примотал небольшую осколочную гранату леской к пню, даже не привалив ветками, а леска, растянутая поперёк тропы, виднелась издалека. Рядом с лёжкой валялась не прикопанная в спешке кучка упаковок от перевязочных материалов и одноразовый шприц.

Это был мой шанс, возможно – единственный. Выдернув из разгрузки гранату, я улёгся в небольшой ложбине, промытой дождевой водой, и швырнул гранату как можно дальше вверх по тропе – на случай, если он не ушёл далеко и поджидает меня. Я ошибся, он успел изрядно отбежать, что стало понятно сразу после взрыва – метрах в двухстах зашумели кусты и зачавкала грязь – он явно собирался вернуться и посмотреть на результаты работы его ловушки.

Выскочив из ложбинки, я повернул его гранату вокруг ствола коряги так чтобы под осыпь осколков попала часть тропы, с которой он должен был приблизиться, и аккуратно обрезав ножом противоположный конец лески, вернулся в своё убежище и, вынув из разгрузки последнюю гранату и положив рядом нож, громко и жалобно застонал, давая понять подонку, что его жертва еще жива, и как бы приглашая его помучить меня напоследок.

Шаги и шум в кустах подтвердили моё предположение, что подонки не уйдут просто так. Ему хотелось отыгаться за проявленную трусость и увидеть, как корчится враг, разгромивший базу. Возможно также, он хотел принести своим весть о нападении с подробностями, а может, и мою голову как доказательство его личного героизма в той схватке. Это было не важно – важно было только то, что он приближался, дыша как паровоз, и вскоре я услышал характерный шлепок ботинка по большой луже на выходе из кустов к месту его старой лёжки и моей засады. Помня, что НАТОвские гранаты имеют замедлитель примерно на 4 секунды, а не на две, как российские и советские, я дернул за леску, и, услышав характерный щелчок – сработал капсюль-воспламенитель в запале гранаты, высоко подбросил зажатую в коченеющей руке РГ-42 в сторону, откуда должен был показаться мой палач.

Обострённая наркотиками реакция мерзавца позволила ему успеть кинуться на землю в тот момент, когда граната рванула в стороне, и в этот момент рванула вторая граната, осыпав осколками траву и тропинку и сбив ими верхушки кустов над ложбиной, где я лежал.

Теперь уже, выскакивая из засады с ножом наизготовку, я услышал истошный вопль раненого во многих местах противника, и, не давая ему прийти в себя, подскочил к нему и, оттянув за подбородок, прижал нож тупой частью к

горлу орущего и корчащегося негодяя с твердым намерением дознаться, где искомый артефакт.

Ну и здоровенный же он, успел я подумать, когда его окровавленная рука схватила меня за плечевой ремень разгрузки и с лёгкостью перекинула через корчащееся, но еще полное сил тело. Перевернувшись в падении, я изо всех сил выкинул в сторону врага руку с ножом, и судя по ответному воплю и ощущению удара клинка во что-то упругое, попал. Вскочив на ноги, я увидел, что мерзавец с перекошенным зверским лицом, покрытым кровавыми потёками и грязью, схватился за коленку и пытается подтянуть её к себе. Мой удар был удачным, но дал мне преимущество лишь на полсекунды – правая рука подонка рванула к винтовке М-16, лежавшей в жидкой грязи, и не успел я восстановить равновесие, чтобы что-то предпринять, молниеносно вскинул её в мою сторону.

Время замедлилось, и я очень-очень подробно и явно видел, как ствол винтовки смотрит мне в лицо ажурными разрезами пламегасителя, как причудливо разрезанное дульным тормозом пламя вылетает из ствола, как дергается от отдачи винтовка в слабеющей руке стрелявшего. Сильный удар в подбородок подбросил меня ногами кверху, а сила земного притяжения впечатала меня с невероятной силой спиной в жидкую грязь лужи. Наступила чернота.

Очнулся я от боли – и сразу осознал происходящее. Мерзавец, воспользовавшийся временем, что я был в отключке, успел наскоро перевязаться и вколоть обезболивающее, которое помогло ему двигаться, опираясь на винтовку как на костыль. Меня он, очевидно, счёл надежно мертвым, и, не обращая внимания на боль, перекосившую его лицо, наскоро обыскивал. Мои открытые глаза встретились с его мутным взглядом, и холодный, урчащий внизу живота сигнал кишечника побудил меня к действию. Хватит, один раз я чуть не умер, обгадившись в первом же бою с мутантом, больше это не повторится – надо быстро убить гада и успеть снять штаны, приняв естественную в момент расслабления позу.

Я ударил его пальцами в те самые, не выражающие ничего кроме тупой ненависти искаженного наркотой сознания, глаза. Пальцы неожиданно туго, как в варёное яйцо, вошли в яблоки, и уперлись во внутренние стенки глазниц.

Он не кричал – судорога свела его лицо, и, выдернув испачканные в крови и белом белке пальцы и стараясь не смотреть на то, что я наделал, я вывернулся из под скорчившейся в немой муке туши, и, подняв винтовку за ствол, изо всех сил опустил её приклад ему на затылок шлема. Потом еще и еще бил по каске и по шейным позвонкам над верхней кромкой бронежилета – пока враг не перестал корчиться и не обмяк.

Ну вот, ищи теперь артефакт, со злобой сказал я себе, и начал срезать ранец с убитого.

Кроме контейнера, в ранце было много полезностей. Винтовка, не смотря на внешнюю хрупкость, также пережила все перипетии этого дня, и, не разделяя распространенного убеждения в ее ненадежности, я решил взять её и выкинул в грязь магазина АК, заменив их трофейными. Особенно меня порадовали два комплекта бронебойно-зажигательных патронов, очень эффективных в бою с мутантами, и десяток запасных выстрелов к подствольному гранатомёту.

Наскоро оттерев винтовку и отведя назад затвор, вылив воду с жидкой грязью из ствола, я взял её наперевес и, сложив трофеи, уже решил было отправиться к месту встречи, как мерзавец, казавшийся абсолютно, нерушимо

мертвым, начал издавать какие-то звуки, и даже попытался перевернуться.

Его перекошенное болью, с одним вытекшим а другим вывалившимся глазом, всё в грязи и в крови лицо не вызывало у меня ничего, кроме безглагольного отвращения. Да и как мог я относиться к наркоману, насилловавшему здорового и ни в чем не повинного мужика?

Надо было избавиться от этого полутрупа, и лучшим способом было просто сбросить его в одну из подмеченных мной во время погони аномалий.

Тащить мычащую тушу пришлось недолго – на полянке неподалёку кружила прелой мокрой листвой «птичья карусель».

Я знал, что листва или веревка не вызовет сработку мощной аномалии, и смело привязав один конец трофейной веревки к ремню подонка, перекинул бухту сквозь аномалию, которая только слегка встрепенулась и ускорила вращение листвы. Обойдя её по кругу, я отошел, насколько позволяла капроновая веревка, и с силой потянул тело на себя. Первые пару метров тело ползло очень тяжело, возможно мерзавец, которого я плохо видел сквозь небольшое марево аномалии, пытался уцепиться за что-то. Но вот его нога попала в Карусель, аномалия ожила, и с невообразимой скоростью раскручивая листики и ветки, ранее неспешно вращаемые, втянула в себя подранка и закружила его, всё ускоряясь и ускоряясь, пока не разорвала тело на мелкие куски, которые ещё долго кружили в столбе нереальной кроваво-лиственной смеси. Наверное, всё это – слишком хорошая смерть для такого мерзавца, подумал я, направляясь к своим. А да поберет его Зона...

Дорога до точки встречи прошла без приключений – один раз только я буднично всадил короткую очередь из трёх пуль в голову псевдопса-одиночки, да отпугнул очередью тварь, похожую на псевдоплоть, задумавшую было преследовать меня на расстоянии за кустами в надежде пожить.

Дело оставалось за малым – вылечить и поднять на ноги Патагеныча, чьё состояние не менялось даже от сильнейших стимуляторов. Вверив его судьбу негритянке Машке, мы, наскоро, но плотно пожрав каши и изрядно выпив щедро налитую Викарием самогонку, разошлись по «кельям» спать. Горячий борщ, жареное мясо, галеты и спиртное помогли телу расслабиться, и растормошивший меня вдруг оживший Патагеныч казался выходцем из сна, почему-то поменявшийся со мной местами.

Не долго думая, радостный до поросычьего визга и несдержанный прямо по-сталкерски Патагеныч, не мудрствуя лукаво, сунул мне в рот изрядно початую бутылку мутной местной самогонки, и отпустил, только когда я начал задыхаться, пытаясь выдохнуть обжигающие спиртовые пары. Хемуль, сволочь растакая, радостно смотрел на захлёбывающегося друга и улыбался на все свои тридцать два завидно крепких, белых, хохлятских, явно от сочной сиськи мамкиной доставшихся зуба...

Хемуль

В почти кромешном, как мне показалось, мраке я усиленно пытался найти ответ на привычный для многих вопрос: «где я... что со мной...» В мерцающем свете лучинки тени моих рук казались огромными. На столе неподалёку лежал Хемуль, головой рядом с тарелкой – предварительно, очевидно, рефлекторно отодвинутой руками, расчищавшими его лицу путь к грубым, покрытыми жирными пятнами доскам стола. Из угла раздавался могучий, такой привычный

по походам храп Патагеныча.

Память постепенно возвращалась. Еле поднявшись, придерживаясь за стенки руками, я медленно и печально, но неотвратимо приблизился к выходу из нашего убежища.

Открыв тяжелую металлическую дверь подвала, рефлекторно обвел освещенную яркими еще всполохами угасающего над саркофагом ЧАЭС выброса аномального столба багрового свечения. Получается, мы бухали почти два дня. Круто! Хорошо, что пили не так и много, да и закаленные постоянными физическими нагрузками организмы, как правило, легко справляются с такими дозами спиртного. Больше накурились какой-то местной травы, излюбленной Хемулем, и после живейших галюников повырубались. Ну и ладно...

Я вышел под мелкий, привычно морозящий дождик и только успел расстегнуть ширинку, чтобы пометить территорию, как из темноты, буквально в трех метрах от меня, в пятне слабого света, нехотя вывалившимся вслед за мной из открытой двери, появился зомби.

Я видал их немало, но этот был совсем непривычен. Месяцев двух или трёх, с отгнившими уже губами и практически свалившейся с остатков лица кожей, торчащими из разложившихся уже десен кривыми и неестественно длинными зубами, он всё-таки разительно отличался от всех, кого я видел ранее.

Рефлекторно вскинутый автомат я решил пока не применять – отстрелить из АК 105 калибра 7,62, в который я в Зоне в последнее время просто влюбился, голову очередью от живота было делом для начинающих, а я уже встречал свою первую весну – если в Зоне можно было так назвать это мокрое время года на фоне почти постоянно низкой облачности и мелкого, сменяемого частым густым дождем.

Зомбак был одет в летный комбинезон, с большим круглым шлемом и огромными светоотражающими очками на лобовой части шлема. Кроме того, рук у него просто не было – удивительно, как он передвигался, ведь в темноте в Зоне споткнуться или поскользнуться было плёвым делом. Тем не менее, его комбинезон был не очень и испачкан, хотя с термоотражающей ткани скафандра грязь, возможно, просто смыта дождем.

Зомбак стоял и, казалось, смотрел на меня пустыми, почерневшими глазницами.

Вдруг он сделал полушаг в сторону, медленно, как и все они – попробуй подвигать застывшим без кровообращения, разлагающимся телом – и присел на корточки.

Я не сводил с него глаз и повел автоматом, однако он, казалось, только улыбнулся – по крайней мере, челюсть его слегка шевельнулась. И казалось даже, что он задышал. Бррр – хорошо что с такого расстояния и под дождем я не почувствую гнилостный запах его нутра.

Я никогда не сталкивался с говорящим зомби, хоть и повидал их немало, но опытные сталкеры, не раз ходившие в глубину Зоны, куда нелегкая меня занесла намного позже – рассказывали, что бывают зомбаки, которые столь хорошо сохраняются, что могут даже прицельно – хоть и не особо метко – стрелять, особенно если их ведет Контролёр. Ужас...

– Ддрааастуууй стаалеер, – медленно вымолвил зомби. У меня подкосились колени, и я вынужден был присесть на корточки напротив него, рефлекторно держа автомат направленным на него и слушая привычные шелест

Хемуль плеснул понемногу, Патагеныч принялся готовить курево. Я не удержал вопрос, с которого всё равно надо было начать разговор:

– Хемуль! Ты спешил куда-то, и мы с Патагенычем понимаем, как сорвали тебе сроки. Каковы твои дальнейшие планы?

Хемуль, не поднимая глаз от стола, спокойно и честно промолвил:

– Сорвал сроки. Я шел по заданию капитана Луиса Гоугенда, руководителя камерунского контингента. Шёл на ликвидацию Мазератти...

Патагеныч от неожиданности рассыпал курево по полу, и, раззявив рот, попытался было нагнуться, но, махнув рукой, пододвинулся на своей скамейке поближе. В неверном свете игривого огня, выбивавшегося из буржуйки и дарящего нам так необходимые иногда в этих сырых и промозглых местах тепло и уют, мы выглядели наврное, как кучка Зомби.

Я слышал о Мазератти краем уха. Это была кличка какого-то отмороженного итальянца, известного главы местного клана наёмников, которые, по всеобщему убеждению, охотно исполняли роль киллеров, когда, например, надо было устранить конкурента или замочить кого-то из лидеров кланов, а как поговаривали, брались даже за военных.

Отлично оснащённые, пользовавшиеся явной поддержкой каких-то неведомых, но могучих покровителей, эти люди почти не жили в Зоне, хотя прекрасно в ней ориентировались и не боялись заходить в самый Центр.

Ликвидация Мазератти была операцией не просто безумной, а, я мог поручиться, нереальной. Хотя, для Хемуля, может быть... ибо... если...

Молча хлопнули по пятьдесят. Занюхали рукавами. Крякнули. Отпустило...

– Я должен был перехватить его в определенном месте и снять всю их группу. Решился – за миллион Грина и амнистию – причем не столько мне, сколько моей девчонке – вы ее знаете. Военным не верю, но миллион уже взял. Им это – бумажки, еще наворуют, а мне – свобода моей любимой и завязка с Зоной. Паспорта даже выдали, сцукки...

– Не знаю, кто его заказал Луису и зачем это ему, но по мне этот Мазератти – не человек, а гнида, ничем не лучше кабана или чернобыльской собаки, замочить – раз плюнуть, и дело с концом. Знаете сколько на нем крови невинных пацанов, которых он, выходя, просто валил, чтобы не осталось свидетелей его преступлений? Помните бар Арменчика? Он был моим другом. Торгаш, конечно, прирожденный и всякое такое – но порядочный был мужик. Так и не узнали, кто его заказал, но Мазератти в одиночку перемочил его охрану – а что их валить-то, старики-инвалиды, ветераны на дожитии... А его я увидел распятым на витрине его же бара, с кишками, аккуратно уложенными в коробку рядом. Эта тварь даже не убивал – он наслаждался. А Арменчик, упокой Зона его душу, меня раз, еще будучи сталкером, две недели в лёжке выкармливал остатками печенья и выносил за мной дерьмо, пока сломанная нога не позволила мне идти. Вот так вот...

– Я опоздал к месту засады – оно около Зимовища, вот в этом квадрате, – указал он, увеличивая карту местности на своём роскошном, в титановом корпусе, карманном компьютере «яблочного» производства, – но учитывая, что путь оттуда ведет через болота либо прямо на нас, к остаткам населенного пункта Коцюбинского, либо к Краснову, напрашивается простой вывод. Он, не зная минных полей и не рискуя провалиться, не торопится. Скорее всего, он получил какое-то задание и тщательно маскирует свой лагерь-лёжку, готовясь

отходить.

– В одиночку мне с ними не справиться, полягу почем зря. Но вместе мы скормим их псевдоплотям на раз-два – добавил Хемуль, мрачно ухмыльнувшись, и продолжил:

– Мой план предельно прост. Так как он ни за что не сунется в глубину Зоны без серьезной подготовки – а на несерьезность указывает утечка информации о его маршруте и точках пересечений – то он глубоко не пойдет. От Зимовищ дороги идут либо на Припять – отмечаем, либо на Красное – на север, думаю туда он будет выходить, либо на Кривую Гору – хотя не понятно, что ему там нужно.

– Как бы то ни было, брать его надо на отходе, срыв его задания нам по барабану.

– Мы разделимся на две группы. Вы с Патагенычем возьмёте на себя сектор между Коцюбинским и Машево, – он пририсовал нам стилусом на карте известные ему места прохода, редкие между аномалиями и радиоактивными болотами, отметил их и синхронизировал свою карту с нашими.

– Я же пойду к Красному, – завершил он. – Если погибну, завалив эту мразь, вот вам шифровка, просто передайте Луису. Хотя и не люблю африканцев, больно задиристы, но это порядочный офицер и человек чести. Он мою из Зоны вывезет, и на бабки сильно не обдерет. Если же згину зазря – то да пребудет со мной Мама Зона, скверная, говорят, старуха – но иной тут и нет... Просто скажите Нельке, что любил и сделал всё. Теперь парни так. В Зоне ничего не бывает даром. Риск велик. Всё, что снимем с гадов – делим натрое. Плюс каждому с меня – по двести тысяч зеленых за это дело. Патагеныч, не возражай – доживи, когда меня спасёшь, тогда этот долг и вернешь – я должников люблю! Согласны?

Патагеныч, неспешно поглаживая мятую бороду, молча кивнул. Я последовал его примеру.

– Выброс закончился совсем недавно, но признаков гона тварей нет – значит, погнало в другую сторону. Получается, парни, надо выходить – они тоже не дремлют и уже наверняка хватанули своего дорогого коньячку, пижоны пафосные, и затирают следы. Я пойду попытаюсь таки надыбать у Викария баночку яда посильнее, чтобы мутантов утешать – шуметь вам и мне никак нельзя, парни. И арбалеты.

Пока Хемуль уговаривал старика, мы уже собрались, и, получив по арбалету с электронным автозвонком (великолепное изобретение японских оружейников, после выстрела достаточно было просто вставить в ствол новую стрелу!) и по десятку упругих стальных, судя по зеленой метке на остриях – отравленных – стрел, прямо около землянки двинулись каждый в свою сторону, не прощаясь. А зачем? Моя тропа шла через луг, где было еще довольно мокро после дождя, но солнце уже проглядывало сквозь разрывы в облаках вечно вращающегося вокруг Саркофага облачного вихря, и это дарило надежду на то, что хоть несколько часов можно будет насладиться потрясающими, фантазмагорическими видами мутировавшей природы.

Не теряя бдительности, я тщательно и неспешно прошел свой сектор, стараясь не привлечь к себе внимания редкого еще после Выброса зверья и не вляпаться в новую аномалию, которой на карте могло и не быть. Впрочем, один раз, задумавшись и заслушавшись журчания ручейка у брода, я чуть было не влетел в Трамплин, неведь как укрывшийся на ровном песочке пляжика почти

у самой воды. Мне хватило ума, заметив, что песок в этом месте странно изрыт и сух, подбросить туда камень, который, не пролетев и метра внутри неровного овала сухого песка, с бешеной скоростью полетел обратно (надо будет ребятам рассказать, странная аномалия какая-то, обычно Трамплин швыряется вверх), да так быстро, что я бы и увернуться не успел, не пролети он сам недалеко от моего плеча.

Так, обойдем, пометим на ПДА... Главное – не свихнуться...

Психические болезни в Зоне столь же обычное дело, как и рак, и тяжелейшие травмы. Но если травмы люди получают от людей, мутантов, аномалий, фрагментов разваливающихся зданий, ну и конечно же – Выбросов, рак – понятное дело, от радиации и колоссального количества токсичных отходов, сброшенных сюда коррумпированными чиновниками еще во времена СССР, когда Зона, тогда ещё намного меньшая, стала всесоюзной химической помойкой, то с психическими отклонениями дело обстояло намного серьезнее.

Всем известно, что в Центре Зоны находятся поселения Темных сталкеров – людей, для которых Зона стала последней возможной средой обитания – у них начались прижизненные мутации, совместимые с жизнью. Далеко не каждый человек способен смириться с мыслью, что у него начал вдруг быстро отрастать хвост, который у обычных людей является рудиментом. Резкий и сильный рост жуткой щетины по телу совокупно с ороговением быстро растущих и превращающихся в когти ногтей, был, пожалуй, самой распространённой формой, всё остальное происходило индивидуально. Так, позже я даже знал одного бывшего сталкера, переродившегося в некое подобие женщины и даже умудрившемся забеременеть неизвестно от кого, что впрочем особо никого не волновало – его просто скормили «домашнему» кровососу свои же – сталкеры, центровавшиеся вокруг бара Сто Рентген. Кровосос у них был как бы приятелем – хотя на обед к нему попадать никто не хотел, его скудный разум не особо различал людей, но жил он внутри заброшенного военного склада, и никогда не пытался оттуда выбраться. Когда ему не подкидывали людей – на пари или в виде наказания оным, он довольствовался случайно забредшими к нему в ангар псевдоплотями или собаками. Не помню, как его звали, но Хемуль при воспоминании о знакомстве с ним криво ухмылялся и отмалчивался.

Так вот, многочисленные опасности, излучения, опыты военных и ученых на их базах – в том числе и над сознанием, отвратительная как правило, давящая на нервную систему погода, всё это вместе у людей со слабой психикой вызывало самые разные отклонения.

Я уже рассказывал раньше, что Зона спустя уже шесть лет после Второго Взрыва была весьма обитаема. Тут жили как сталкеры, наиболее зажиточная и успешная прослойка, так и многочисленные бандиты, торговцы, проститутки, учёные, военные и немалое количество иного люда. Большинство этих людей жили тут, естественно, нелегально. Но ещё меньшая часть этих людей способна была передвигаться по Зоне самостоятельно вне небольшого, проверенного-перепроверенного на радиацию и аномалии участка земли – хутора, как правило, называемого Домом, или участка населенного пункта.

Многие из этих людей были отличными бойцами, но совершенно не способны были замечать аномалии, и потому работали, в основном, охранниками. Менее подготовленные работали прислугой и разнорабочими, и иногда умудрялись вернуться живыми и даже из Центра Зоны, куда ходили со

сталкерскими или военными отрядами в качестве носильщиков, внося один груз, и часто вынося другой.

Весьма немало было всякого деклассированного элемента – алкоголиков, бомжей, юродивых обоёго пола. Они как правило забредали сюда через лазы в Периметре в надежде пожить, либо до их уровня скатывались жители Зоны – сошедшие с ума, покалеченные или севшие плотно на местную наркоту и алкоголь сталкеры и охранники.

Отдельными кастами были проводники и киллеры – наёмники. Бывало, что один проводник отработывал заказ наёмников проводить их в то или иное место Зоны, после чего оставлял их, получив расчёт (говаривали, и пулей в спину, случалось), а выходили наёмники, уже встретившись в условной точке с другим проводником, не знавшем о миссии и судьбе первого. Эти практически всегда доходили.

Но основным хлебом проводников, особенно начинающих, был выгул богатых буратинок – нуворишей, пресытившихся уже всеми видами сафари и даже охотой на людей и желавших пощекотать себе нервы в Зоне, попадая в неё часто с легальным разрешением, купленным за огромные деньги, но дававшим право даже вывести из Зоны некий набор бесполезных, но красивых артефактов и шкуры убитых тварей.

Этот бизнес был относительно безопасен, так как документы позволяли им официально согласовать маршрут, дабы не бояться быть накрытыми артиллерией или рейдом военных сталкеров, а прекрасная подготовка и амуниция и наличие опытного проводника и пары-тройки сталкеров-разведчиков в эскорте практически не оставляли шайкам бандитов никаких шансов выйти победителями или просто выжить. На шайки бандитов – с молчаливого одобрения как сталкеров, так и военных с Периметра – даже устраивали целые загонные охоты... Бывало, их выгоняли к какой-то аномалии и гнали на нее, развлекаясь созерцанием их гибели, либо расстреливали не спеша, «разбирая пулями по суставам». Японские отставные военные так вообще любили пленённому бандиту, предварительно перетянув жгутами артерии и вколов противошоковое, отрубить ступни, кисти рук, и, выколов глаза, неспешно медитируя, наблюдать как мучимая болью, но не теряющая сознания жертва, голая, вся в потеках крови с лица и культей, грязная и мокрая, ползет на карачках куда глаза не глядят, и в итоге становится жертвой какой-нибудь из аномалий, на поляне с которыми действо обычно организовывалось.

Нам, сталкерам, такие виды пыток были противны до предела, но, с другой стороны, тварь, принявшая такую смерть, безо всякого сомнения причинила её многим тут в Зоне, а возможно, и на Большой Земле до того как сюда попала, потому вид пустых кровотокающих глазниц над изуродованным лицом, с разорванными ноздрями и губами беззубого уже рта, зашедшегося в хриплом крике, или грязной, обгаженной задницы стоящего на четвереньках отморозка не вызывал ни жалости, ни сострадания. Да и работа есть работа, в любой момент каждый из нас мог оказаться на его месте – только попади им в плен...

Редко, но случалось так, что отставшего от группы охотника, да и целую группу, брал контроллер, и тогда, учитывая, что шансов излечить их выжженные мозги практически не было, даже убив контролера, их просто оставляли ему, стараясь уйти живыми самим. Именно за это соблюдение совсем не благородных, но навязанных самой Зоной правил выживания тут,

контролеры редко нападали на сталкеров, пропуская, если те не пытались сами атаковать.

Ладно, лирика – после. Интересно, почему мертвый, с по всем правилам отмершими мозгами Зомби сказал мне те слова? Кто послал его? Неужели правда, что не в страшных подземельях под Припятью, а именно в гниющих телах бывших людей и живут истинные «Духи Зоны»? Мистика какая-то, хотя чего тут только не встретишь...

И не зря я не стал обсуждать этот невообразимый диалог с ребятами – Патагенеч еще в себя не пришел, а Хемулю сейчас ничего лишнего знать не надо...

Мой взгляд привлекла непривычно большая, примерно сорок метров в диаметре аномалия Жарка, неспешно искрившая и потрескивавшая на полянке, прямо у тропы. Казалось бы, такая заметная – обойди её, и все дела. Но сталкерский нюх не позволял мне быть таким доверчивым – и верно. Справа, примерно в метре от тропы, залегли концентрические круги примятой травы. Так, гравиконцентрат. Итого, у меня в данный момент только один путь, как у мифического барона Мюнхаузена – между крокодилем и львом.

Датчик аномалий вибрировал как ужаленный, пришлось его отключить.

Я бросил болт – надежное средство распознавания – в воображаемый проход между аномалиями. Он пролетел без проблем. Но что-то меня очень, очень настораживало, и было давящее на затылок ощущение чьего-то внимательного и враждебного взгляда.

Я остановился. Вечное правило водил и сталкеров – если что-то идет «не так» – остановись. Успокойся. Пережди негативное стечение обстоятельств.

Скинув рюкзак, я уселся на небольшой полянке, метрах в двадцати от Жарки, и стал не спеша готовить опостылевший, но такой необходимый в нынешних условиях сухпаёк украинского производства, называемый в Зоне «сало в шоколаде».

Ще не вмерли, как говорится, постулаты советской еще школы диетологии для военных. Сухпай, действительно, уступал по питательности только германскому, и с тех пор как Украина, а потом Россия (поломавшись, конечно, как красна девица) вступили в НАТО, все вдруг поняли что мы – европейцы, союзники и жители одного плота. Естественно, военные на учениях постоянно прикалывались друг над другом. Так любимой темой приколов бельгийцев над французами был «наносыр» – нарезанные тонкими ломтиками кусочки великолепного на вкус сыра разных сортов в жутко дорогом и пафосном, но совершенно не питательном французском сухпайке. А ведь хитрецы французы, один такой паёк за вкусность меняли с ними на пять питательных украинских, четыре польских или немецких, а с остальными – как договоришься. Индийские сухпайки, не смотря на полностью вегетарианские субстанции, были крайне сытны и весьма вкусны – но дефицитны.

Самым прикольным был белорусский сухпаёк – банка тушенки, банка сгущёнки и пакет жирного, черного, с целыми зернами злаков, хлеба в вакуумной упаковке. Просто и совсем без пафоса, но очень дорого за него приходилось платить, белорусы сами ели его на доставшемся им небольшом участке северной границы, умудряясь готовить из пайка такие кулинарные шедевры, что, бывало, при прохождении блок-поста Зоны (особенно на обратном пути, легально, после выполнения заданий Контрразведки) и ни с кем делиться не собирались. Хотя Хемуль вроде что-то рассказывал про сало, но

достать его в Зоне было невозможно, Чернобыльские Кабаны и Плоть имели жир мерзкий и вонючий, их вообще есть-то можно было только с голодухи...

За этими мыслями, привычно огибая все подозрительные участки местности, прислушиваясь, не вибрирует ли взятый трофеем в бункере Свободовцев датчик радиоактивности, я осмотрел звериные тропы на карте ПДА, и выбрав ту, которая, судя по осмотренному мной участку, была наименее хоженной и, следовательно, более привлекательной для поджидаемого неприятеля, не спеша и тщательно заминировал остальные тропы, используя специально взятую тонкую железную проволоку, склонную к быстрому проржавлению, которая по неписанным местным законам применялась для устройства растяжек. Слишком уж много погибало сталкеров, не заметивших растяжек, поставленных кем-то другим для кого-то другого в бесконечных междоусобицах Зоны. Проволочка же как обеспечивала надежный подрыв гранат, так и быстро ржавела – после первого же выброса, и, став очень хрупкой, разрывалась при касании, что давало проходящим шанс не погибнуть зря.

Гранаты я ставил с хитринкой: первые по пути из Центра были хорошо заметны, вторые – уже замаскированы получше, в расчете на то, что противник, заметив первую растяжку, насторожится и снимет её, либо обойдет, и, обходя или пройдя метр-два вперед, таки зацепит хорошо замаскированную проволочку и... Да будет земля Зоны ему пухом.

Свою тропу, выбранную для засады, я заминировал примерно метров в трёхстах позади себя, в расчете на то, что в случае моей гибели противник уверенно двинется именно тем путем и подорвётся. Выбрав позицию на пригорке посуше, я оглядел в небольшой окупляр окрестности, но кроме небольшой группы проходивших в сторону Центра Зоны примерно в километре от моего сектора сталкеров и нескольких голов Чернобыльских кабанов (уфф, далеко...) ничего не обнаружил. Сменив позицию, я постарался найти место, где в поле моего обстрела могли попасть хотя бы фрагменты каждой из двух боковых, заминированных мною троп. Снял с предохранителя свой АК-105, надежного друга любого жителя Зоны, и застыл в ожидании...

Мой медитативный покой несколько нарушал заморосивший, как обычно, не вовремя мелкий дождик, однако сталкерский комбинезон и терморегулирующее бельё были прекрасной, надёжной защитой от сырости и промозглого весеннего – если можно так назвать в Зоне эту погоду – холода.

На опушку пролеска метрах в двухстах от меня, резвясь и рыча, вскочила стая псевдособак. Эти мерзкие, но удивительно умные существа фактически не имели глаз, видя мир «третьим глазом» – как ящерицы игуаны, которые с его помощью видят всё позади себя. Их рудиментарные, недоразвитые глазёнки были крохотными и, как правило, красными от воспаления, но так как твари эти жили очень недолго в условиях Зоны, где они умудрялись, по словам ученых, хвататься смертельной дозы токсинов и радиации сразу, как только начинали охотиться, при этом даже не собирались помирать, а чувствовали себя весьма вольготно. Ходили слухи, что местные отморозки даже пытались скрещивать этих чудовищ с обычными собаками, в надежде вывести жизнеспособную вне Зоны бойцовскую породу, но все попытки заканчивались фиаско. И слава Зоне... Таких тварей остановить даже пули автомата могли не сразу...

Вожак стаи, мощный, облезлый и ободранный, но очень мускулистый кобель, устался в мою сторону и усиленно стал нюхать воздух. Ветер дул в

его сторону – видимо на запах они и пришли. Как же я мог забыть об этом факторе! Он мог наверняка видеть меня, не смотря на маскировку, и задумчиво застыл, размышляя. Другие твари, в том числе и суки с характерно более длинными, более пушистыми хвостами, но не менее ободранные и уродливые, чем кобели, не смели атаковать без его команды, вожак же не спешил. Он повернул голову на Север, и следуя взглядом в том же направлении, я увидел крадущуюся из-за кустов всего метрах в пятидесяти от меня жирную, наверное, беременную псевдоплоть. Она явно была стара и хитра, как и её предтечи – свиньи, но, несомненно, более труслива при нападении на нее, и тем не менее, стойка и агрессивна в обороне в случаях, если отступить было некуда.

Меня мгновенно осенила идея, и, взяв плоть в прицел арбалета, я всадил ей в шею стрелу с нервно-паралитическим ядом. Потом, быстро зарядившись – вторую. Было очень важно не убить её сразу попаданием в голову – при всей тупости этой твари, мозг ее всё-таки выполнял командные функции, и мне очень хотелось, чтобы она успела разжечь аппетит собак до паралича. А еще больше я надеялся, что ее двойное сердце не остановится сразу, а успеет разогнать по всем сосудам яд.

Плоть, получив первую стрелу, глубоко вошедшую в жирные складки шеи, вздрогнула, и, казалось, задумалась, обернувшись ко мне. Её уродливая пасть со здоровенными зубами разинулась, как будто удивлённо вопрошая меня – что это с ней такое? Вторая стрела, вонзившаяся ближе к крупу в жир на боку, также не произвела на неё впечатления.

Однако замедленность действий и нестандартное поведение плоти, видимо, помогли вожаку псов сделать правильный на мой взгляд выбор, и, не оглядываясь на сомнительной вкусовой продукт в моём лице, эта тварь стремительно понеслась сквозь высокую, но редкую и мокрую траву к заваливающейся на бок плоти.

Стая пронеслась метрах в тридцати от меня, и ветер, сменивший направление, обдал меня запахом гниения...

Вожак, добежавший первым, мгновенно стал рвать острыми клыками брюхо еще подёргивающейся твари, остальные самцы, периодически рыча друг на друга или на секунду сцепляясь в схватке, тоже принялись рвать тело здоровенной твари. Суки не особо отставали, но и не спешили – их интересовал не полный радиации и токсинов жир существа, а потроха, которые набившие брюхо жиром и мясом тупые самцы всё равно оставили бы дамам.

Мне очень повезло, наверное, так мне везло в первый раз в жизни. Удерживая потными руками автомат, я понимал, что такая большая стая справится со мной во мгновение ока, атаковав с расстояния нескольких прыжков, и с надеждой взял в руки осколочную гранату, на всякий случай уложенную рядом при оборудовании засады, чтобы не отдать жизнь зря.

Стук крови в висках напоминал грохот бравурных немецких маршей времён второй мировой войны, и я с грустью вспомнил старый добрый МП-40, давно уже оставленный мной на хранение Бульбе. Вспомнилась Айда – как она? Я так давно не видел её, и что-то в наших отношениях стало меняться. Я старался не прикипеть к ней, понимая, что любовь тут, на вечной войне, невозможна... А она хотела любви, хотела детей... Неужели, дурья голова, она не видела КАКИЕ от сталкеров рождаются дети? После всех облучений и приключений? Ах... женщины, прекрасные создания...

Первым упал и начал дрыгать лапами молодой, но уже заматеревший, судя

по шрамам, самец. Остальные, перестав рвать добычу, удивленно кружили вокруг него, огрызаясь друг на друга и на сук, которые уже полезли за своей долей к вывалившимся, дымящимся потрохам. Одна из сук вдруг завизжала, и огрызла жоака, который, даже не ответив ей, захрипел и упал набок. Остальные падали, кто с хрипами, кто скуля, пытаясь отползти, и один за другим выпускали дух, повизгивая и уворачиваясь от укусов вымещающих предсмертную злобу товарищей по несчастью.

Суки, успевшие поесть совсем немного, озабоченно отскочив и повизгивая, наблюдали эту сцену, периодически принохиваясь и поводя мордами то в мою сторону, то в сторону той части тропы, что выходила из леса в моём секторе – ветер дул с той стороны.

Расширенное страхом сознание подсказало мне единственное – как оказалось верное – объяснение. Они почували людей.

Надо было срочно что-то предпринять, ведь эта картина бойни тварей не могла пройти незамеченной для отряда неизвестной численности, двигавшегося в нашу сторону. Времени на размышление явно не было, надо было заставить тварей убежать с места – умиравшие уже почти затихли, и со стороны зрелище не представляло бы опасности.

Я опоздал. Одна из сук, самая крупная и наглая, скуля крутившаяся вокруг жоака, вдруг, как в замедленном кино, разломилась пополам, и, обрызгивая фонтанчиками крови всё вокруг, ее туша, разделенная надвое чудовищной силы ударом, разлетелась метра на два, оставив на месте, где она стояла, медленно оседающие синие кишки...

Я не стал заглядываться на это зрелище, тщательно оглядев сектор влево-вправо и вычленил стрелка. Непривычного вида конструкция, отдалённо похожая на винтовку, меня смутила. Смутило полное отсутствие признаков стрельбы крупнокалиберной винтовкой – то, что ставить на неё глушитель – смешно, известно давно. Да и дымок от огромного порохового заряда всё равно мгновенно не рассеивается. Но тут не было НИЧЕГО!

Еще один сюрприз сего дня! Я слышал о Гаусс-винтовках, но никогда не думал, что это сверхновое и сверхсекретное оружие так вот легко встретится тут, недалеко от внутреннего периметра Зоны. Встретилось...

Я не знал точных параметров этого оружия, но то, что оно сделало со здоровенной суккой, произвело на меня неизгладимое впечатление. Пожалуй, по мощи она могла сравниться с винтовкой под патрон 12,7, которой во вторую мировую войну подбивали танки!

Стрелок уверенно снял таким способом еще пару тварей, визжа крутившихся вокруг разодранной туши плоти. Твари, на которых, видимо, действовали маленькие, но всё же убийственные дозы яда, на глазах слабели.

Из зарослей искривленных кустов не спеша, но нагло и уверенно вылез другой боец, которого я ранее даже не заметил. На нем был камуфляж типа «Леший» – абсолютно бесформенная гора мокрой прелой листвы, которая при этом, как я слышал, не цеплялась ни за что и не промокала, не оставляла обрывков, да еще и меняла окрас под цвет местности – какая-то новая нано-разработка, безумно дорогая.

Он неспешно двинулся в сторону кучи трупов, в которую превратилась стая. Шёл неторопливо, но уверенно. Меня они не срисовали, подумал я мельком. Как бы так не дышать? А как прицелиться теперь? Смерть или тяжелая травма мне были гарантированы даже в случае, если пуля

Гаусс-винтовки ударит рядом, о попадании в меня я старался не думать...

«Леший», вышедший вперед, медленно приближался к нам. Примерно в пятидесяти метрах от кучи туш он остановился и вдруг спокойно, не поднимая автомат, медленно повернулся ко мне всем бесформенным телом и спокойно проговорил:

– Не двигайся. Ты на прицеле у снайпера с гауссовкой. Там картечь, шансы нулевые. Если хочешь умереть сейчас – шевельнись. Если нет – ответишь на мои вопросы, мы тебя разоружим и уйдем. Ты нам не нужен, сталкер. А теперь медленно встань! – скомандовал он.

На размышление времени не оставалось. Нутром чуя, что живым мне точно не остаться, я, изображая возню при вылезании из под кучи веток, которыми был накрыт, незаметно взял в руку гранату, лежавшую рядом, и, продев в предохранительное кольцо средний палец одетой в перчатку руки, отвел гранату назад и, поднимаясь, поднял руки на уровень головы ладонями к противнику. Шанс, что гранату не заметят, был невелик, но утешало то что лапища у меня не маленькая, а небольшая наступательная граната НАТО для «внутренних работ», десяток которых, благо каждая весом-то всего по сто двадцать грамм, я взял в виде трофея в бункере Свободовцев, была величиной чуть крупнее яйца и была полностью набита мелкими поражающими элементами, что гарантировало стопроцентное поражение цели в радиусе пяти метров от эпицентра взрыва тридцатиграммового заряда мощнейшей взрывчатки. При этом взрывная волна и звук были не очень сильными и не поражали кинувшего гранату бойца, если он был на расстоянии более двадцати метров либо за укрытием.

Моя сдача не ошеломила противника, но я явно не сходил за сталкера, просто случайно спрятавшегося в кустах от зверья – было очевидно, что я участник засады на них, и они просто блефовали, справедливо думая что я, не зная их численности, не рискну вступить в бой. Они же явно были оснащены по последнему слову техники, и укрытие моё обнаружили издалека. Вот это провал... Как дикарь с копьём на винтовку, подумалось мне грустно-грустно. Очень захотелось выпить много водки и прижать жаркое тело Айды... Да ведь я люблю её, сучку, мелькнула у меня в голове мысль, пока он приближался, аккуратно обходя трупы псевдопсов.

Как-то в юности, я смотрел старинный-старинный, ещё чёрно-белый фильм про вторую мировую войну. Там героиня спросила кукушку в лесу – мол, покукуй, сколько мне осталось... «Кукушка» – снайпер, залегший невдалеке, явно готов был кукануть два раза – в моём случае. В первый – и в последний...

Видимо звезды, по яркому южному сиянию которых я иногда скучал, глядя на вечно затянутое дымкой облаков небо Зоны, сегодня очень благоприятствовали мне. Мой победитель, обходя кучу тел, на секунду закрыл от меня залегшего в кустах снайпера с Гаусс-винтовкой, закрыв и ему директрису стрельбы. Приглашение к действию было недвусмысленным. Как в замедленной съемке, я дал своим ногам расслабиться, и уже падая, сжал кулак правой руки, машинально – на авось – выкинув руку вперед. Граната, описав крутую дугу, отделилась от кольца, оставшегося на моём пальце и упала к ногам «лешего». Покрытая мокрой листвой и сучьями земля ударила меня в лицо, и жесткий хлопок ударил мне в уши, заботливо прикрытые шлемом. Конец, мелькнуло в голове, холодной и спокойной, и шея рефлекторно припечатала моё лицо в мокрую листву...

Я не почувствовал удары снопа осколков по шлему и спине, просто показалось, что меня несильно ударили подушкой и осыпали чем-то тяжёлым, но раздробленным...

В наступившей кромешной тишине я так же – рефлекторно – откатился влево – туда, где лежал мой автомат, и, не останавливая вращения по скользкой листве, я схватил его и дал длинную очередь в сторону снайпера.

Автомат дергался в руках, гильзы, вылетая из автомата, больно, со звоном улетали в сторону, пока, закончив поворот, я не оказался на животе, выцеливая место, где должен был лежать мой палач. Рефлекторно опять же, я выдернул из разгрузки новый магазин и перезарядился. Ответного выстрела с той стороны, которого я с ужасом ждал, не последовало.

Краем глаза я видел корчащегося и стонущего бойца в двадцати метрах от меня, чуть правее, и чётко видел, как в разрезе прицела автомата стоял – кто бы мог подумать – Хемуль...

Никогда никому не расскажу, каких усилий стоило мне удержать палец на гашетке. Вся плоть моя была подчинена одной цели – сдвинуть палец, и почувствовать сладкую отдачу в керамический щиток на плече. Палец никак не хотел разжиматься...

Когда Хемуль, не спеша подошедший ко мне, мягко сказал: «Всё кончилось, Маскаль,» – я поднял глаза, и сквозь пелену слёз разглядел силуэт в камуфлированном костюме, с рюкзаком за плечами и с автоматом, нацеленным в землю. Он знал, как привести товарища в чувство. Присев рядом, он, мягко разжав непослушные пальцы моей правой руки, вытянул автомат, не спеша, демонстративно, поставил его на предохранитель, и положив рядом, присел на колени. Я видел неподалёку шевелящегося раненного «лешего», но Хемуль не обращал на него никакого внимания. Так же размеренно и спокойно он вынул из чехла пластиковую флягу и, открутив крышку, приподнял мне голову за бок шлема и просунул горлышко в рот.

Левая рука начала слушаться, я приподнялся и жадно глотал простую, но такую вкусную и родную воду...

Заставил себя сесть. Очень не хотелось при товарище ощупывать себя – тела я почти не чувствовал – только страх, что я снова обгадился, как тогда, в схватке с псевдогигантом, заставил меня сделать это. Я ощупал себя. Хемуль невозмутимо наблюдал за мной, по-прежнему не обращая внимания на поверженного, корчащегося у него за спиной врага.

Я попытался встать, но встать с колен не смог, и долго, как мне показалось, блевал в примятую моей стокилограммовой тушей, утяжеленной керамической бронёй и снарягой, мокрую, жухлую листву.

Хемуль поднялся, махнул кому-то рукой, и от опушки отделилась ещё одна фигура в камуфляже лешего. Человек был явно высокого роста, но его фигуру полностью скрывал костюм. Он подходил не спеша, оглядываясь вполборота, его М-18 – великолепная модификация М-16, но под российский патрон 7,62 – покоилась на левом локте, а за спиной виднелось странного вида длинное ружьё, закутанное в маскировочного вида тряпку.

Подойдя к раненому врагу, он деловито приподнял его и скинул с головы моего подрагивающего в конвульсиях несостоявшегося убийцы накидку костюма.

Бледное лицо под матовой каской, с вытекшими глазами, изорванное осколками, и полный тёмной густой крови рот с выпадающими в сгустках крови

зубами, придали мне новые силы, и я снова изверг остатки утренней трапезы в уже начавшую впитывать блевоту листву.

Я сидел на земле, прислонившись спиной к дереву. Ребята занимались своими делами. Патагеныч – уже без боевого маскарада, но еще не отмывший от камуфляжной раскраски свою широкую и добрую морду над вечно нечесаной бородой – как гора возвышался над костерком с перекладиной из кривой, по местным обычаям, палки, усердно кашеварил.

Хемуль, со свойственным ему хладнокровием, разрезав на раненом слепом пленнике одежду, поил его водой, периодически что-то успокаивающе приговаривая.

Раненный, видно, отошел уже от шока – ему явно вкололи наркотики и стимуляторы, даже пытался отшучиваться. Хемуль не спешил.

Заботливо наложив повязку на глаза пленного, он по возможности тщательно промазал раны на его лице, смыл ватным тампоном кровь. Тот очухался уже от шока, но явно не осознавал происходящего. Он что-то невнятно, но усердно причитал про свои офуенные связи в командовании Объединенной Группировки, про счета в европейских банках с миллионами кровных долларов, накопленных праведным трудом, и про то, как щедро он отблагодарит своего друга. Он – сам Мазератти! Лучший стрелок Зоны и возможно – всей Европы. В его бригаде три Гаусс-винтовки, которых единицы даже у Монолита. Он очень... очень... После короткого тревожного забытья, явно немного очухавшись, Мазератти осмелел, начал задавать вопросы – кто мы, где его товарищ, почему он ничего не видит – может мы развяжем ему глаза...

Брррррр, я, как сквозь пелену, видел, как отшатнулся от своего варева у костра Патагеныч, прямо с ложкой в руке, и шлёпнулся на задницу, громко ойкнув и смешно вскинув вверх бороду.

Хемуля словно подменили. Он хладнокровно, методично, бил ботинком по коленным чашечкам корчащегося и орущего от боли, очевидно, пронзающей мозг даже сквозь завесу наркоты, пленника.

Сделав передышку, Хемуль присел у костра и прикурил от уголька. Костёр весело потрескивал, варево уробно и сытно булькало, Патагеныч и я сидели молча, боясь даже привлечь к себе взгляд озверевшего Хемуля. Голый, избитый и израненный пленник стонал и корчился поодаль, и это явно сказывалось негативно на выделении нами пищеварительных соков. Хемуль нервно курил – я впервые видел его курящим, да еще и самокрутку, испускавшую едкий противный дым, до боли похожий на дым от местной, мутировавшей наркотической травы.

Патагеныч осторожно, чтобы не выступить в роли громоотвода для совсем, очевидно, съехавшего с катушек Хемуля, поднялся и робко продолжил помешивать варево.

Хемуля мелко трясло. Я заставил себя встать, обрести силы и помочь ему сделать то, чего он сам, наверное, даже накрутив себя, сделать боялся.

Подойдя к жалобно скулящему пленнику, я грубо взял его за волосы и поволок в сторону оврага поодаль от нашего бивуака...

Вернувшись, я не стал сразу подходить к ребятам, которые, явно курнув и пропустив по сотке, о чем-то весело, но привычно приглушенно ржали у костра. Я смачно облил кривоватый куст метрах в десяти от лагеря, стараясь аккуратно облить все его крупные ветки. Почти получилось.

Руки, стереть с которых кровь мокрой листвой там, в овраге, откуда я вернулся уже один, удалось не очень хорошо – они мелко тряслись, и попасть по кусту было сложно. Вдалеке слышались глухие хлопки выстрелов, завывание и вскрики зверей, и фоном к этому был заморосивший снова мелкий дождичек, и шелест, и запах опавшей и попревшей за зиму листвы.

Дышалось удивительно легко. Весна вступала в свои права...

Исход

Мы шли по звериной тропе, сторонясь дороги. Тропа шла параллельно асфальту, но мы полностью доверились чутью местных тварей, потому что риск нарваться на дороге на мину военных или на аномалию был несомненно выше. На тропе, конечно, встречались скелеты – привычное в Зоне дело, иногда даже человеческие: похороны тут были уделом избранных, и все обитатели Зоны, включая людей, совершенно безразлично относились к ним.

Точка встречи с Луисом была уже близка, и мы свернули с протоптанной тропы на юг, к заброшенному хутору, от которого, судя по плану, остались одни руины. До Периметра по прямой была пара километров, и мы, привычно внимательно оглядывая окрестность в поисках аномалий и бандитских засад, двигались очень медленно, рефлекторно приседая при любом подозрительном шуме или знаке, поданном исполнявшим роль проводника – как самый опытный – Хемулем.

Настроение было отличное – мы хорошо поживились артефактами, приборами и снарягой убитых наёмников, и даже получили наши гонорары живыми американскими деньгами – в рюкзаке Мазератти было больше полутора миллионов долларов наличными, в новеньких стотысячных купюрах выпуска две тысячи семнадцатого года – покойный убийца явно нёс такую сумму кому-то в уплату за очень серьезную услугу. После честной делёжки на троих Хемуль сразу же отвалил мне заработанные двести тысяч, а смешно трящему нечесаной бородой Патагенычу, отказывавшемуся брать с Хемуля обещанные им деньги за эту операцию – мол, в расчёте за спасение – пообещал дать больно в нос пяткой. Мы невольно оглядели его новые, но тяжелые и испачканные слякотью Зоны ботинки, что послужило убедительным аргументом и положило конец длительной дискуссии. Патагеныч, засунув пачки долларов в целлофановый мешок, упрятал их в рюкзак и нервно закурил...

Луис ждал нас у заброшенного хуторка. Его верные бойцы, чернокожие камерунские спецназовцы, заняв позиции, замаскировались, и мы даже не пытались их найти – зачем?

У хутора, на открытое пространство, вышел военный в великолепной экипировке НАТОвского образца, чистой (очень удивительно для Зоны) и почти не поношенной. Тепло встретив и обняв Хемуля, он проводил нас в оборудованный благами цивилизации подвал одного из домов, где капитан Гуген, как выяснилось, устроил себе штаб. Зависть меня мучила откровенно – у этих парней был даже складной пластиковый душ: стоял в углу комнаты, с насосом, работающим сто часов от батареи, со встроенной системой регенерации воды.

Гоугенд стоял у стены, вглядываясь куда-то через мутное стекло окна у потолка – землянка и подвал, увы, были тут, внутри Зоны, самыми комфортными обиталищами...

Он, не разводя ненужных разговоров, рассчитался с Хемулем наличными, и, после пропущенный три раза подряд по русскому обычаю рюмок шведской, очень чистой и вкусной водки, почти не торгуясь, выкупил у нас весь взятый с наёмников хабар.

И он, и мы прекрасно понимали опасность – наёмники-убийцы могли попытаться рассчитаться с нами за ликвидацию их лидера Мазератти, однако смерть была привычным завершением карьеры в Зоне и я, глядя на беззаботно веселящихся товарищей, старался не заморачиваться ненужными мыслями. Так проще...

Капитан, понимая наше состояние, постарался отвлечь нас рассказом о своей жизни, который мы слушали с неподдельным интересом. Ведь не каждый день доводится узнать о том как живут люди на столь мало известном у нас огромном «чёрном континенте»...

Он в городе Эдеа не большом городе недалеко от самого крупного порта центральной Африки – Дуала, в простой семье из семи детей. Это среднее количество детей для Какмеруна того времени, пояснил он. У некоторых соседей было и по десять и по пятнадцать детей, и в тех семей где практиковалось многоженство, количество детей могло превысить тридцать!

Луису повезло родиться шестым ребенком – и последним мальчиком – поэтому всегда чувствовал себя защищенным старшими братьями и сестрой. Район где он родился, был один из самых бедных. Мало кто ходил в школу, но ему повезло, в возрасте пяти лет он пошел в школу, и учился очень усердно, и старался отличиться, хотел стать большим человеком.

Тогда было принято считать, что учеба открывает дверь к успеху, так как страна не так давно получила статус независимого государства, остро требовались обученные люди для заполнения вакантных мест которые оставили французы.

Он рос в районе, который отличался особой сложной криминогенной обстановкой (если сравнивать с Америкой, то Гарлем в Нью-Йорке- рай на Земле). Днем все дружно играли в футбол (любимая национальная игра камерунцев) а вот по вечерам регулярно происходили массовые драки между различными группировками, которые часто заканчивались человеческими жертвами. Любимым оружием являлся “мачете” – который используется в Камеруне на все случаи жизни, от огорода до бандитских нападений.

Уже в шестом классе школы, будущий капитан перебрался в большой портовый городе Дуала, куда переехал его старший брат – взявший Луиса с собой. Там его жизнь круто изменилась. Будучи поилежным учеником, он прошел конкурс в элитный колледж, где учились дети самых влиятельных людей этого большого города. Это была частная католическая школа, где преподаватели были европейские католические миссионеры. Жили они с братом уже в новом элитном районе, брату очень повезло – после учебы его взяли на работу в молодое, бурно развивающееся предприятие.

Будучи отличником, Луис мог выбирать любое направление своего развития, но его интересовала техника, и он мечтал стать инженером- электронщиком.

Однако судьба распорядилась иначе, и в возрасте восемнадцати лет его вызвали в отдел контрразведки, где предложили поступить на государственную службу, и участвовать в борьбе с организованной преступностью в городе, где он родился.

Не согласиться было нельзя, как и в любой другой стране, спецслужбы не делают предложений от которых можно отказаться... Да и будучи социально ответственным парнем, видевшим перспективы для себя и своей родины, Гоугенд понимал что без подавления кровавых бандгруппировок и установления сильной полицейской власти улучшение жизни простых невозможно.

Война с криминалом тянулась почти два года, но Луис закончил её в звании лейтенанта спецназа Камеруна, что было очень почётно, и гордо носил боевой орден «За Заслуги», который не преминул со всем африканским пылом нам продемонстрировать тут же, под очередные «на два пальца прозрачной». Выпили. Закусили мудрёными африканскими закусками, которые гостеприимный хозяин радостно вывалил на стол.

Дальнейшая история – учился, проходил службу, участвовал в боях там-то и там-то, был награжден – была уже очень похожей на истории судеб других военных разных стран, гнивших в вечной сырости аномальной Зоны в промежутках между участием в разруливании международных конфликтов в составе Объединённого контингента сил ООН.

Мы выпили еще по одной, когда в подвал ввалился здоровенный парень в камуфляже, со знаками различия армии Камеруна и нашивками Объединенного командования, и не глядя на нас вообще – многие военные в душе презирали сталкеров, и камерунцы не были исключением – что-то спешно и немного сбивчиво доложил капитану на своём языке. Дураку было понятно, что эти чернокожие бойцы явно не робкого десятка, и тут, на территории Зоны, не в первый раз. Естественным был вывод, что что-то явно идет не так, раз спецназ задержался и даже рискнул оторвать их капитана от дел.

Луис, спокойным голосом ответив товарищу по-французски – мы все равно не понимали, благо английский во всех его проявлениях и русский были в основном употребимы в Зоне – поднялись и мы, не смотря на жуткую усталость, морально изготвились к очередному бою...

На лагерь напали псевдопсы. Видимо, отступая, мы несколько замешкались с маскировкой, ну или просто забыли вечное правило сталкеров – замечать следы. Кайенский перец, в частности, был в Зоне одним из самых эффективных методов самообороны от этих мерзкий и настойчивых тварей.

Псами явно заправлял контролёр, что новостью не было, но потребовалось долго прочёсывать окрестности огнём тяжелого спаренного пулемёта, прежде чем его тушка смешно свесилась с дерева неподалёку, капюшоном книзу. Стая, утратив ментальный контроль над собой, быстро разбежалась, огрызаясь и скуля, а раненых псов бойцы быстро добились из винтовок.

Не задерживаясь более, мы попрощались с нашим камерунским другом и пошли на Восток – к точке перехода Периметра, зарезервированной для Хемуля.

В конце концов, по негласному соглашению, мы с Патагенычем не хотели оставить его одного в двух часах хода от Периметра, в местах, где его могли ждать самые страшные в Зоне враги – люди, и с крупной денежной суммой в рюкзаке. Да и выходить через зарезервированную военными точку всегда было спокойнее...

Уже выходя из пролеска перед поляной, за которой стояла привычная сторожевая башня и вправо и влево тянулись на сколько было видно забор Периметра и ряды колючей проволоки перед ним, меня кольнуло какое-то странное чувство... Это была даже не опасность – что-то другое, непонятное, принесшее безмятежность в душе. Природа, не изменённая тут радиоактивным воздействием, была очень красива, на небе облака образовывали узнаваемые фигуры, и слышалось недалёкое пение птиц. Надвигались вечерние сумерки.

Фонтаны земли, поднявшиеся неподалёку, медленно и торжественно приближались к тропе, и, удивлённо заглядевшись на них, я понял, что это смерть. Конец. Последнее что я увидел перед полной чернотой, был большой, почти в мой рост, фонтан, поднятый между падающим на спину со слетающим с головы шлемом Хемулем и мной...